

ТОТІ ТРИ ЦІННІ КНИЖКІ ДОЛЖНЫ НАХОДИТСЯ В ДОМІ
КАЖДОГО КАРПАТОРОССА:

1. Наша Книжка.
Карпаторусска народна читанка.

2. Як Гартувалася Сталь.
Повість-роман Н. А. Островского о початках будовы
Совітской державы.

3. История Совітского Союза
с додатком: Коротка История
Карпатской Руси.

Всі три книжки, коли их выпишете разом для своей библио-
теки або на подарок вашей родині ци знакомым, можете
получити теперь
за \$1.50

Пиште в Редакцию "Карпатской Руси за тыми книжками."
KARPATSKA RUS
556 Yonkers Avenue Yonkers 4, N. Y.

ЧИТАЙТЕ И РОСПРОСТРАНЯЙТЕ СВОЮ
НАРОДНУ ГАЗЕТУ

"КАРПАТСКА РУСЬ"

ОРГАН ЛЕМКО-СОЮЗА В США И КАРПАТОРУССКОГО
ОБЩЕСТВА В КАНАДІ

Выходит раз на тыждень, по пятницам.

"КАРПАТСКА РУСЬ" має своих корреспондентов на Пряшев-
щині, на Лемковщині под Польшом и в Закарпатской области.
В "Карпатской Руси" найдете найполнійшу інформацію о
життє нашего народа по обох склонах Карпат и о життє
лемковских переселенцев в Совітском Союзі.

ПРЕДПЛАТА: \$3.00 НА ГОД.

За тоту саму ціну можете предплатити "Карпатску Русь" своим
родным в старом краю.

Чеки, мони-ордера и всі посылки адресуйте:

KARPATSKA RUS

556 YONKERS AVENUE

YONKERS 4, N. Y.

Tel. YOnkers 5—6056

Карпаторусский КАЛЕНДАРЬ ЛЕМКО-СОЮЗА

На Год 1952

Составил

Др. Симеон С. Пыж

Год Издания 27-ый



Печатано в типографии Лемко-Союза
Йонкерс, Н. Й.

556 Yonkers Avenue,

Yonkers 4, N. Y.

ЦІНА \$1.00

ЦЕРКОВНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ НА 1952 ГОД

Ключ граничный — П.
 Новый Год — в Понеділок
 Мясниц — 7 тыждней
 Троица нач. — 28 янв. (10 февр.).
 Мисопуст — 12 (25) февралі.
 Сыропуст — 19 февр (3 марта).
 Великдень — 7 (20) априля.
 Великдень Лат. — 31 марта (13 апр.)
 Вознесение — 16 (29) мая
 Сошествие Св. Д. — 26 мая (8 июня).
 Петров мясопуст — 3 (16) июня.
 Петр. посту — 3 тыждни и 5 дней.

ЛЕГАЛЬНЫ ПРАЗДНИКИ В США

1. Каждая неділя (воскресенье).

2. Новый Год — 1-го января. Во всіх штатах за вынятком: Массачусетс, Миннесота, Миссиссиппи, Нью Гемпшер, Аризона, Нью Мексико и округ Колумбия.

3. День рождения Президента Линкольна—12-го февраля (в 20 северных штатах).

4. День рождения Джорджа Вашингтона, первого Президента США — 22-го февраля. Празднуют во всіх штатах и территориях, за вынятком штата Миссиссиппи, где тот день только в школах празднуется.

5. День украшения могил павших солдат ("Декорейшен Дей") — 30-го мая. Празднуют в большинстві штатов (за вынятком Флориды, Джорджии, Айдаго, Луизианы, Миссиссиппи, Норт и Саут Каролайны, Теннесси, Тексаса и Нью Мексико).

6. "Форт ов Джулай", День независимости США — 4-го

июля. Празднуют во всіх штатах и территориях США.

7. День Труда ("Лейбор Дей") — первый понедельник місяца сентября. (В 1951 — 3-го сентября). Празднуют во всіх штатах.

8. День Колумба — 12-го октября. Празднуют в штатах: Калифорния, Колорадо, Коннектикут, Иллинойс, Мериленд, Мизури, Монтана, Нью Джерси, Нью Йорк, Пеннсилвания, Род Айленд.

9. День Благодарения ("Тенкsgiving Дей") — в последний четверг місяца ноября. Празднуют во всіх штатах и территориях, хотя не всюду он объявляется легальным праздником.

10. Рождество Христово ("Кризмус") — 25-го декабря. Празднуют во всіх штатах.

Кроме вышеуказанных дней, майже каждый штат має ише свои легальны праздники. День всеобщих федеральных и штатных выборов (обыкновенно в первый вторник ноября) считается так само законным праздником в большинстві штатов.

Январь — 1952 — January

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 П Нов. Год. Василия Бел.
 2 В Св. Сильвестра, пр. Серафима
 3 С Прор. Малахии; муч. Гордия
 4 Ч Собор 70 Апостолов
 5 П Муч. Феомита и Феоны. Нав. Бог.
 6 С **БОГОЯВЛЕНИЕ ГОСПОДНЕ**

7 Н По Просв. Собор св. Иоанна Пр.

8 П Пр. Георгия и Емилиана
 9 В Св. Филиппа; св. Петра
 10 С Св. Григория Нисск.; пр. Павла
 11 Ч Пр. Феодосия Бел.; пр. Миканла
 12 П Муч. Татяны; муч. Петра
 13 С Муч. Ермила и Стратоника

14 Н 32. Пр. Отец в Синаї избіен.

15 П Пр. Павла, Иоанна, Прохора
 16 В Поклон. веригам ап. Петра
 17 С Пр. Антонія Бел.; пр. Ахиллы
 18 Ч Свв. Афанасия и Кирилла Алекс.
 19 П Преп. Макария египетскаго
 20 С Пр. Евфимия Бел.; пр. Лаврентия
 21 Н О Закхеі. Преп. Максима исповід.

22 П Ап. Тимофея; муч. Георгия, Леонтия
 23 В Муч. Климента; св. Геннадия
 24 С Пр. Ксении; муч. Тимофея, Агапия
 25 Ч Свят. Григория Богослова
 26 П Пр. Ксенофонта и Марии; Аркадия
 27 С Св. Иоанна Златоуста; пр. Тита

28 Н О Мытарі и Фарисей; Ефрема

29 П Свмч. Игнатия Богоносца
 30 В Трех Святителей
 31 С Свв. безсребр. Кира и Иоанна

14 Январь. Гилария
 15 Павла отшельника
 16 Маркелла
 17 Антония
 18 Генриха
 19 Мария

20 2 по Епиф. Фабiana

21 Агнены
 22 Св. Семьи
 23 Раймонда
 24 Тимофея
 25 Обращение Павла
 26 Поликарпа

27 3 по Епиф. Иоанна Златоуста

28 Петра
 29 Франца
 30 Мартина
 31 Иоанна

1 Февраль. Игнатия
 2 Марии Громничей

3 4 по Епиф. Блажея

4 Андрея
 5 Агаты
 6 Тита
 7 Ромуальда
 8 Иоанна
 9 Кирилла

10 Старозапустна. Схолестикы.

11 Луциана
 12 Гавдения
 13 Катерины

ЗАПИСКИ

Февраль – 1952 – February

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 Ч Муч. Трифона; преп. Петра
 2 П **СТРИТЕНИЕ ГОСПОДНЕ**
 3 С Св. Симеона Богопр. и Анны прор.
 4 Н О **Блудном Сыні**. Исидора
 5 П Мучц. Агафни; св. Феодосия Черн.
 6 В Св. Вукола; муч. Юлиана
 7 С Преп. Парфения, Луки
 8 Ч Муч. Феодора Стр.; пр. Захарии
 9 П Муч. Никифора; свят. Иннокентия
 10 С Муч. Харлампия.
 11 Н **Мясопустна**. Муч. Власия
 12 П Св. Алексия, Митр. Моск.; Мелетия
 13 В Пр. Мартиниана; св. Евлогия
 14 С Свят. Кирилла; пр. Авксентия
 15 Ч Ап. Онисима; пр. Пафнутия
 16 П Свмуч. Памфила, Валентина
 17 С Велмуч. Феодора Тирона; Ермогена
 18 Н **Сыропустна**. Св. Льва, Агапита
 19 П Ап. Архиппа. (Нач. Вел. поста)
 20 В Пр. Льва; св. Агафона
 21 С Преп. Тимофея; свят. Георгия
 22 Ч Муч. Маврикия; преп. Афанасия
 23 П Муч. Поликарпа; пр. Иоанна
 24 С 1 и 2 обрѣт. гл. Иоанна Предтечи
 25 Н **1 Поста**. Торж. Прав. Тарасия
 26 П Св. Порфирия; пр. Севастиана
 27 В Преп. Прокопия, Тита
 28 С Пр. Василия исп.; пр. Марины
 29 Ч Преп. Кассиана

14 **Февраль**. Валентина
 15 Фаустина
 16 Юлианны
 17 **Мусопустна**. Констанции
 18 Симеона
 19 Кондрата
 20 Елевферия
 21 Андрея
 22 Петра кат.
 23 Петра
 24 **Запустна**. Матфея
 25 Анастасия
 26 Виктора. Нестора
 27 Александра. **Попелец**
 28 Романа
 29 Григория
 1 **Март**. Альбина
 2 **1. Вступна**. Симплиции
 3 Кунегунды
 4 Казимира
 5 Адриана
 6 Перпетун
 7 Фомы
 8 Иоанна
 9 **2. Сухая**. Франца
 10 40 мучеников
 11 Константина
 12 Григория Вел.
 13 Катерины

ЗАПИСКИ

Март – 1952 – March

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 П Препмуч. Евдокии; м. Нестора
 2 С Свмуч. Феодота.
 3 Н **2 Поста**. Пам. св. Григория Пал.
 4 П Пр. Герасима; муч. Павла
 5 В Муч. Конона, Евлогия, Иранды
 6 С Свв. 42 мучеников Амореиск.
 7 Ч Муч. Василия, Ефрема, Капитона
 8 П Пр. Феофилакта, Лазаря
 9 С Свв. 40 муч. Сев.
 10 Н **3 Поста**. **Крестопокл.** Кондрата
 11 П Свят. Софрония, Евфимия
 12 В Пр. Феофана исп.; св. Григория
 13 С Муч. Александра, Терентия
 14 Ч Пр. Венедикта; Феоноста
 15 П Муч. Агания, Никанора; Никандра
 16 С Свят. Серапиона.
 17 Н **4 Поста**. Пам. Иоанна Лѣств.
 18 П Свят. Кирилла; муч. Трофима
 19 В Муч. Хрисанфа и Дарии
 20 С Преп. Отцев избивенных
 21 Ч Пр. Якова исп.; св. Кирилла
 22 П Муч. Василия; преп. Исаакия
 23 С **Похвала Пр. Богородицы**
 24 Н **5. Поста**. Пр. Захария, Якова исп.
 25 П **БЛАГОВѢЩЕНИЕ ПР. БОГОРОДИЦЫ**
 26 В Собор Архангела Гавриила
 27 С Муч. Мануила, Феодосия
 28 Ч Пр. Иллариона; св. Стефана
 29 П Препмуч. Марка и Кирилла
 30 С **ЛАЗАРЕВА СУБ.** Пр. Иоанна Лѣс.
 31 Н **Цвітна**. Св. Ионы, митр. Киевск.

14 **Март**. Матильды
 15 Лонгина
 16 **3. Глуха**. Авраама
 17 Патрика
 18 Кирилла
 19 Иосифа Обручника
 20 Клавдии
 21 Венедикта
 22 Катерины
 23 **4. Среднепостна**. Октовiana
 24 Арх. Гавриила
 25 **Благовѣщение Пр. Богород.**
 26 Феклы
 27 Иоанна
 28 Сикста
 29 Ионы
 30 **5. Чорна**. Иоанна
 31 Бальбины
 1 **Апрѣль**. Валерия
 2 Франца
 3 Ричарда
 4 Исидора
 5 Викентия
 6 **Цвітна**. Юлиана
 7 Германа
 8 Дионисия
 9 Марии
 10 Макария
 11 **Великий Пяток**
 12 Виктора
 13 **Воскресение Христово**

ЗАПИСКИ

Апріль – 1952 – April

РУССКЫ СВЯТА

ЛАТИНСКЫ СВЯТА

- 1 П Преп. Марии Египетской
- 2 В Преп. Тита; муч. Поликарпа
- 3 С Преп. Никиты; Феодосии дѣвы
- 4 Ч Преп. Иосифа, Георгия, Зосимы
- 5 П Велика Пятница. Феодула
- 6 С Свят. Мефодия, архиеп. Моравск.

7 Н ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО

- 8 П Свѣтлый Понедѣльник
- 9 В Свѣтлый Вторник
- 10 С Муч. Терентия, Максима, Алекс.
- 11 Ч Муч. Антипы; преп. Якова
- 12 П Преп. Василия исп.; пр. Нила
- 13 С Свящмуч. Артемона

14 Н Фомина. Муч. Антония, Иоанна

- 15 П Ап. Аристарха, Пуда, Трофима
- 16 В Муч. Агапии, Ирины, РАДОНИЦА
- 17 С Пр. Симеона, Акакия, Зосимы
- 18 Ч Преп. Иоанна; св. Космы
- 19 П Пр. Иоанна, Никифора; Георгия
- 20 С Преп. Феодора, Анастасия

21 Н Мироточив. Муч. Января

- 22 П Пр. Феодора, Вигалія; Нафананла
- 23 В Велич. Георгия Побѣдоносца
- 24 С Муч. Саввы, Леонтия; пр. Фомы
- 25 Ч Ап. и Еванг. Марка
- 26 П Муч. Василия; свят. Стефана
- 27 С Свмуч. Симеона, сродн. Господня

28 Н О разслабленном. Ап. Ясона

- 29 П Свв. 9 мучеников в Кизиці
- 30 В Ап. Якова; свят. Никиты

14 Апрель. Свѣтлый Понедѣльник

- 15 Свѣтлый Вторник
- 16 Ламберта
- 17 Анникты
- 18 Аполлония
- 19 Льва

20 1. Біла. Агнеты

- 21 Ансельма
- 22 Сотера и Кая
- 23 Георгия
- 24 Юрия
- 25 Марка Евангелиста
- 26 Клепа. Маркелла

27 2. Петра

- 28 Павла
- 29 Петра
- 30 Екатерины
- 1 Май. Филиппа
- 2 Афанасия
- 3 Обр. Честн. Креста

4 3. Флоріана

- 5 Пия, папы Римск.
- 6 Иоанна
- 7 Станислава
- 8 Миханла
- 9 Григория
- 10 Антония

11 4. Адольфа

- 12 Иосифа
- 13 Роберта

ЗАПИСКИ

Май – 1952 – May

РУССКЫ СВЯТА

ЛАТИНСКЫ СВЯТА

- 1 С Прор. Еремии. Преполовление.
- 2 Ч Св. Афанасия В.; Бориса и Гліба
- 3 П Преп. Феодосия Печерск.
- 4 С Прмуч. Пелагии; св. Никиты
- 5 Н О Самаряньи. Муч. Ирины

- 6 П Прав. Иова многостр.; Иова Поч.
- 7 В Воспомин. знам. Честн. Креста
- 8 С Ап. и Еванг. Иоанна Богослова
- 9 Ч Пер. мощей свят. Николая Чудотворца
- 10 П Ап. Симона Зилота; бл. Таисии
- 11 С Свв. Раноап. Кирилла и Мефодия

12 Н О Слѣпорожденном. Епифанія

- 13 П Муч. Гликерии. Александра
- 14 В Муч. Исидора; св. Никиты
- 15 С Пр. Пахомия Вел.; свят. Исани
- 16 Ч ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ
- 17 П Ап. Андроника; св. Стефана
- 18 С Муч. Феодота; свв. 7 дѣв

19 Н Свв. Отец. Муч. Патрикия

- 20 П Св. Алексия, митр. Московского
- 21 В Св. Равноап. Константина и Елены
- 22 С Муч. Василиска; блаж. Якова
- 23 Ч Преп. Михаила; св. Леонтия
- 24 П Симеона и Никиты столпн.
- 25 С 3-е обр. честн. гл. Иоанна Крест.

26 Н СОШЕСТВІЕ СВ. ДУХА

- 27 П Пресв. Троицы. Муч. Ферапонта
- 28 В Пр. Никиты; св. Игнатия
- 29 С Муч. Феодосии; бл. Иоанна
- 30 Ч Пр. Исаакія Далматск.; Якова бл.
- 31 П Ап. Ермы; муч. Философа

14 Май. Бонифатія

- 15 Иоанна
- 16 Убальда
- 17 Пасхалиса
- 18 5. Феликса

19 Петра

- 20 Бернарда
- 21 Елены
- 22 Вознесение Господне
- 23 Иоанна
- 24 Иоанны

25 6. Григорія

- 26 Филиппа
- 27 Иоанна
- 28 Августина
- 29 Марии Магдалины
- 30 Иоанна
- 31 Анелии

1 Июнь. Сошествіе Св. Духа

- 2 Марцеллина (Зел. Понед.)
- 3 Клотильды
- 4 Квирина
- 5 Бонифатія
- 6 Роберта
- 7 Роберта

8 Св. Троицы. Медарда

- 9 Фелициана
- 10 Маргариты
- 11 Варнавы
- 12 Иоанна. П. Евхарастин
- 13 Антония

ЗАПИСКИ

Июнь – 1952 – June

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 С Муч. Юстина философа
 2 Н 1. Всіх Святых. Св. Никифора
 3 П Муч. Лукиллиана; пр. Афанасия
 4 В Св. Митрофана; св. Зосимы
 5 С Муч. Дорофея; св. Константины
 6 Ч Пр. Виссариона, Иллариона
 7 П Муч. Феодота; пр. Варлаама
 8 С Велмуч. Феодора стратилата
 9 Н 2. Всіх Святых Земли Русской
 10 П Свмуч. Тимофея; мучч. Антонины
 11 В Ап. Варфоломея и Варнавы
 12 С Пр. Онуфрия, Петра, Арсения
 13 Ч Мучч. Акилины; блаж. Саввы
 14 П Прор. Елисея; св. Мефодия
 15 С Прор. Амоса; св. Ионы, м. Моск.
 16 Н 3. Свят. Тихона; пр. Тихона Мед.
 17 П Муч. Мануила, Савела, Исмаила
 18 В Муч. Лонтія, Феодула
 19 С Ап. Юды, брата Господня
 20 Ч Свмуч. Мефодия; свят. Левкия
 21 П Муч. Юлиана, Терентия
 22 С Свмуч. Евсевия; муч. Зинона
 23 Н 4. Мучч. Агрипины; пр. Иосифа
 24 П Рождество св. Иоанна Крестителя
 25 В Прмучч. Февронии
 26 С Пр. Давида, Тихона; св. Дионисия
 27 Ч Пр. Сампсона; св. Иоанн мирон.
 28 П Свв. безсребр. Кира и Иоанна
 29 С Свв. Петра и Павла
 30 Н 5. Собор 12 Апостолов

14 Июнь. Василия
 15 2. Вита и Модеста
 16 Иоанна
 17 Адольфа
 18 Марка
 19 Юлиана. Гервасия
 20 Сильверия
 21 Алейсия
 22 3. Паулина
 23 Зенона
 24 Иоанна Крест.
 25 Вильгельма
 26 Иоанна. Павла
 27 Владислава
 28 Иренния
 29 4. Свв. Ап. Петра и Павла
 30 Емилини
 1 Июль. Теобальда
 2 Пос. Пресв. Дівы Марии
 3 Льва. Ипподора
 4 Берга
 5 Антония
 6 5. Исани
 7 Пульхерии
 8 Елисаветы
 9 Вероники
 10 Иоанна Дукт
 11 Палеген
 12 Генриха
 13 6. Маргариты

ЗАПИСКИ

Июль – 1952 – July

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 П Свв. безсребр. Космы и Дамиана
 2 В Положение ризы Пресв. Богород.
 3 С Пер. мощ. св. митр. Филиппа
 4 Ч Св. Андрея Критск.; пр. Марфы
 5 П Пр. Сергия Рад.; пр. Афанасия
 6 С Пр. Сисоя, Юлианы; Марины
 7 Н 6. Пр. Фомы, Акакия, Евдокии
 8 П Казанской Иконы Божіей Матери
 9 В Свмуч. Панкратия; св. Кирилла
 10 С 45 мучеников; преп. Антония
 11 Ч Бл. кн. Ольги; мучч. Евфимии
 12 П Муч. Прокла и Илария
 13 С Собор Арх. Гавриила
 14 Н 7. Свв. Отец Вселенских Соб.
 15 П Св. Равноап. князя Владимира
 16 В Муч. Афиногена, Павла, Валентины
 17 С Велмучч. Марины; пр. Лазаря
 18 Ч Муч. Якинфа и Емилиана
 19 П Преп. Макрины; бл. Романа
 20 С Пророка Илии
 21 Н 8. Прор. Езекииля; пр. Симеона
 22 П Св. Равноап. Марии Магдалины
 23 В Муч. Трофима и Феофила
 24 С Муч. кн. Бориса и Гліба
 25 Ч Прав. Анны, матери Пр. Богородицы
 26 П Свмуч. Ермолия; мучч. Параскевы
 27 С Велмуч. и Ціл. Пантелеимона
 28 Н 9. Ап. Прохора, Никанора
 29 П Муч. Каллиника, Серафимы дівы
 30 В Свв. ап. Силы и Силуана и пр.
 31 С Прав. Евдокима

14 Июль. Боневентуры
 15 Генриха
 16 Мат. Бож. Скап.
 17 Алексия
 18 Камилла
 19 Викентия
 20 7. Пророка Илии
 21 Пракседы
 22 Марии Магдалины
 23 Аполлинария
 24 Христины
 25 Якова апостола
 26 Анны, мат. Пр. Бог.
 27 8. Наталии
 28 Назария
 29 Марфы
 30 Авдона
 31 Игнатия Лайолы
 1 Август. Петра
 2 Мат. Бож. Ант.
 3 9. Обр. мощ. св. Стефана
 4 Доминика
 5 Пр. Д. Марии Сніж.
 6 Преображение Господне
 7 Каэтана
 8 Кириака
 9 Романа
 10 10. Лаврентия
 11 Сузанны
 12 Клары
 13 Ипполита

ЗАПИСКИ

Август – 1952 – August

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 Ч Пронсх. древ Ч. Креста (пост)
 2 П Перенес, мощей перв. Стефана
 3 С Пр. Исаакия, Антония, Космы
 4 Н 10. Свв. 7 отроков Ефесских
 5 П Муч. Евсигнея, Понтия
 6 В ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ
 7 С Прмуч. Дометия; св. Митрофана
 8 Ч Пр. Емилиана, Григория; Леонида
 9 П Ап. Мафтея; муч. Антония, Якова
 10 С Свмуч. Лаврентия архидиакона
 11 Н 11. Муч. Сусанны, Клавдия
 12 П Муч. Фотия, Аппикиты, Александра
 13 В Св. Тихона Задонск.; Максима
 14 С Прор. Михея; пр. Феодосия Печ.
 15 Ч УСПЕНИЕ ПРЕСВ. БОГОРОДИЦЫ
 16 П Перенес. нерук. Образа Спасителя
 17 С Муч. Мирона, Филиппа, Павла
 18 Н 12. Муч. Флора и Лавра
 19 П Муч. Андрея стратилата
 20 В Пророка Самуила
 21 С Ап. Фаддея; муч. Вассы
 22 Ч Муч. Агафоника, Афанасия
 23 П Муч. Луппа, Иринея
 24 С Св. Петра м. Киевск.; Арсения
 25 Н 13. Апп. Варфоломея и Тита
 26 П Муч. Адриана и Наталии
 27 В Преп. Пимена, Саввы
 28 С Пр. Моисея мурина. Саввы
 29 Ч Усѣк. главы Иоанна пр. (пост)
 30 П Бл. кн. Александра Невского
 31 С Положение пояса Пр. Богородицы

14 Август. Евсевия
 15 Успение Пр. Богородицы
 16 Роха. Иоахима
 17 11. Либерта
 18 Агапита
 19 Иоанна
 20 Бернарда
 21 Иоанна
 22 Тимофея
 23 Филиппа
 24 12. Варфоломел
 25 Людовика
 26 Зефирина
 27 Иосифа
 28 Августина
 29 Усѣкнов. главы Иоанна Крест.
 30 Розы. Иоахима
 31 13. Раймунда
 1 Сентябрь. Егидия
 2 Стефана
 3 Брониславы
 4 Розалии
 5 Лаврентия
 6 Захарии
 7 14. Регины
 8 Рождество Пр. Богородицы
 9 Петра
 10 Николая
 11 Прота
 12 Гвидона
 13 Поликсены

ЗАПИСКИ

Сентябрь – 1952 – September

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 Н 14. Преп. Симеона столпника
 2 П Муч. Маманта; св. Иоанна
 3 В Муч. Феофила, Анфима, Василия
 4 С Муч. Вавилы; прор. Моисея
 5 Ч Прав. Захарии и Елисаветы
 6 П Чудо Арх. Михаила
 7 С Муч. Созонта; пр. Луки, Макария
 8 Н 15. РОЖД. ПР. БОГОР.
 9 П Прав. Иоакима и Анны
 10 В Муч. Минодоры, Митродоры
 11 С Пр. Феодоры; пр. Сергия, Германа
 12 Ч Муч. Автонома; пр. Симеона
 13 П Память обновл. Храма Воскресения
 14 С ВОЗДВИЖЕНИЕ Ч. КР. ГОСП.
 15 Н 16. По Воздв. Велмуч. Никиты
 16 П Муч. Виктора, Евфимия, Сосфена
 17 В Муч. Софии, Віры, Надежды, Люб.
 18 С Муч. Софии, Ирины
 19 Ч Муч. Трофима, Савватия
 20 П Бл. Михаила и бол. Феодора
 21 С Ап. Кдрата; св. Димитрия Рост.
 22 Н 17. Прор. Ионы; прав. Петра
 23 П Зачатие Иоанна Предтечи
 24 В Первомуч. Равноап. Феклы
 25 С Пр. Сергия Рад.; пр. Евфросинии
 26 Ч Ап. и Еванг. Иоанна Богослова
 27 П Муч. Каллистрата; пр. Савватия
 28 С Пр. Харитона; муч. Александра
 29 Н 18. Пр. Кириака, Феофана
 30 П Свмуч. Григория; св. Михаила

14 Сентябрь. 15. Воздв. Ч. Кр.
 15 Никодима
 16 Киприана
 17 Ламберта
 18 Фомы
 19 Януария
 20 Евстахия
 21 16. Матфея
 22 Св. Фомы
 23 Феклы
 24 Геральда
 25 Клеопы
 26 Киприана
 27 Космы и Дамнана
 28 17. Вячеслава
 29 Михаила Архистратига
 30 Еронима
 1 Октябрь. Ремигия
 2 Леонидара
 3 Кандида
 4 Франциска
 5 18. Плакида
 6 Брунона
 7 Юстины
 8 Бригиды
 9 Иоанна
 10 Франциска
 11 Германа
 12 19. Максимилиана
 13 Едуарда

ЗАПИСКИ

Октябрь – 1952 – October

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 В Покров Пресв. Богородицы
2 С Андрея юр.; муч. Киприана
3 Ч Свмуч. Дионисия; пр. Иоанна
4 П Муч. Ерофея; св. Гурья Казанск.
5 С Свв. Петра, Алексия, Ионы
6 Н 19. Ап. Фомы
7 П Муч. Сергия и Вакха
8 В Преп. Пелагии и Таисии
9 С Ап. Якова Алфеева; пр. Петра
10 Ч Муч. Евлампия и Евлампии
11 П Ап. Филиппа; пр. Фесфана
12 С Муч. Прова, Тараха и Андроника
13 Н 20. Свв. Отец 7-го Всел. Собора
14 П Муч. Назария; пр. Николы
15 В Пр. Евфимия; св. Иоанна
16 С Муч. Лонгина сотника
17 Ч Пр. Андрея Критск.; прор. Осии
18 П Ап. и Еванг. Луки; пр. Иосифа
19 С Прор. Иония; пр. Иоанна
20 Н 21. Велмуч. Артемия
21 П Пр. Иларiona Вел., Якова
22 В Казанской Иконы Божией Матери
23 С Ап. Якова, брата Господня
24 Ч Муч. Арефы; св. Афанасия
25 П Муч. Маркиана и Мартирия
26 С Великомученика Димитрия
27 Н 22. Преп. Нестора летописца
28 П Муч. Терентия, Параскевы
29 В Препмуч. Анастасии; Авраамия
30 С Муч. Зиновия и Зиновии
31 Ч Апп. Стахия, Амплия и пр.

14 Октябрь. Каллиста
15 Тересы
16 Мартиниана
17 Лукии
18 Евангелиста Луки
19 20. Петра
20 Иоанна
21 Урсуды
22 Марии
23 Иоанна Кап.
24 Рафаила
25 Хризанта
26 21. Евариста
27 Фрументия
28 Симона Юды
29 Маркиза
30 Альфонса
31 Вольфганга
1 Ноябрь. Всіх Святых
2 22. День задушный
3 Губерта
4 Кароля
5 Захария
6 Леонарда
7 Геркулана
8 Здіслава
9 23. Феодора
10 Андрея
11 Мартина епископа
12 Мартина папы
12 Станислава

ЗАПИСКИ

Ноябрь – 1952 – November

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 П Свв. безребр. Космы и Дамиана
2 С Муч. Акиндина; прп. Маркиана
3 Н 23. Муч. Акепсима, Иосифа
4 П Пр. Иоаннкия; блаж. Симеона
5 В Муч. Галактиона; свят. Ионы
6 С Св. Павла; пр. Варлаама, Луки
7 Ч Свв. 33 муч.; пр. Лазаря, Зосимы
8 П Собор Архистратига Миканла
9 С Муч. Онисифора и Порфирия
10 Н 24. Апп. Ереста, Олимпа, Родіона
11 П Муч. Виктора, Викентия
12 В Св. Иоанна милостив.; пр. Нила
13 С Свят. Иоанна Злагоуста
14 Ч Ап. Филиппа; св. Григория
15 П Муч. Гурья. (Нач. Рожд. поста)
16 С Ап. и Еванг. Матфея; пр. Сергия
17 Н 25. Св. Григория; преп. Никона
18 П Муч. Платона и Романа
19 В Прор. Авдия; муч. Варлаама
20 С Преп. Григория; св. Прокла
21 Ч ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ ПР. БОГ.
22 П Ап. Филимона; бл. кн. Миканла
23 С Св. Митрофана вор.; Амфилохия
24 Н 26. Вмучч. Екатерины и Меркурия
25 П Свмуч. Климента, Петра
26 В Пр. Алимпия; св. Иннокентия
27 С Муч. Якова. Иконы Зн. Бож. Матери
28 Ч Препмуч. Стефана; Феодора
29 П Муч. Парамона; пр. Акакия
30 С Апост. Андрея Первозв.

14 Ноябрь. Иоасафа
15 Леопольда
16 24. Гертруды
17 Григория
18 Оттона
19 Елисаветы
20 Феликса
21 Введение во храм Пр. Бог.
22 Цецилии
23 25. Климента
24 Иоанна от Креста
25 Екатерины
26 Кондрата
27 Якова
28 Стефана
29 Сатурнина
30 1 Адв. Андрея апостола
1 Декабрь. Елигия
2 Еабнаны
3 Франциска
4 Варвары
5 Саввы
6 Николая
7 2 Адв. Амвросия
8 Непорочн. зачатие Дівы Мар.
9 Леокадии
10 Мат. Бож. Лор.
11 дамазин
12 Александра
13 Лукии

ЗАПИСКИ

Декабрь – 1952 – December

РУССКИ СВЯТА

- 1 Н 27. Прор. Наума; прав. Филарета
- 2 П Прор. Аввакума; пр. Афанасия
- 3 В Прор. Софроний; пр. Иоанна
- 4 С Вмуч. Варвары; пр. Иоанна Дам.
- 5 Ч Пр. Саввы освящ.; Анастасия
- 6 П Свят. Николая Мирлик. Чудотв.
- 7 С Св. Амвросия; пр. Антония
- 8 Н 28. Преп. Иотапия; ап. Сосфена
- 9 П Зачатие Пресв. Богородицы
- 10 В Муч. Минны; св. Иосафа; Фомы
- 11 С Пр. Даниила, Луки, Никона
- 12 Ч Св. Спиридона; муч. Александра
- 13 П Муч. Мардария, Ореста
- 14 С Муч. Фирса, Левкия, Филимона
- 15 Н Свв. Праотец. Свмуч. Елевферия
- 16 П Прор. Аггея; преп. Софии
- 17 В Прор. Даниила и 3-х отроков
- 18 С Муч. Севастиана; св. Флора
- 19 Ч Муч. Бонифатия; преп. Иллы
- 20 П Свмуч. Игнатия Богоносца
- 21 С Св. Петра, митр. Моск.; Юлианы
- 22 Н Свв. Отец. Велмуч. Анастасия
- 23 П Свв. 10 муч. Критских
- 24 В Навачерие Рождества Христова
- 25 С РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО
- 26 Ч Собор Пр. Богородицы. Иосифа
- 27 П Первомученика архидиак. Стефана
- 28 С 20 тыс. Муч. в Никомидии
- 29 Н По Рождеств. 14 тыс. м.л. убиен.
- 30 П Муч. Анисии; преп. Феодоры
- 31 В Преп. Мелании римляныни

ЛАТИНСКИ СВЯТА

- 14 Декабрь. 3 Адв. Спиридона
- 15 Валериана
- 16 Евсевия
- 17 Лазаря
- 18 Грациана
- 19 Немезия
- 20 Доминика
- 21 4 Адв. Фомы
- 22 Зенона
- 23 Виктора
- 24 Адама и Евы
- 25 РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО
- 26 Первомученика Стефана
- 27 Еванг. Иоанна
- 28 По Рожд. Млад. убиен. в Виф
- 29 Фомы
- 30 Давида
- 31 Сильвестра
- 1 Январь, 1953. Нов. Год.
- 2 Стефана
- 3 Гонимефы
- 4 Григория
- 5 Симеона
- 6 Трех Царей
- 7 Лукиана
- 8 Аполлинария
- 9 Юлиана
- 10 Вильгельма
- 11 1 по Елиф. Гигиния
- 12 Аркадия
- 13 Вероники

ЗАПИСКИ

НА НОВЫЙ ГОД 1952

Ише один год проминул,
В тяжкой біді світ покинул,
Теперь новый ся голосит,
Всі радостно го зустрічають
И надію нову мають,
Што поправу им приносить.

Світ широкий поділений,
В два табори розщеплений,
И змагаються дві сили:
Одна несе мир народу,
Нове життя, братську згоду.
Друга різню — сон могилы.

Силько труда положено,
Для прогресса затрачено,
Штобы життя улучшить,
Новы открыты дороги
Для научной перемоги,
И культуру поширити.

И чудесны суть машины,
Облегченный труд людины;
Можна лучший світ створити,
Штоб всі люде и народы
Мали права и свободы
И заможно могли жити.

Но захланность и злобивость,
Самолубство, пожадливость
Стоят тому на заваді,
Войну людем накладывают,
Свою личну власть будуют
На темноті и на зраді.

Но побідят честны люде,
Войну ломают и мир буде.
Их клич чуют всі стороны,
И мир люде подписуют,
Несвідомых пробуждают —
Против войны миллионы!

Наша родна земля

Великий русский поэт А. С. Пушкин в одном из своих стихотворений выразил природную любовь человека к родной земле в таких простых словах:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Як то прекрасно и мило сказано! И зрозуміло кожному. В этих чувствах начинают народное сознание и патриотизм. Они дивно близки нам всім — простому, неученому человеку и образованному интеллигенту. Они дивно близки нам, бо их немож змириги и объяснить. В них сердце находит пищу, корм. Як страва для желудка, так тоты чувства для сердца. Без этих чувств немож представить собі сердечного и характерного человека.

“Родне пепелище” — то наша хижка, в которой мы родились, и тот огнище, або просто по народному сказати — ватриско, при котором мати варила їсти, а мы в детских роках бавились в пепели. То врізалось кожному найглубже в память. Гдєкотры из нас эмигрантов прожили и по 50 літ тут в Америкі и забыли уж много за родне село, даже за своих родных, но тот “пепели-

ще” и нынє видят, як бы його вчера оставили. Они то памятають, бо их тягне к нему тот дивно близкое чувство, о котром говорит поэт.

“Отеческие гробы” — то могилы наших предков, тот кладбище, где они похоронены. Тут на чужині діти чтят могилу своего отца, своей матери, украшают ей цветами, приходят к ней помолитися. Но тут могилы наших отцов, матерей, близких родных и знакомых потрачены меже могилами покойников різних других народов и вір. Як жили меже чужими на чужой земле, так и по смерти меже чужими почивают. Но на своей родной земле они меже своими. Як жили цілом родином и цілым селом, так и почивают послі смерти. А рядом с ними попередны покоління, их отцы, діды и прадіды. Так у себе на родной земле любовь к отеческим гробам вяже человека с родном землем и с далекими минувшими поколіннями своего рода и народа. Мертвому тілу всеь ровно, где його похоронят, но при жизни человек все же має желание, чтобы он и по смерти был на своей земле, близко своих предков. Сам Пушкин выразил то прекрасным вершом:

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду поспевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

Пушкин, як гениальный национальный поэт, выразил вірно глубину привязанность русского народа к родной земле. Из истории знаме, што коли треба было обороняти свою землю от чужеземных захватчиков, то русские люди не щадили житья. Под каким правительством они бы ни были, всі ставали дружно на смертный бой. В такую хвилию они не втікали от смерти, а глядали ей, чтобы посвятити себе героически за свою землю.

Великую любовь к родной земле має и наш карпаторусский народ. Загнанный в горы Карпаты, притиснутый долги столітия нуждом и гнетом чужих правительств, он привязался так к своим горам, лісам, полянам, што без них он не має правдивого житья. То не така широка, героична любовь, як у великого и сильного русского народа, але тиха, сердечна, жалобна, бо в многовіковой тяжелой чужой неволі наш народ страшил надію, што можна йому своими силами выбитися на свободу и оборонити себе на своей земле. Для того наш народ в своих родных Карпатах все звертал очы на восток в сторону России и вірил в тот одно, што освобождение може придти для него лем от великого русского народа.

Так любовь к родной земле, к своим горам, подкріпляла все в нашем народі и любовь к России, т. зв. руссофильство. И чым дальше на запад сягнути, на Лем-

ковщину и Пряшевщину, меже лемков, тым сильнійше держалось в нашем карпаторусском народі руссофильство.

Лемки по обох сторонах Карпат были оторваны от своей национальной державы, долгими віками не знали своего правительства, лем все находились под чужими правительствами. Не управляли сами собой, ни не управляли ними свои люди того же роду и языка, лем управляли ними чужинцы. Державны уряды были все чужы, и урядованье было на чужом языке. Так лемкам здавалось, што у них ніт ничего своего, крім той хатины и земли, яку посідала каждая родина, и своего родного села с його обычаями и традициями. Свой род и свое родинне село каждый лемко любил, гордился тым, но живой любви до цілого лемковского краю с його народом лемкам доло не удавалось выплєкати меже собой, бо не было ни таких установ ни таких историчных традиций, котры бы связували весь народ в одну цілость. У всіх лемков была лем идея принадлежности к великому русскому народу на востокі и віра в освобождение с востока. Тотта віра передавалась с рода в род и держались кріпко в народі. Так любовь к великой России закрывала и заступала лемкам любовь к своей Лемковщині. И лем тотта любовь к России, присутна всему населению Лемковщины, объединяла всіх лемков. Доки руссофильство держалось на Лемковщині, то всі лемки чувствовали себе единым народом.

Но Россия была далеко и мало знала народу. Што творилось в той России, кто ней управлял — лемки не знали и не старались познати. Они лем вірили, што там суть свои русскы люде, котры управляют по-русски, а не по-польски або мадярски, то уж ради того там мусит быть добре.

На самой Лемковщині была лем одна загальна установа, котра была близка народу, и котру он мог назвати "своем". То церковь. Народ любил церковь, бо в ней чул свой язык и встречал свои старинны обряды и обычаи, свою народность. И всяди тота церковь была однакова. Ци пошел на сусідне село, ци до иногого повіту, то всяди по церквах служили одинаково и сохраняли тоты самы обряды. Так церковь ище в най-большой мірі объединяла всю Лемковщину. Но то была униатска церковь, соединенна с Римом. Каждый лемко, котрый познал грамоту и прочитал даяку историчну книжку, довідувался зараз, што церковна уния была накинена нашому народу обманом и силом чужими правительствами. Довідувался, што нашы предки не были униатами, лем православными. Такий человек тратил раз уважение до униатской церкви и старался при первой возможности вернуться до своей правдивой віры — до русской православной церкви.

В результаті, скоро тилько на Лемковщині поширилась трохи грамотность и народ пробудился до культурного життя, нашы люде начали церковну борьбу. Тут в Америкі нашы эмигранты пере-

ходили массово в православие. Но в старом краю, доки держалась Австро-Венгрия, было заборонено переходити из униатской церкви в православну. Австрийскы власти боялись православных священников, як огня. За переход в православие людей сажали в тюрьму, судили и мучили. В послідны роки перед первым світовом войном настроение на Лемковщині было таке, што если бы Австрия признала народу полную свободу религии, то всі нашы села и всі люде поголовно оставили бы униатску церковь и перешли в православну.

Так пропала и церковь як объединяюща сила для нашего народа на Лемковщині. В 1917 року в России началась революция. Царя скинули и установили тимчасове правительство, а скоро потом большевики провели социалистичну революцию. Началась гражданска война и вооруженна интервенция заграничных империалистов для подавления социализма. Коли потом, послі закончения первой світовой войны, собралась мирна конференция в Парижі, то Россия не была даже представлена там. Мир робили без России. В тех часах нашы лемки, котры жили все віром в освобождение при помощи России, стратили свою послідню надію. Галицку Лемковщину забрала нова панска Польска, а Пряшевщина и Подкарпатска Русь достались Чехословакии. И сдавалось многим людям, што так останеся на много, много літ, або и навсегда, бо ніт силы, котра бы могла то змінити.

Ище перед первым світовом войном на Лемковщині были люде, котры розуміли, што для объединения нашего народа и обороны Лемковщины потребна своя народна лемковска организация, котра бы звернула увагу народа на свой родный край и плекала в народі любовь к тому краю. То добре было вірити в Россию и поддерживать связь с нашими братьями в Восточной Галичині, но коли увага народа была звернена на Россию и на политичне, економичне и культурне руководство из Львова, то народ на Лемковщині меньше интересовался положением у себе дома, в своем власном краю. Тому треба было зробити так, штобы лемки старались больше сами за себе, и при своем русском патриотизмі, яким они так величались, пробудили в собі и свой лемковский патриотизм. То значило, штобы они любили не лем свою фамелию и свое село, но полюбили и всю лемковску территорию по обох сторонах Карпат, як свой родный край. Связь с центральным руководством во Львові могло утримувати каждое село особно. Ци то была сельска читальня, ци кооператив, то они были прямо связаны с центральными установами во Львові, а с читальнями и кооперативами даже в сусідном селі от себе не мали связи. Так тота зависимость от львовского руководства не объединяла Лемковщину, а розъединяла. Коли во Львові укріпился украинский сепаратизм, то тот розъединяющий вплив стал ище сильнішим и больше шкодли-

вым для Лемковщины. В свои роздоры и дробны суперечки львовскы лидеры втягали и лемковскы села. Восточна Галичина могла выдержати скорше такы роздоры, но для лемков они означали полне роздробление их и так слабых народных сил. При том нашим людям становилось все больше и больше очевидным, што львовскы лидеры всіх групп и партий интересовались мало Лемковщином и отрекались наперед от ней, бо в своих территориальных пререканиях с поляками домагались границы на Сяні.

Так передовы лемковскы діятели начали уж тогди перед первым світовом войном класти подвалины под самостоятельную народну роботу для Лемковщины. Появилась газета "Лемко", печатанна на лемковском народном языке, котра призывала всіх лемков к объединению для обороны своего родного краю и будила в народі любовь к своему народному лемковскому языку, к своим обычаям и народным традициям. То зараз оживило всю Лемковщину. По всіх селах начали закладати читальни, торговли, молочарскы и другы кооперативы. Нашлись любители лемковской старины, котры собирали по селах народны співанкы, приповідкы и глядали за историчными документами дотычно лемковского краю.

Перва світова война убила тоту початкову роботу. На Лемковщині были произведены массовы аресты. Всіх передовых и больше активных интеллигентов и селян австрийскы власти **вывезли** в концентрационные таборы за Відень.

В таком Талергофі погибли сотни наилучших народных деятелей Лемковщины.

Послі войны, коли Лемковщина перешла под Польшу, польскы власти тлумили там беспощадно всяку культурно-просвітительну роботу. Тота интеллигенция, яка ище пережила австрийскы концентраційны таборы и войну, мусіла емигрувати за границу. А кто остася, был под строгим полицейским надзором. За каждым його кроком следила полиция. Но выбити из народа стремление к своим народным ділам было не легко, бо народ памятал то, што робилось на Лемковщині перед войном, и пробовал всіми способами обновити по селах предвоенны организации. Штобы отвернути увагу селян от народных діл и от политики, польске правительство поддерживало религиозну борьбу. Селам было позволено переходити на православие и будувати православны церкви. Православие не было страшне польскому правительству, бо православна церковь в Польші розорвала связь с Московским патриархом и проголосила свою независимость под покровительством польского правительства. То значило, што православие в Польші стало польским державным православием, подчиненным всецело польской власти. Но наши селяне не розобрались в том так скоро, и долги roky вели борьбу за православны церкви и тратили грошы на будову новых церквей и на содержание православных священников, котры не были ничым иным, лем агентами

польского правительства. С другой стороны, польске правительство старалось скріпити и униатску церковь меже лемками, штобы религиозный роздор продолжался дальше. Было устроено так, што униатскы храмы и церковны маеткы в селах, котры перешли на православие, оставались в посідании униатского епископа. Хотя бы и ціле село перешло в православие, то и так народ не мал права до униатской церкви и церковного маетку в том селі, лем мусіл будувати собі нову церковь и помещение для священника. Но православие и так ширилось все больше. Тогда польске правительство постаралось о то, што римский папа назначил для Лемковщины отдельного апостольского администратора в Рыманові и приобіцал створити лемковску епархию с лемковским епископом. Тым способом польске правительство думало увеличити популярность униатской церкви меже лемками, штобы она могла продолжати борьбу с православным церковом.

Но в 30-ых роках церковна борьба начала притихати на Лемковщині. Люде переконувались все больше, што то всьо одно, ци православный поп ци униатский, бо оба суть слугы польского правительства. Особенно молодежь отверталась от церковной борьбы и от религии. Люде переставали ходити в церковь. По селах можна было замітити, што в неділи и свята в церковь спішили переважно женщины, и то старшы віком, а мужчины сиділи дома, або ишли в поле. Молодежь

все больше интересовалась народными справами. Теперь молодежь ставала больше радикальным и советофильском. И старшы люде начинали с новым віром позерати на восток — на Советский Союз. Теперь они радовались, што нова Россия приходит знова до силы. А до того ище народ все больше интересовался роботом Лемко-Союза, основанного нашими эмигрантами в Америкі, газетом "Лемко" и другом литературом, яку издавал Лемко-Союз. Газета "Лемко" голосила народну лемковску программу и призывала к розвитку своих народных сил, своего языка и культуры, к обороні своего родного краю. Так она открыто выступила с том народном программом, яка созривала на Лемковщині перед первым світовом войном. Не дивно, што призывы американского "Лемка" находили живой отклик среди населения Лемковщины. Польскы власти начали сейчас принимать міры, штобы убити народный рух на Лемковщині. Найперше американский "Лемко" был забороненый строго в Польші. А потом польске правительство рішило примінити к народному руху на Лемковщині тоту саму тактику, яку выжило с таким успіхом против русской православной церкви, т. е. взяти його в свои руки и обернути на службу польским интересам. Нашлись меже лемками люде, котры за грошы польского правительства начали издавати лемковску газету в Криниці, назвавши ей так само "Лемком", и организовать в краю лемковску на-

родну организацию. Учитель Трохановский в Криниці даже издал при польской поддержке "Букварь". Тыми поступками польскы власти хотіли показати, што они не относятся ворожо к населению Лемковщины, а даже стараются задоволити його культурны нужды. Но народ зараз познался на той хитрости. Криницкий "Лемко" не оборонял народных интересов населения Лемковщины, лем хвалил панску Польшу, величал Пилсудского. Он не розвивал в народі любовь к своей родной землі, к Лемковщині, а любовь к Польші. Такой обман не мог мати успіха. То признали и польскы власти, бо при конці, перед 2-ом світовом войном, перешли к политике открытой, насильной полонизации. Из школ по наших селах были выкинены и тоты "лемковскы" буквари, и было приказано учити дітей исключительно по-польски.

Война с гитлеровском Германіем раскрыла всю гнилость и ничтожность той панской Польшы и ей лидеров. Не взяло ани 14 дней, як тото пышне панство было повергнуто в прах. В индустриальном світі польскы панове знали лем одну индустрию — вынаровления других народов, полонизации и латинизации. С таком техником они не могли устояти против современной военной машины гитлеровской Германии.

При германской оккупации Лемковщину присіли украинскы националисты из Восточной Галичины со своей "культуром". Штыри roky украинскы попы, учителя и січовики на герман-

ской службі вбивали нашому народу тоту "культуру". А тоты молоды лемковскы хлопці и дівчата, котры были вывезены на примусовы роботы в Германию и послі войны остались в западных зонах, прошли ище по несколько літ доповняющей науки той культуры в таборах для переміщенних особ. Так было воспитано большинство тых наших "скитальцев", котры позже начали приїзжати в Америку. Они из нашего родного краю, из наших сел, но познати их не можеме. **У них было выголено всяке чувство любви к родной земли, даже тото первоначальне чувство любви к родному "пепелищу" и к "отеческим гробам".** Многы из них забыли и язык своей родной матери.

—о—

Правдиву лемковску народну организацию в духі историчных традиций и стремлений нашего народа удалось створити меже лемковскими эмигрантами в США и Канаді. То есть Лемко-Союз, основанный в 1931 року в городе Кливланді, Огайо. В уставі организации ей программа была изложена так:

Лемко-Союз ставит собі за ціль объединение всіх выходцев из Лемковины и Подкарпатской Руси и их потомков в Соединенных Штатах и Канаді:

1) для дружной работы над просвіщеніем, политичным воспитанием и загальным культурным поднятием трудовых карпаторусских масс в Соед. Штатах и Канаді, штобы таким способом освободити их от жестокого вы-

зыску всякими паразитами и спекулянтами на народной темноті и неорганизованности.

2) для несения материальной и моральной помочи населению Лемковины и Подкарпатской Руси, штобы они также могли пробудитися к сознательной народной жизни, объединити свои силы и боротися против национального и социального гнета, под яким ныні находится Лемковина и Подкарпатска Русь, и штобы так могли статися вполні равноправными членами родины свободных славянских народов.

В примічании к той программі назвы "Лемковина" и "Подкарпатска Русь" были объяснены так:

Под назвом "Лемковина" треба розуміти территорию западных округов Галичины, заселенну русским племенем лемков (повіты: Новый Торг, Новый Санч, Грибов, Горлицы, Ясло, Кросно, Березов, Сянок и Ліско — ныні часть Польши), як тоже части бывших венгерских жуп: Спешской, Абаушской, Шаришской и Земплинской (ныні часть Чехословакии), называемы разом Пряшевска Русь.

То есть найдалыший на западі кут старой русской этнографичной территории, заселенный в одной массі русским племенем лемков, розділений польско-чехословацком границом на дві половины, и от того племени лемков названный Лемковином, або Лемковщином.

Под назвом "Подкарпатска Русь" треба розуміти т. зв. автономну Подкарпатску Русь, котра по международным договорам и

чехословацкой Конституции должна была получить автономию.

Для той работы Лемко-Союзу удалось объединити несколько тысяч передовых, больше сознательных крайовых эмигрантов и малу групу американской молодежи карпаторусского роду. Но охватити ширшы кругы нашей эмиграции в США он не мог, бо тут он встрітился со старшими людьми, котры оставили родный край ище перед первым світовом войном, многы из них ище в минувшом столітии. Повоенных эмигрантов в США было дуже мало. Старша эмиграция была так привязана до своих церковных организаций — парафий и заповоговых братств при церквах, што без священника не была способна зробити крока вперед. А духовенство майже поголовно, як униатске так и православне, выступило с цілом силом против новой народной организации. До того ище наши люде были так поділены меже собом на церквах и братствах и закоснілы в ненависти одны до других, што если люде из одной парафии в даякой місцевости приступили до отділа Л. С., то члены других парафий в той же місцевости не хотіли там быти, штобы не сходитися разом со своими старыми врагами. Но в Канаді, где были молодшы послівоенны эмигранты, Лемко-Союз объединил большинство выходцев из нашего родного краю.

Лемко-Союз набыл свою типографию и начал издавати много литературы на родном лемковском языке. Крім газеты "Лем-

ко" (потом "Карпатска Русь") и ежепочных литературных альманахов ("Календарей" Л. С.), он выпустил много книжок театральных штук и повістей из народного житя, политичных брошюр, сборников народных пісен, школьных учебников и др. В переводі на лемковский язык была издана в типографии Л. С. книга советского писателя Н. Островского "Як гартувалася сталь", а также История Советского Союза и Карпатской Руси.

В своих политичных выступлениях Л. С. добивался признания национальных прав нашему народу в Польші и Чехословакии. Позже, коли Европа стояла перед новым світовом войном, Л. С. выступил с программом объединения галицкой Лемковщины, Пряшевщины и Подкарпатской Руси в один автономный край — Карпатску Русь в составе Советского Союза.

В своей ширшой политичной работі Л. С. сотрудничал с другими прогрессивными американскими и славянскими организациями в борбѣ против фашизма. Он был членом американской организации "Друзей Советского Союза", а потом, уж в часі 2-ой світовой войны, принимал активне участие в работі Американского Славянского Конгресса. На всіх конвенциях и конференциях Американского Славянского Конгресса карпаторусску делегацию составляли головно представители Л. С. и його отділов. В повседневной работі на місцях отділы Л. С. поддерживали найтіснійшу связь с русскими и украинскими

прогрессивными рабочими организациями. В часі войны Л. С. принимал участие во всіх кампаниях американской организации помощи Советскому Союзу "Рошел Вор Релиф" и собрал для него поверх 100 тысяч долларов готовком и много одежды и других продуктов.

Но всегда при всіх обставинах головна увага Л. С. была звернена, понятно, на оборону родного краю и на обеспечение нашему народу на його землі права самоопределения. Коли в часі войны представители чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоні начали ширити слухы, што Подкарпатска Русь и Пряшевщина мусят остатися при Чехословакии, бо таке порозуміння будто бы заключил президент Бенеш с советским правительством, то Л. С. в газеті "Карпатска Русь" и на собраниях выступал твердо против такой пропаганды и домогался, штобы нашему народу дома была дана возможность самому высказатися, куда он хоче належати.

Подобну пропаганду вели в Америкі и представители польского эмигрантского правительства в Лондоні. Они говорили постоянно о "старых польских границах" на востоки. Американскы официальные круги и вся американска пресса стояли в том вопросе по староні польской пропаганды. То значило, што не лем Лемковщина, но и вся Восточна Галичина со Львовом и Волинь должны были перейти наново под Польшу. Лемко-Союз боролся энергично против той пропаган-

ды и напоминал, што если говорить о старых польских границах, то не можна забывати и о старой русской границі.

До наибольшей горячки дошла тага польска пропаганда в момент, коли советскы войска, преследуючи немецких оккупантов, сближались к Збручу и к предвоенной польской границі на Волини. Наша газета "К. Русь" помещала тогда статьи в обороні русской этнографичной и историчной границы с Польшом. Л. С. мал тогда карпаторусску радио-программу на одной из ньюйоркских радиостанций — 15 минут в каждую неділю, и в той программі редактор "К. Руси" д-р С. Пыж передал слідующую историчну справку:

ИСТОРИЧНА СПРАВКА О СТАРОЙ РУССКОЙ ГРАНИЦІ

В послідних часах гдеякы газеты и радио-комментаторы в Америкі дуже интересуются польскими границами, а особенно восточном границом Польши. От того часу, як Красна Армия возобновила свою побідоносну офензиву на фронті к западу от Киева и прорвала немецку оборону, мы читали ежедневно в газетах и чули по радио, што русскы войска приближаются к "старой" польской границі. А в минувший понедельник все газеты запестрили огромными заголовками, возвішающими американской публикі, што русскы войска перешли тоту "стару" польску границу и уж быются с німцами на "старой" польской территории.

Нам американским карпатороссам дуже дивно, што так много газет и комментаторов на радио говорят постоянно о "старой" польской границі, а совсім не споминают за стару русску границу. Кто берется говорить о старых границах, повинен бы знати историю. Наш народ в старом краю, нашы предки на своей родной землі по обох сторонах Карпат жили соткы літ под чужыми правительствами. Но история говорит нам, што на той землі нашы предки мали колиси свою державу и свое правительство. Был час, што Галицка Русь занимала одно из передовых міст меже всіми русскими княжествами. Объединившия с волинскими княжествами, галицкы русскы княжества створили могучу Галицко-Волинску державу, котра продержалася ряд столітий. В часі, коли в Новгороді правил князь Александр Невский, Галицко-Волинска земля мала славного князя Данила. Граница того княжества была не на рікѣ Сані и Бугі, а на запад от тых рік. Вся Саноцка земля в Карпатах, на запад от Сана, и Перемышльска земля входили в состав Галицко-Волинской державы. Граница сягала за Рыманов, Ряшев и Переверск (Пшеворск). Місто Холм меже Бугом и Вислом было любимом резиденциом князя Данила. Волинска літопись под роком 1301 говорит, што и Люблин был одного часу под Русью. Все тоты міста лежат далеко на запад от линии Керзона и от той границы, доякой в сентябрі 1939 року дошла Красна Армия.

В 13-ом столітїи на Русь звалился страшный татарский погром. Русскы земли были страшно опустошены и население побито. Тогда польскы правители выкорыстали того ослабление русских княжеств и пошли войном на ослабленну и знищенну Русь. Они захватили силом территорию Галицко-Волинского княжества и прилучили ей к Польшѣ.

Но сегодня, если кто стоит за правду и справедливость и хоче щиро установити тревалый мир меже Русью и Польшом, то он должен говорить не лем о старых польских границах, но и о старых русских границах. Нынішна война есть народна война, длятого мы вірїме, што и мир буде народный, и што будущы границы будут проведены справедливо, згодно с желанием народов. Так и нашему карпаторусскому народу должны быти признаны права самоопределения, а граница должна быти проведена так, штобы территория, заселенна в сплошной массі карпаторусским народом — то-есть Подкарпатска Русь, Пряшевщина и галицка Лемковщина за Саном вошла в состав той державы, где живут единокровны братья карпатороссов — русскы, білоруссы и украинцы.

Длятого мы хочеме припомнути всім тым, котры говорят так много о "старой" польской границі, што есть также и старая русска граница.

Ньюйоркска газета "Н. Й. Таймс" вела перед в той американской агитации за "стару польску границу" на востоки. Она по-

міщала письма польских эмигрантов и американских писателей и политических деятелей, котры протестовали против рішень Ялтинской конференции дотычно польско-советской границы. Им и линии Керзона было за мало, хотя всі знали, што тота линия была одобрена експертами западных держав в часі Парижской мирной конференции в 1919 року, якы были на стороні Польши и старались дати Польші на востоці всьо, што лем можна было даяк оправдати и погодити с принципом национального самоопреділення. Коли в апрілі 1945 року "Н. Й. Таймс" помістила письмо группы видных американских журналистов, требовавших "справедливости" для Польши, редактор "К. Руси" послал в редакцию "Н. Й. Таймс" слідующий отвіт:

To the Editor of Tthe New York Times:

Reading the letter by a group of prominent American journalists, I was greatly perturbed by their unfairness to the Russian people. As in every dispute, we should take into consideration not only the Polish side, and demand justice for Poland, but also pay some attention to what the other side has to say. No justice will be done, and we will not be accepted as unbiased judges in the dispute if we insist on justice to Poland and never mention justice to the Russian people.

Russia bases her demands that the frontier between the Soviet Union and Poland be shifted westward, on ethnographic and historical grounds. The Soviet Government under the pressure from the United States and Great Britain, accepted the Curzon Line. It was a compromise painful to every educated Russian who knows the history of his land, because the old, historical frontier between the Polish and Russian States

was situated far to the west of the Curzon Line. Such cities as Peremyshl (Przemysl), centre of one of the Russian principalities in the 13th century, Cholm, where one of the greatest rulers of the Galician-Volhynian State, Daniel Romanovich is buried, Yaroslav, Sanok and the whole territory of the Russian Lemkos on the northern slopes of the Carpathians between the river San and Poprad have been given to Poland. There are many people, not only Polish propagandists, but also American journalists who claim even Lwow (Lemberg) for Poland. But every Russian schoolboy knows that Lwow was founded and built up by the Russian rulers Daniel and his son Lev, and that before the great Mongol invasion, it was the capital of the strongest Russian state. The Polish kings destroyed that state and took Lwow by force in the 14th century, after all Russia was devastated by the Mongols.

These facts are known also to every educated Pole. They learned in their classes of Polish history that the Polish king Kazimir the Great renunciated all rights to Silesia in favor of the German dukes and lost other Polish territory in the West, but he recompensated Poland by conquering Russian lands in the East, and for those conquests he is called in Polish history the *Great*.

The Polish kings and Polish magnates ruled over the Russian people of the conquered territory by a brutal oppression. A deputy from Volhynia, Drevninski, at the Polish Diet, in 1620, addressed himself to the Polish king in these words: "When your Majesty makes war on Turkey, from whom do you obtain the greater part of your troops? From the Russian nation, which holds the orthodox faith. How can you beg it to sacrifice all to secure for the country the blessings of peace when in its homes there is no peace? In the large towns our churches are sealed up and our goods are pillaged: from the monasteries the monks have departed and cattle are shut up in them. Children die without baptism: the ashes of the dead, deprived of the prayers of

the Church, are carried out of the city like dead beasts. At Lwow no one, not a Uniate, can live in the city, trade freely and enter into the organization of artisans..." ("Russia" by the French historian, Alfred Rambaud, translated by Leonora B. Lang, Vol. 1, page 268).

And now every American of Russian ancestry and Russian orthodox religion is deeply offended when he reads in the American press one-sided propaganda, spread under disguise of "justice for Poland" that this ancient Russian city, former capital of a great Russian state, should be given to Poland.

The Polish leaders in the United States put out claims that they represent six millions of American Poles, and three million voters. They use these fantastic figures to influence our representatives in the Congress. But their figures like their historical claims, are deceptive. If there are three million voters of Polish origin, then more than half of that number is composed of White-Russians, Ukrainians, Carpatho-Russians, Jews and Lithuanians who under no conditions would vote for the program of those Polish leaders.

The Soviet government compromised on the question of the Polish frontier and accepted the Curzon Line. But the Russian people, White Russians, Ukrainians, Carpatho-Russians will always regard this line as unjust to them, forced on the Russian government by the Allies.

It is impossible to reconcile the inflated claims of the London Polish government with justice to the Russian people. The leaders of the present Polish government in London are followers of the late Polish dictator Marshal Joseph Pilsudski. The Russians distrust them because they know them quite well. They conspired always against Russia. I will mention only one fact, little-known in America. In May 1904, during the Russo-Japanese war, Joseph Pilsudski travelled to Japan to offer his services and those of his followers to the Japanese government. In a memorandum handed to the Japanese Foreign Office, he explained that

Japan could find in Poland an ally "trained in a century-long fight against Russia". Proposing Polish alliance to the Japanese, Pilsudski set as the goal of this alliance not the liberation of Poland but the complete dismemberment of Russia. (Pilsudski's memorandum was published in full in "Collected Writings by Joseph Pilsudski," Vol. 2).

Russia fights in this terrible war to secure a real and durable peace for her people. She consented to compromise on the territorial claims in setting a new frontier with Poland. But she cannot compromise her right for security. Any deal with the followers of Pilsudski, unprincipled conspirators against Russia, would undermine the future peace in Eastern Europe.

Dr. Simeon S. Pyzh
Editor, "Karpatska Rus"
556 Yonkers Avenue
Yonkers, N. Y.

Но редакция "Н. Й. Таймс", котра поміщала охотно ріжны письма в обороні "старой польской границы", отказалась помістити тот отвіт. Она вернула письмо редактору "К. Руси" с таким пояснением.

THE NEW YORK TIMES
Times Square, New York, N. Y.
Lackawanna 4-1000
Apr. 25, 1945

Dear Dr. Pyzh:

We appreciate the courtesy and interest that prompted you to send up the enclosed contribution, but regret our inability to make use of it.

Sincerely yours,
The New York Times,
Edward A. Lyman,
Letters Editor.

В том часі, однако, борьба за Польшу переходила уж в иншу плоскость: вопрос о границах отходил на задний план, а вперед был высуненый вопрос о том, кто

должен управляти Польшом. Борьба велась меже народным польским правительством, яке формовалось в освобожденной Польши при поддержке Советского Союза, и эмигрантским польским правительством в Лондоне, яке мало за собою поддержку Англии и США. Окончательно победило народное правительство. Вместо старой панской Польши, на сцену истории вышла новая народная Польша, котра будувала свою политику на дружбе и тесном сотрудничестве с русскими восточными и другими славянскими народами. Такой Польши еще не было в истории, бо попередно все польские правительства ставились враждебно до русского народа и проводили римскую католическую и западную политику, принимая позу носителей высшей западной цивилизации меже "некультурными" народами славянского востока. От той польской политики страдал долг столетия и наш народ на Лемковщине.

Тот коренный поворот в польской политике нашел глубокий отклик и в нашем народе. При сохранении старого панского, католического режима в Польше не можна было и думать о даякой возможности обеспечения жизни нашего народа в той державе, и оставался лем один выход — домогаться присоединения Лемковщины разом с другими карпато-русскими землями к своей национальной державе, к России, а теперь, к Советской Украине, союзной республике Советского Союза, хотя как безнадежным представлялось бы то в данный исто-

ричный момент. Всю увагу треба было звернути на борьбу за новые границы меже Польшом и Советским Союзом. Но появление народной власти в Польше, дружественной Советскому Союзу, давало надежду на то, что и в новой Польше наш народ может получить приличные условия жизни и сохранить свою народность и свою землю. Мы разумели, что початки будут трудны, бо переменить душу целого народа далеко тяжелее, как переменить його политический и социальный строй. Но, с другой стороны, можна было сподіватися, что наколи народная власть укреплится в Польше, то она поведет польский народ по пути сближения и все теснейшего братского сотрудничества с русским народом и другими славянскими народами, и та политика приведет даколи к объединению всех славянских народов в даякой новой всеславянской федерации, в которой и нашим лемкам будет дана возможность строить новую жизнь на своей родной земле.

После того, как договоры о границах и о добровольном обмене населением были подписаны меже правительствами Советского Союза и Народной Польши, наш Лемко-Союз в Америке занекал все беседы о смене границы и начал с надеждой относиться к народной Польше. Правда, после закончения добровольного переселения лемков до Советского Союза в 1945 году на Лемковщине осталось мало народа. Больше половины всех лемков в Польше переселилось добровольно на во-

сток в свою национальную державу. Хотя тяжело им было расставаться с родной землей, унаследованной по предкам, со своими хатами, любимыми горами и кладбищами, где лежали их отцы, деды и прадеды, но их тягло на восток любовь к своим братьям и надежда на лучшую жизнь под своим народным правительством. Каждый человек на Лемковщине знал, что у себя дома, в своих горах, было тесно жить, то на протяжении многих лет тысячи были мушены глядеть кусок хлеба за океаном в Америке. Так и то же почтение земельной тесноты склонило многих к переселению на восток. Но на Лемковщине все еще осталось около 100 тысяч наших людей. При благосклонной политике народной Польши к национальным меньшинствам и при братской помощи польского народа, наши лемки, котрые остались дома, могли жить теперь лучше, как коли нибуль в своей истории, и стати довольными и лояльными гражданами новой Польской державы.

На то рахувал и наш Л. С. в Америке. Зараз по войне меже членами Л. С. было чути беседы, что многие из них думают вернуться на родную Лемковщину, в народную Польшу, и вывезти с собою американские машины, чтобы там помогать в будові колхозов и индустрии. На съезде Л. С. при конце 1945 году было решено послать одного из редакторов нашей газеты до старого края, до Польши, чтобы он там помогал в той работе и укреплял связь меже нашим эмиграциом и род-

ным краем. Выехавший до края с той миссией редактор Д. Вислоцкий был переконанным энтузиастом народной Польши. Он верил, что теперь по войне польские власти сменят целиком свое отношение к нашему народу и будут опекаться им по братски, а до того еще там начнется великое будовництво, и за пару лет наши эмигранты будут массово возвращаться из США и Канады на родную землю.

Но в действительности жизнь не идет так гладко, как в теории, подогретой личным энтузиазмом. Хотя пришла новая Польша, но народные массы остались с тем духом, в котором выросли, и треба много часу и работы, чтобы их перевоспитать. По урядах остались переважно старые урядники, бо новых не было. А как позже вышло, то и в центральном правительстве народной Польши находились люди, котрые думали о том, чтобы оторвать польскую политику от кооперации с Советским Союзом и связать ее с Западом. Разумеется, что все те группы относились враждебно к нашему народу на Лемковщине. Теперь они были еще больше разъярены, бо видели, что ход событий обернулся против них и они тратят грунт под ногами. Так та старая Польша, яка осталась в новой народной Польше, была еще больше мстива и злобива в отношении к нашему народу, как в тех часах, коли она мала всю власть в своих руках.

У нас на Лемковщине та старая Польша показала свою злобу в "выганыи" наших людей из

их родной земли. В 1946 року виганяли силом до Світського Союзу тих, котры не переселилися добровольно. Приходила полиция с войском до села и приказувала всім жителям сбератися, сідати на возы и їхати к совітской границі. Но совітскы власти держалися того, што переселение должно быти добровольным, и не принимали тех, кто сказал, што был насилу выгнаний. Тогда начались по наших селах ночны розбойничы напады и убийства. В лісах появились банды украинскы и польскы, котры терроризовали население. Есть много фактов, котры свідчат, што в гдеяких районах тоты банды были связаны с державном полициом и місцевыми властями. Так часть наших людей из тех, што остались, переселились под влияем такого террору до Світського Союзу. Сам бывший редактор "К. Руси", приїхавши в Польшу, встрітился с тем виганяньем наших людей до Світського Союзу, и познал, што на Лемковщині не дастся начати ниякой народной работы, так и сам приписался на переселение.

Но и тот террор не выгнал всіх людей из Лемковщины. Все ище там осталось поверх 60,000 людей, привязанных так до своей родной земли, што их ничым не можна было оторвати от ней. Тогда, в 1947 року, польскы власти пустилися на дорогу найвысшого насильства над нашим народом: перешли с войском через цілу Лемковщину и вывезли всіх наших людей на западны польскы земли, отобранны от Германии, и

там расселили их малыми группами або поединчо меже польскым населением.

Так тем актом польскы шовинисты не тилько отобрали нашому народу його родный край, но и засудили його на полну денационализацию. Не дивно, што тот акт народной Польши нашол прихильный отклик среди заграничных польскых шовинистов. Нам довелось говорити с группом польскых біженцев, группующихся коло газеты "Новы Свят" в Нью Йоркі, котры перед войном занимали видны посады при режимі Рыдза-Смиглого и Бека. Они ненавидят лютом ненавистью теперішню Польшу. Но в бесіді они высловились так: "Из цілой работы теперішнього режима в Варшаві мы одобряме и похваляме лем то одно, што он выселил ваших лемков на запад и очистил нам горы от чужых элементов".

В августі 1951 року в Варшаві судили группу польскых генералов по обвинению в шпионстві и державной зрадї против народно-го правительства. На процессі было выявлено, што в 1947 року даже на головных постах в центральном правительстві народной Польши находились лидеры, котры в порозумінні с эмигрантским правительством в Лондоні и агентами западных держав подготавливали антинародный переворот в Польші. Вице-премьер Гомулка, министр отысканных западных земель, и вице-министр Обороны ген. Спыхальский належали до той группы заговорщиков. А як раз под руководством тех двоих

министров было проведено и примусовое выселение нашего народа из Лемковщины. Оба они были потом арестованы як врагы народной Польши, но выселенным лемкам до сих пор не было ище позволено вернутися из вигнанья на родну землю.

Но мы вірїме, што правда и справедливость побідит, и што наши лемкы отыскают свою родну Лемковщину, як и польский народ отыскал страченны стародавны польскы земли на западі.

Потребно буде ище много літ, но Польша очистится от людей старого католического шовинизма и шляхетской гордости, и выйде на правдиву народно-демократичну дорогу не лем в своей международной политике, но и в повседневной домашней жизни. Инша Польша не може удержатися в новой обстановкі. А в такой народно-демократичной Польші национальна политика буде приближена к национальной политике Світського Союзу, где всі народности маюť свободу культурного развития, и признаются равноправными.

Лемко-Союз робил всьо, што было в його силах, штобы помочь нашим старокрайовым братьям в их трагичном положении. Наша организация посылала постоянно просьбы польскому народному правительству в той справі и апеллювала к славянским организациям. На всіх съездах Л. С., происходивших послї несчастного выселения, принимались резолюции и петиции в обороні родного краю. Вся тотa работа проводилась в духі славян-

ского братства и симпатии к новой народной Польші.

В таком духі был составленный и Привіт нашим братьям в старом краю, принятый послідным съездом Л. С., состоявшимся в сентябрі минувшого року в г. Кливланді, Огайо.

Привіт нашим братьям в старом краю

Мы делегаты XVI Гол. Съезда Л. С. шлемо сердечный привіт нашим братьям в старом краю — лемкам в Польші, в Чехословакии и переселенцам в Світском Союзі, як и нашим братьям на Світском Закарпатью.

Дорогы братья и сестры в старом краю, из писем, якы мы получаме от вас, показуеся ясно, што ваше житье всюду, где находитесь, улучшаеся с каждым роком. Послі страшного военного зничения ваши краины успіли за так короткий час отбудуватися и начати нову господарку для добра найширших масс трудящихся людей. Материально вы лучше обеспечены, як перед войном. А в культурном и социальном отношении ваш прогресс не можна ани поровнувати с тем, што вы мали перед войном. Не лем ваши діти, но и старшы люде маюť найширший доступ до науки и образования, и всіх допускают на державну службу и на роботу во всіх господарских предприятиях, на яку кто есть способный. Не робится уж больше той ріжницы, як при старых антинародных режимах, же руснак не може мати тех прав, якы мали т. зв. державны пануючы нации. Даже судьба

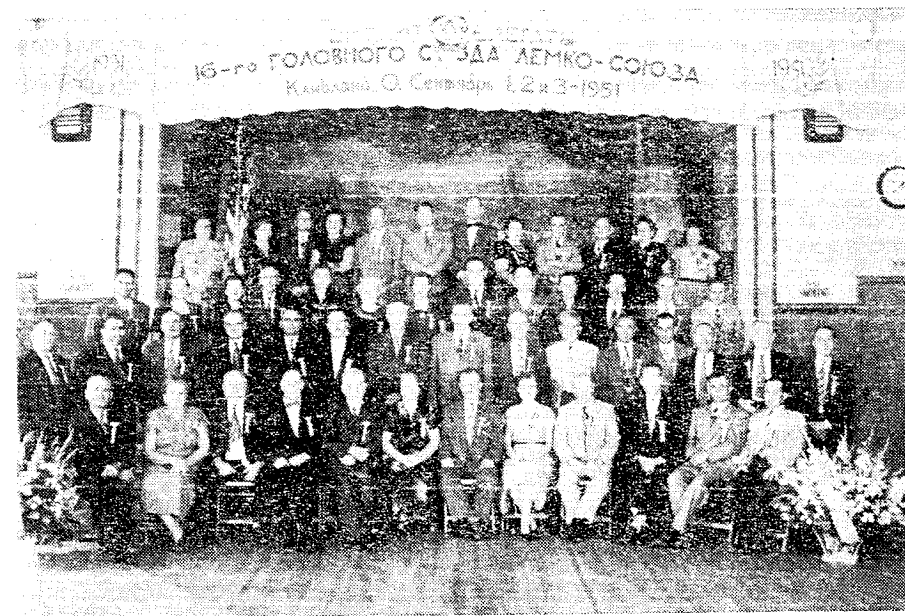
тых, котры были примусово выселены из родной земли на Лемковщині в западны области Польши, уллучилась в великой мірі, бо в народной Польши укріпляеся все больше правдива народна власть и на рудоводящы посты в краині приходят новы люде прогрессивного духа, котры вірят в славянске братство и проводят на ділі братске сотрудничество меже славянскими народами.

Мы радуемєся тому материальному и культурному прогрессу в вашем житію. Мы вірїме, што ваше положение буде уллучатися с каждым роком, если лем вам там в старом краю и нам за морем разом с всіми миролюбивыми народами світа удастся сохранить світ от новой войны и обеспечить тревалый мир и дружбу меже всіми народами без огляду на расову и национальну принадлежность. Мы, организованны в Л. С., все глубоко отчували кривду тых, котры были примусово выселены из родного краю на западны польскы земли, и робили всьо можливе, штобы вам помочь. Но мы вірили и вірїме, што тота кривда нашего народа на Лемковщині буде отчинена, бо мы вірїме, што народна власть в Польши буде укріплятися и постепенно очищаться от шкодничных элементов, зараженных старым национальным шовинизмом, и послі укріпления народной власти будут одинаковы права и свобода для всіх трудящихся, так што и наши братья в Польши, примусово выселенны из Лемковщины в 1947 року, получают возможность вернуться при державной

помощи на свою родну землю, кто того пожелает, и там строити свое житіе.

Дорогы братья, вы сділали тот быстрый прогресс послі войны завдяки новой господарской системе и завдяки народной власти, яка была у вас установлена послі войны. У вас будуетєся социализм. При той господарской системі вы можете будувати всюду новы фабрики, примінити найновшы машины и поднимати выроб всіх продуктов без страха, што то потягне кризис, депрессию, што машины заберут роботу, а робочы останутся без заработка, як то часто быват в западных державах, где держится старая система приватного капитализма. У вас, коли магазины и торговы пункты переполняются товарами, то есть знак добробыта для народа. А у нас як магазины наиболее переполнены товарами всякого рода, люде боятся, што кризис близко, бо приватный фабрикант, як не може продавати больше свои продукты с добрым зыском, то заперат фабрику, и работник остается без заработка и без хліба. Тогда великы фабриканты, индустриальны и финансовы магнаты, а и декотры малосознательны робочы думают о войні с даяком другом краинном, бо при войні держава дає робити оружис, аммуницию и всякы машины и материалы на войну, и всі мают занятие.

И ныні до вас там в старом краю доходит с запада пропаганда за войну. Вам передают тоту пропаганду по радио из Западной Германии, из Лондона и Нью



Делегаты XVI Головного Съезда Лемко-Союза, отбывшегося 1—3 сентября 1951 р. в Кливленд, О.

Йорка. Бывшим польским, чехословацким, украинским и иным панам дідичам, фабрикантам и бывшим высоким урядникам, котры біжали из родного краю, позволяют передавати вам по радио ріжны бесіды против нового житія, яке у вас будуетєся. Но вам повинно быти ясно, што то есть пропаганда новой войны. Тоты панове, котры повтікали из ваших краин на запад, хотят нову войну. Они гев меже нами открыто пишут, што они за войну, бо як не буде войны, то им не можна буде николи вернуться назад на свои стары місця. Але як бесідуєт до вас, то представляют себе вашими приятелями и захваляют политику западных держав. Но тоты самы западны державы вооружают німцев в Зап. Герма-

нии, штобы využити німецку армию для нового разбойничого нападу на славянскы земли и накопить на вас наново німецке ярмо.

Длятого мы говоримє вам, што тота пропаганда есть облудна и обрахувана на вашу згубу. Ваша счастлива будучность и лучша будучность ваших дітей есть в том новом будовництві, яке народна власть проводит у вас. Вы подержуйте тото будовництво, штобы у вас было больше фабрик, больше всяких продуктов, больше школ для добра всего народа. И як вірны граждане своей краины и честны строители нового житія, вы дочекатєсь скоро того, што и ваши справедливы народны желания будут исполнены народным правительством, бо сами видите, што меже славянами иде

не до розділу, а до тіснішої ко-
операции и большого единства. О
того славянское единство в Европі
розоб'ється и теперішня воєнна
пропаганда с Запада. Тогди и
войны не буде, бо против объе-
диненного славянства ни німцы
ни западны капиталисты не отва-
жатся выступити с войном, а ва-
шы народны правительства дали
ясны торжественны заявления,
што не собираются на никого на-
падати и не хотят думати о войні.

Так дороги наши братья и се-
стры в старом краю, мы из Аме-
рики, як представители нашей на-
родной организации Лемко-Сою-

за, жичиме вам дальших успіхов
в вашем мирном труді при будові
нового лучшего житья для всіх.
И жичиме, штобы теперішне на-
пряжение меже Западом и Восто-
ком, а особенно меже вашими
краинами и нашим Америком бы-
ло отстранено, бо тогди и мы с
вам мали бы лучшу связь. А на-
конец жичиме и вам и собі ище
того, штобы и вы и мы могли
назвати нашу родну Лемковщину
знова своим родным крайом и мы
могли приїзжати к вам на родны
місця в милы горы Карпаты, або
и вернутися на стары роки дожи-
вати свой вiк в родном краю.

НАРОДНА СПІВАНКА

Уж-ем поорал того полечко раз,
Миленька вышла, істи вынесла
И счестья рекла перший раз.

Витай миленька, витай здравенька раз,
Тяжко-м поорал, легче-м посіял.
Косити буде легче зас.

Уж-ем покосил и домов звозил раз,
Карта мі пришла, до войска-м пойшол.
Мила плакала за мною барз.

Не плач, миленька, не плач серденько раз,
Войско выслужу и домов верну
Газдовать буду вера зас.

Я домов вернул, женить ся хочу раз,
Дівчата шварны, страшно парадны,
Жадна мя не хце, вера зас.

Дівчатко шварне, не будь парадне раз,
Поддай рученьку, побесілуйме,
И добре буде дальше зас.



ИЗ ДІЯТЕЛЬНОСТИ КАРПАТОРУССКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ГАМИЛЬТОН, ОНТ.



Члены отдела Карпаторусского Общества в Гамильтон, Онт.,
Канада.

Начало карпаторусской органи-
зации в місті Гамильтон, провин-
ция Онтарио, в Канаді, было дано
28-го апріля 1933 года. Того дня
по инициативі организованного
уж раньше отдела Лемко-Союза в
Торонто, у нас отбылося перве
народне собрание, устроение в
сербской церковной галі, на Норт-
кат улиці, при участии 90 чело-
вiк, в том числі нескольких жен-
щин.

Для агитации и подготовки со-

брания отдел Л. С. в Торонто
прислал к нам тыждньом напе-
ред Нестора Волчака, котрый
днями и вечерами ходил от дома
в дом карпаторусских-лемков-
ских эмигрантов и разводил с
ними бесіду о значении для нас
своей народной организации
Л. С. и ей задачах.

В тоты часы значение своей
народной культурно-просвітитель-
ной организации наши люде ро-
зуміли слабо, потому и початко-

ва робота була дуже тяжка, а часто здавалось — і безнадійна. Но упорный труд и віра в правильность нашего діла принесли желанный результат. В означенном часі на собрание явилось порядочное число наших людей.

Я хочу тут подробніше сказати о том первом собрании нашей организации в Гамильтон. Н. Волчак открыл собрание о год. 8 вечером и предложил собравшимся выбрать председателя и секретаря для переведения митинга. Были выбраны: Александр Пацоллак — председателем, а Николай Цисляк — секретарем. Привитавши присутных с так знаменательным для нашей колонии в Гамильтон днем, председатель А. Пацоллак передал слово Василию В. Чепі. В одно-годинной бесіді В. В. Чепа широко объяснил экономичное и национальное положение карпаторусского народа, його культурну заотсталость на Подкарпатской Руси и на Пряшевщині за австро-мадьярского режима и потом прикупой национальной свободі буржуазно-демократичной республики. Обрисовавши дальше причины нашей эмиграции в незнаны нам далекие края, тяжке наше положение и национальное унижение тут на чужині, В. В. Чепа с натиском сказал, што тилько в своей народной культурно-просвительной организации в тісном сотрудничтві с другими прогрессивными организациями мы сможем добиться лучших житьовых условий и сохранить притом нашу национальную честь. Таком организацион у нас лемков-карпатороссов єсть Лемко-Союз.

Другим бесідником был Иван Похна, один из инициаторов и основателей первого отділа Л. С. в Виннипегу, Ман. Он подробно рассказал историю о том, як одного зимового вечера при конці 1929 года собралось несколько безработных молодых эмигрантов-лемков у краяна Т. Кохана в Виннипегу и послі обсуждения незавидного положения нашего народа в родном краю и тут в эмиграции пришли к мысли о создании своей народной культурно-просвительной организации. Так был организован первый отділ Л. С. Дальше И. Похна обрисовал цель и задачи Л. С. тут в Америкі и Канаді, а также отношение Л. С. к нашему родному краю.

Присутны на собрании задали бесідникам ряд вопросов, на котры они отвітили и объяснили ише лучше значение своей народной органаизации.

Послі того председатель собрания призвал присутных записуватися в члены Л. С. Вступило сейчас 17 членов. Урядниками нового организованного отділа были выбраны: председатель Алекс. Пацоллак, секретарь Максим Ксенич, фин. секретарь Андрей Кашак, кассир Иван Сабов, котролеры — Фиона Янкович и Мих. Телявский.

Слідуете замітити, што присутны были представлены майже в одинаковой скількості выходцами со всіх трех частей Карпатской Руси, т. є. Лемковины, Пряшевщины и бывшой автономной Подкарпатской Руси (ныні Закарпатской области УССР).

Як то часто случалось и позже

при таких выпадках, меже собравшимися нашлось пару особ, котры пробовали доказовати, што Л. Союз недостаточно прогрессивный, недостаточно революционный. Но тоты горе-революционеры и теперь шатаются поза организацию, оторванны от своего народа. Они остались далеко позаду тых членов, котры свой прогресс показывают на ділі, а не пустословными фразами.

Для лучшей заохоты и популяризации организационной работы, за місяц послі основания отділа драмкружок при отділі Л. С. в Торонто отограл у нас представление "Ицко Сват", а притом **выступил и хором**, исполняячи несколько карпаторусских народных пісень. Публика дуже полюбила того перве предприятие нашей народной организации.

Так началась организованна культурно-просвительна діяльність среди лемков-карпатороссов у нас в Гамильтон. Крім своей власной организационной работы для Л. С., наш отділ принимал активное участие в загальной борьбе за интересы трудящихся. В двох кампаниях на пресс-фонд для английской рабочей газеты в Канаді наш отділ Л. С. за ударну роботу, т. є. за перевыполнение своей квоты, получил в награду красное знамя.

Если добре помню, в 1937 или 1938 году был организованный Карпаторусский просвительный клуб исключительно из выходцев из Подкарпатской Руси. В началі между обоими отділами проявлялась недружелюбность, но потом удалось наладити лучшие отноше-

ния между ними, и работа проводилась дальше дружно и согласованно.

С началом 2-ой світовой войны между Германием и западными державами, коли Советский Союз оставался нейтральным в силу своего договора о неагрессии с Германием, канадскы власти закрыли прогрессивны робочы организации. Тогда и наш отділ должен был прекратити свою діяльність. Но ситуация в Канаді змінилась, коли гитлеровска Германия напала на Советский Союз. Западны державы и Советский Союз стали союзниками в борьбе против фашистской агрессии. Тогда у нас в Канаді была создана нова карпаторусска народна организация под названием Карпаторусске Общество. Вмісто отділов Л. С. и карпаторусских просвительных клубов, возникли отділы Карпаторусского Общества. И опять организационна работа пошла своим порядком. Но теперь наши усилия по большей части были звернены на поддержку войны против общего врага миролюбивых народов — против германского нацизма и японского милитаризма.

Мы купували военны бонды, давали военну пожичку, принимали активное участие в сборі средств для помощи пострадавшим от войны.

Но брак своего власного поміщения всегда гамувал нашу организационну роботу. Так в началі 1943 года мы постановили купити свое поміщение, котре отпывдало бы нашим потребностям и было бы под силу нашим финан-

совым возможностям. Нам удалось найти подходящий домик обанкротившихся польских баптистов, который мы купили и дали йому назву: Карпаторусский Общественный Дом.

При открытии Дома нам оказали громадную финансовую помощь отделы Карпаторусского Общества в Торонто, Монреаль, Виндзор, Форт Вильям, як тоже несколько отделов Л. С. и отдельных особ в США вступили в члены нашего Общественного Дома.

Наибольше потрудились при покупке дома и ремонте помещения следующие члены: Вас. Руси́няк, Ив. Гутник, Петр Гебуза, Мих. Марканич, Иван Сабов м., Петр Стинич, Николай Спьяк, Феодор Попович, Мих. Телявский, Мартин Федоровский, Мих. Ковач, Иван Сабов ст., Николай Гайдос, Феодор Мегела, Вас. Чепа и много других.

С набытием своего власного помещения организационная культурно-просветительная работа расширилась. Совместно с русским прогрессивным организационным — Федерацией русских канадцев была

создана русская народная школа и организовано объединенный русский народный хор. Под умелым руководством трудолюбивого дирижента Николая Зубеля хор завоевал себе уважение и славу среди славянской публики не только в Гамильтон, но и в окрестных городах. Все радовались, все тешились успехами многолетней культурно-просветительной работы.

Но пришла новая неожиданность. С наступлением холодной войны между Западом и Востоком где-то некоторые члены начали относиться пассивно к организационной работе. Кроме того, 5 наших активных и организации преданных членов уехали в родной край, а несколько других переселились на фермы. При таких обстоятельствах организационная работа у нас заметно ослабла. Но все-таки оставшиеся члены при помощи добрых симпатиков стараются работать все, что в наших силах. И все надеемся на лучшее.

Василий В. Чепа,
Гамильтон, Онт., Канада.



АМАТОРСКИЙ КРУЖОК ПРИ ОТДЕЛАХ Л. С. И Н. Н. СОЮЗА В ПАССАЙКУ, Н. ДЖ.



На фотографии показаны — сидят слева направо: Мария Брунда (мама молодой), Тим. Магала (дружка), Мария Фучила (дружка), Алексей Козик (молодой), Мария Милян (молода), Семан Фучила (дружка), Мария Процак (дружка), Михаил Васеленко — домотар, М. Мищенко (свашка). Стоят слева направо: Николай Гойлич (староста), Лил. Тарас (весільна), Андрей Карый (отец молодой), Иван Рушак (отец молодого), А. Козик (свашка), Евка Сидорак (весільна), Анна Милян (циганка и весільна), Анна Іезуско (весільна), Анна Шубяк (газдыня), М. Загорьян (мама молодого), М. Томчик (свашка), Анна Бабяк (свашка), Андрей Бабяк (заставник), Алексей Бідняк (суфлер). Музыканты: Стефан Челака, Теодор Рудавский, Иван Филипп. Дети — слева Анна и Женет Фучила; справа Нанси Гойлич и Мария Рушак.

В таком порядке выступали аматоры в первом представлении. Потом в следующих выступлениях зашла зміна, бо молодого Алексея Козика забрали до войска, то його роль исполнял Семан Фучила, а Иван Рушак взял роль дружки. Дальше Василь Іезуско ис-

полнял роль отца молодого. Дружку на місце Марии Процак забрала Анна Завойска.

Так само брали участие в представлении "Лемковские Весіля" А. Челака, Иван Мищенко и другие, которых на фотографии нема.

А теперь пару слов о том, як была организована у нас в Пассайку аматорска группа, котра поставила представление “Лемковске Весіля”.

Зышлося несколько передовых членов на митинг и бесідуют, же треба бы робити даяке представление, бо в Пассайку уж давно ничего не робили. Але яке? Рішили, же “Лемковске Весіля”. Глядаме аматоров. Здавалося, же то буде легко. Всі ся приобіцали, але на пробу не пришли. Звідуемєся, што ся стало. Один гварит, же му повідали, што може роботу стратити, як піде с нами грати представление. Инший повідат, же вшиткы можеме быти арестованы на “стейджу”.

Глядаме других. И нашли. Не всі вірят в такы страхы.

Поставили сме представление “Лемковске Весіля”. Народа ся зышла така масса, што велика галя Народного Дома на Третьой улице в Пассайку ище стилько не помішала. На мясниці рішили поставити другой раз в Пассайку. И другим разом галя переполнена. По великодни запросили нас до Елизабет, Н. Дж., с тым представлением. И там галя Русского Народного Дома переполнена. В Елизабет окружный организатор 1-го Округа Л. С. запросил нас до Карпаторусского Американского Центра в Юнкерс, Н. Ё. Аматоры ся згодили, так в осени поставиме “Лемковске Весіля” четвертый раз.

Николай Гойдич,
Клифтон, Н. Дж.

НА ЕДНО ВЫЙДЕ

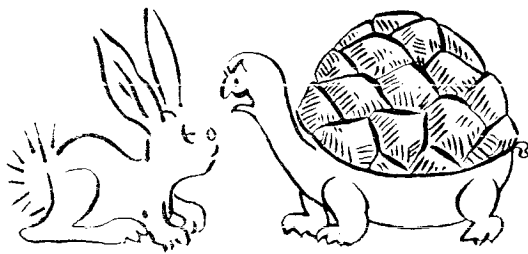
(Подслухано в Лемко-Клубі
в Кливланді)

Переміщена особа до старого эмигранта: Вы, діду, в Америкі поверх 50 літ, а не мате ничего, ани грошей, ани машины, ани своего дому. А я, видите, тут ише лем полтора рока, а у мене и грошы в банку, и машина в га-

раджу, и новый дом. И по якому то выходит?

Старый эмигрант: Яке диво? И у мене были грошы, была машина и был свой дом, як я побыл пару роков в Америкі. Але як ты побудешь в Америкі 50 літ, то ся так доробишь, што будешь такий богатый, як и я днеска. Подай руку, бо нам обом на едно выйде.

Николай Цисляк.



АМАТОРСКИЙ КРУЖОК В ЛИНДЕН, Н. ДЖ.



Из представления “Вертеп в Карпатах”.

На фотогафии показаны — в первом ряду: Петро Цигляр (дротар), Михаил Фецюх (газда), Иван Цигляр (малый хлопец), Теодор Цигляр (старый дідо), Йосиф Фрицкий (Амроз), Иван Миценко (жид Мошко).

В другом ряду: Хлопці и дівчата, цигане и циганкы — Антон Каня, Иван Завойский, Стефан Каня, Мери Завойска, Йосиф Ядловский, Мария Миценко, Мирон Перон, Мери Кордила, Теодор Рудавский, Параска Матлага, Иван Потоцкий, Александра Мацийовска, Иван Семен.

Тоты члены выступали в представлении “Вертеп в Карпатах”, поставленном с великим успіхом в Линден, Н. Дж., 21 октября 1950 р.

НАШ ЗАКЛИК ДО ВСІХ КРАЯНОВ В АМЕРИКІ

Мы члены Аматорского Кружка в Линден, Н. Дж., звертаемєся со своим призывом до всіх наших братьов и сестер, лемков и всіх карпатороссов в США и Канаді.

Дорогы братья и сестры, всі

мы без вынятку маме повинность шанувати и подпорувати нашу культурно-просвітительну организацию Лемко-Союз и нашу народну газету “Карпатску Русь”. Як бы не тота организация и наша газета “Карпатска Русь”, мы были бы страчены люде, и никто за нас бы не знал. Но завдяки

роботи Лемко-Союза и газеты “К. Русь” сегодня за нас знают не только всі карпатороссы тут в Америкі, но и наши братья и сестры в старом краю и в каждом закутку світа, куда лем закинула судьба наших людей.

В таких критичных и переломовых часах, яки мы теперь переживае, дуже трудно дознати-ся о житю нашего народа, потому што приватны листы от наших родных все меньше и меньше приходят по причині той шаленой “холодной войны”. Но завдяки нашей газеті “Карпатска Русь” мы мае ище возможность получати гдеяки відомости. В нашей газеті поміщаются корреспонденции из старого краю и приватны письма. Хоц такой лист был писанный лем одним человеком до його родных, но коли он помещенный в нашей газеті, то мы всі читае його, и он розвеселят або смутит наши сердца, в зависимости от того, яки відомости приносит. Мы то сами читае и другим передае, котры не читали.

Або взяти и наше положение тут в эмиграции. Ци мы могли бы так один другого познати и организовати такы театральны кружки, яки мы тут мае? Розуміеся, што ніт, бо мы розметаны по цілой Америкі. А и театральны кружки были бы непотребны, бо не было бы своей народной литературы, то такы аматорскы группы не мали бы што поставити на сцені.

Но завдяки своей культурно-просвітительной организации Л. С. и газеты “К. Русь” мы мае

тоту литературу. Мы познае од-ны других, сходимся на пред-приятія и читае о том, што робится меже нашим народом. Так люде из ріжных околиц могут познатися меже собою и разом вести народну роботу. Взяти, наприклад, и наш театральный кружок в Линден, Н. Дж. В том кружку участвуют выходцы из слідующих сел Лемковщины и Пряшевщины: Избы, Рінки, Брунары, Рыхвалд, Тылява, Барвінок, Дальова и Орлик.

Так тут мае наилучший примір, што значит наша народна культурно-просвітительна организация, и яку прекрасну роботу зробил Лемко-Союз за 20 літ своего существования. Меже нашим народом нашлося пару передовых людей с высшим образованием, котры не встыдались своего народа, своего материнского языка и своих лемковских-карпаторусских народных традиций, и они рушили тоту роботу при помощи всіх активных борцов за народны права и свободу.

Честь и слава належится вам, первые пионеры той нашей народной организации Л. С., ей основатели и труженики! А мы всі должны поддержати и розвивати начату роботу. Мы должны цілыми силами будувати свою народну организацию и распространяти нашу газету и другую литературу.

Пословица каже: Й Бог ся тым брыдит, што ся своего стыдит. Отже шануйме свое!

Йосиф Ст. Фрицкий,
Ровей, Н. Дж.

Ударники Пресс-Кампании газеты “Карпатска Русь” 1951 року

ОТДІЛ ЛЕМКО-СОЮЗА Ч. 6 В КЛИВЛАНД, ОГАЙО

В прошлой кампании на Пресс-Фонд “Карпатской Руси” и наш отділ ч. 6 Лемко-Союза в городе Кливленді выбился меже первых ударников. Так хочу тут вспомнати коротко за початки нашей работы в Кливленді и теперішны діла.

Початки были дуже трудны. Отділ ч. 6 мы основали ище в 1929 року, коли редакция газеты “Лемко” находилась в Филадельфии. Трудности ище увеличились, коли редакция газеты была перенесена из Филадельфии до Кливленду, бо треба было старатися о типографию, машины и рабочих, штобы обеспечить издание “Лемка”. Но тогдашний редактор Д. Вислоцкий натрафил нарешті на таких добрых, запеченых лемков, што не отступили от своего. То были: Баволяк, Ткач, Ардан, Співак, Дзвончик, Венгрин, Барна и други. Они не опустили майже ани одного дня, штобы ся не зыйти и не порадити о ділах организации и типографии. А по боках други сміялися и митингы робили по гавзах, штобы убити начату роботу.

На типографию треба было грошей, и то не мало. Своих организационных не было, лем треба

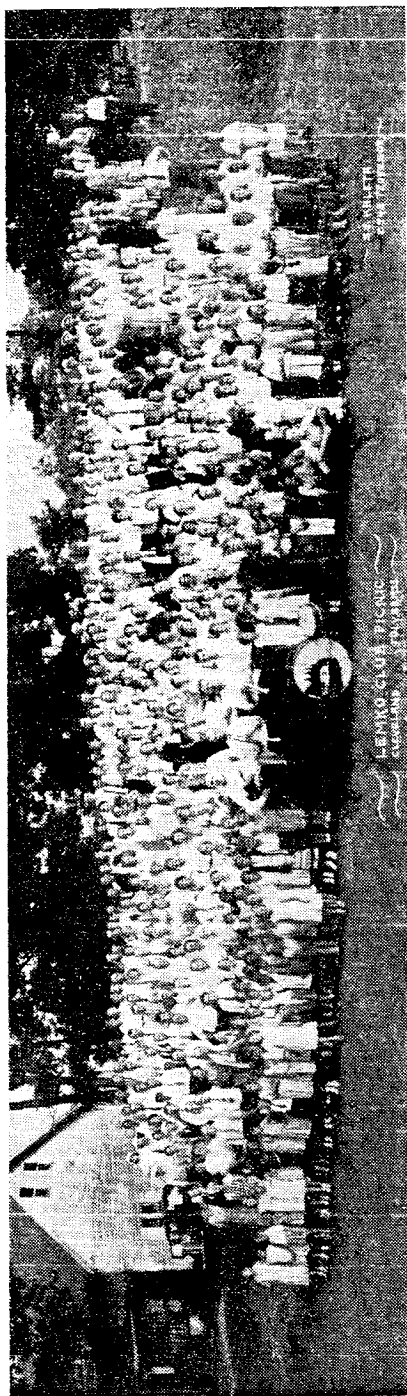
было пожичити. Но кто пожичит, коли нее жадного обеспечения, або як американцы говорят — нее “секюрити”? Але ся отважил один и пожичил грошы на машины. Честь тому человеку.

Што было, то перешло, але наш Лемко-Союз ся росширил. Сегодня каждый лемко знае за другого. Коли приде газета, и посмотрю на Пресс-Фонд, то все можна видіти новы міста и стейты, где живут наши люде. Никто за них перше не чул.

Один раз на початках было уж круто. Не было чым рент запла-тити и рату на машины. Приходит А. Ардан до мене и повідат: “Уже не даме рады”. Я повідам, жебы зробити даяку гостину на редактора Вислоцкого, то го познакомиме с людьми. “Кто же ся побере до такой работы?” махат головою Ардан. А я говорю: “Поможте, а я сколлектую грошы при помощи других”.

И так ся стало. За тыждень я собрала \$360.00. Зарентували мы галю и зробили добру гостину. Редактор Д. Вислоцкий мал случайность встрітити больше народа и розяснити справу организации. Мы тоже запросили прот. Капанадзе из православной парифии. Он так само призвал людей подтримувати свою народну орга-

низацию. Так всё вышло на добрый хосен.



И был ище при парафии священник Шамбура. Он зашел по домах и поширял газету. А йому никто не отказал, бо то был батюшка, духовна особа. Свящ. Шамбура в тех часах хвалил Гунянку. Он николи не споминал Вислоцкого, так люде ани не знали, кто есть Вислоцкий. Коли был съезд в Питтсбургу и выбрали Д. Вислоцкого за редактора, то нашлись в Кливланді и такы люде, котры ся погнівали, же чом не выбрали Гунянку, лем якогоси украинца. Они не знали, же то тот самый человек.

Потом много из тех початковых членов отступило, коли духовенство обернулось против нашей организации. Но мы собі с того нич не робили: один выступил, другого сме достали.

Так помаленьки мы окріпли и начали оглядаться, штобы набыти свое помещение. Поскладалися, кто сколько мог, и купили сме акурат таке, як и нашы лемкы достали на Д. Шлезку — без дверей и окон, и діры на даху. Але мы и тым ся тішили, же то наше: никто не запре нам воду або газ, як с нами робили на ренти. Нашы члены забралися до работы и поправили бесплатно.

Не вшиткы так помагали — поедны ся сміяли. Тым, котры робили бесплатно, належится честь и слава. А котры ся сміяли тогди, сміются и теперь. Заплатит 50ц. членского и приде на митинг раз в року, а хоче знати доходы.

На пикнику отділа Лемко-Союза ч. 6 в Кливланд, Огайо, в 1933 р.

Я не говорю о тех, котры робили за грошы.

По 10 роках нам удалось продать старе помещение и купити новый Народный Дом Л. С., котрым мы славимся перед всіми крайнами в Америкі. Нашы члены учатся все лучше управлять своим народным маетком и пильнуют, штобы был порядок.

Лем беда с тым, што брак молодых людей. На войну их забрали, а котры ся вернули, то уже не тоты, што были.

Теперішны урядники ведут свою роботу честно. Я не хочу хвалити никого по имени, але оно само ся вказуе. Коли бы у нас был такий уряд за давнійшы рокы, як теперь, штобы так дозерал всего, то у нас были бы уж два такы народны дома.

Мария Телех.

ОСИФ ДЗЯМБА ИЗ КЛИВЛАНД, ОГАЙО

Осиф Дзямба родился 10 октября 1903 року в селі Вышевадка, Ясельского повіта, на Лемковині, от родичов Ивана Дзямбы и Розалии, из роду Ванько.

Дідо Осифа со стороны матери, Осиф Ванько походил из села Долге, а отец Иван Дзямба — из села Липне. Отец Иван Дзямба был вітом в Вышевадкі на три заводы, то и Осиф с молодых літ выховался при сельском уряді. В 1926 року он с группом молодых лемков вымигровувал до Аргентины, в Южной Америкі. Там перебывал головно в Буенос Айрес и працювал на різних работах, пе-



Осиф Изанович Дзямба.

реважно при будові желізных дорог и мостов.

С газетом "Лемко" познакомился в 1937 року. Односельчанка Текля Балаш, теперішня його жена, из Кливланду, предплатила газету для него. С початку йому было трудно ятися читанья своей народной газеты, бо за 11 літ житья в Аргентині он привык к испанскому языку. Но до читанья притягали го дописи о предприятиях и забавах, якы устроювались при отділах Л. С. в Америкі.

В 1939 року Текля Балаш поіхала к нему в Аргентину. Там они повінчались. В 1941 року они планували переселитися в США, но тому помішала война. Жені удалось вернуть аеропланом в США, но Осиф мусіл остатися в Аргентині. Аж в декабрі 1943 року на ладунковом пароході.

омінаючи німецькі міни, он достался в США.

О три дни послі прибытия до Кливленду, Осиф Дзямба был присутний на членском собрании місцевого отдела Л. С. ч. 6, где записался в члены нашей народной организации. Он показал себе дуже примірним и активным членом, и в 1945 року был избраный кассиром отдела, а о рок позднійше — фин. секретарем.

Коли в 1945 року отділы Л. С. в Кливленді купили новый Народный Дом. Осиф Дзямба положил много жертв и труда, штобы дом привести до порядку и расширити свой отділ. Коли он зауважил, што в отділі завелось небальство и беспорядки в финансовой господаркі, то поднял рішительну борьбу против того и разом с другими передовыми членами постарался вывести роботу в отділі на чисту дорогу. Устав Л. С. является для Осифа священном книгом в организационной работі.

Во всіх кампаниях Л. С., як в часі войны, так и послі войны, Осиф находился в рядах первых ударников. В кампаниях на Пресс-Фонд "К. Руси" в 1950 року Осиф собрал около \$150.00 и был причислений к передовым ударникам, за што получил надгороду — золотый перстень с эмблемом Л. С. В послідной пресс-кампании он знова выбился на первое місце меже всіми ударниками нашей организации, собравши \$136.80. За то и удостоился чести войти в список наилучших тружеников нашей зимовой пресс-кампании 1950-1951 годов.

СТЕФАН ГЕРЕНЧАК ИЗ ДЖЕРЗИ СИТИ, Н. ДЖ.



Стефан Д. Геренчак.

Стефан Д. Геренчак, проживающий ныне в Джерзи Сити, Н. Дж., родился 22 мая 1901 року в том же місті, в Америкі, но малым хлопцем был вывезеный до краю, и молоды свои roky он провел в селі Тыляві, Кроснянского повіта, на Лемковщині. Оттуда родиче послали його до школы в Сяноку, где он окончил 3 классы гимназии. Дальшу науку прервала йому світова война 1914 року.

В той войні село Тылява было спалено, а жители — вывезены. Часть людей была переселена в Россию, а другая часть до табору в Гмунді, в Австрии. Стефан Геренчак попал меже тех, котры были в Гмунді. Он пережил счастливо войну и в 1923 року вернулся в Америку — в родне мі-

сто Джерзи Сити. В слідующем року оженился с односельчанком Марией Губик, котра войну так само переживала в старом краю, но она была вывезена в Россию, и там, в місті Воронежі, училась в русской гимназии.

В Америкі Стефан Геренчак перепробовал ріжны занятия. Мал свой бизнес — бучерню, салону. А от 1937 року он працюе шофером на автобусах.

Стефан Геренчак принимал все дуже активне участие в наших народных ділах и в американской политикі и проявил всюду организаторскы способности.

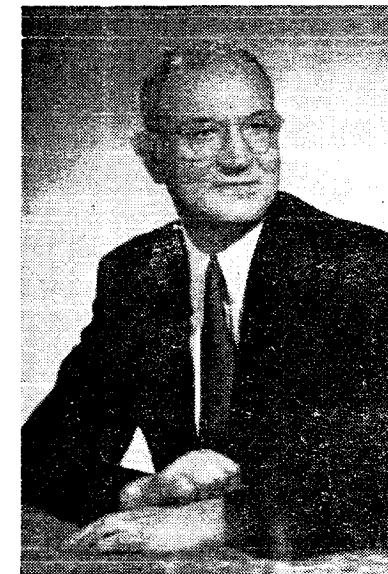
В Лемко-Союзі он працювал от самых початков. Он помог заложити отділ Л. С. в Джерзи Сити и разом со Ст. Шкимбом, из Бруклина, организовал в 1933 року первый лемковский "Бюти контест" для выбора "Мисс Лемко".

Стефан Геренчак организовал также односельчанский клуб "Тылява", котрый в 1945 року получил свой чартер и объединяет выходцев из села Тылявы и их дітей.

Стефан и Мария Геренчак выховали трое дітей, котрым дали высше образование. Найстарший сын Александр окончил инженерску школу и ныне працюе як инженер-будовничий при будові дорог. Молодший сын Владимир окончил калледж и сего року продолжает науку в Йейльском университеті в Нью Гейвен, Конн., на высшу учену степень в области экономичных наук. Нина, наймолодша из дітей, працюе секретарком мейора міста Джерзи Сити в його приватном бизнесі.

В минувшой кампаниях на Пресс-Фонд "К. Руси" Стефан Геренчак показал себе передовым ударником

ДАНИИЛ ГУМЕЦКИЙ ИЗ ФИЛАДЕЛЬФИИ, ПА.



Д. А. Гумецкий.

Даниил Антонович Гумецкий належит уж до старшой эмиграции, так як в Америку приехал 42 roky тому назад — ище перед первым світовом войном.

Родился в селі Устью Русском, повіт Горлицы, 1 января 1894 року. Окончил 3-ий и 4-ый классы нормальной школы в Новом Санчі и два классы гимназии в Горлицах, як воспитанник наших русскы бурс в tych містах.

В Америку приехал 15-рочным хлопцем в 1909 року. Уж в 1910 року он стал одним из инициаторов заповогой организации

Русского Православного Общества в Питтсбурге. Но общество существовало лем пару літ, бо зараз на первом засіданні было рішено не приймати в члены никаких священников, а духовенство в тех часах мало великий вплив меже нашом карпаторусском емиграциом и потрафило отстрашити членов от организации. Одно братство за другим роспадалось, так што осталось лем одно братство в Монессен, Па., котре дало початок до организовања теперішнього Православного Соєдинєня, но уж при участии православного духовенства.

За старанием Д. А. Гумецкого братство О. Р. Б. в Питтсбурге выросло в одно из наибольших в той организации. Так само он организовал при том братстві Русский Клуб, котрый має сего-

дня свою власну прекрасну будову на Савт Сайд в Питтсбурге.

Сам Д. А. Гумецкий перепробовал різны занятия. 11 літ працювал для ассураційной компании "Пруденшел", 5 літ в питтсбургском суді, в 1933 року переїхал в Филадельфию за менажера газеты "Правда" и на той должности пробыл 4 рокы, а, наконец, открыл свой власный бизнес — ресторан-салон в Филадельфии, котрый веде успішно до сих пор.

В минувшу войну он разом с другими членами Л. С. принимал активне участие в работі "Рошен Вор Релиф", выступал на банкетах, вічах и других предприятиях и от себе жертвовал на помощь русскому народу.

В послідньої кампанії на Пресс-Фонд "К. Руси" он от себе пожертвовал \$50.00 на поддержку газеты.

ОТДІЛ Л. С. Ч. 13 В СТЕМ- ФОРД, КОНН.

Наш отділ был заложенный 2 марта 1930 року на собрании передовых, сознательных выходцев из Лемковщины под руководством Макария Геряка. Зараз на первом собрании вписалось 18 членов.

На том же собрании было рішено, што каждый член отділа должен быть предплатником газеты "Лемко", официального органа Лемко-Союза.

Наш отділ от самого початку звернул велику увагу на поддержку нашей народной газеты. Так уж 28 августа 1930 року мы устроили пикник на фармі Макария

Геряка, председателя отділа. Из чистого дохода с того пикника выслано \$50.00 на Пресс-Фонд "Лемка" до Кливланду. В слідующем року были устроены два пикники на поддержку газеты. И так ишло с рока на рок. Крімі доходов с пикников, отдільны члены жертвовали щедро от себе на тоту ціль.

Лемковскы Русаля. — В 1932 року, 13-го июня, за старанием нашего отділа были устроены в первый раз Лемковскы Русаля в Стемфорд — на фармі Макария Геряка.

Предприятие было дуже успішне, и то зараз подняло славу Стамфордскых Русаль по цілой



Группа членов и членкинь Л. С. в Стемфорд, Конн.
(Снимок 1951 года).

околиці. На тоты первы Русаля в Стемфорд приїхали члены Л. С. из Ансонии на одном автобусі, з Юнкерс — на трьох автобусах и члены из Бруклина и Джерзи Сити — на одном. Загального дохода пришло \$504.39, а чистого дохода осталось \$263.91, из чого половину послано сейчас до Кливланду на Пресс-Фонд нашей газеты.

В том часі у нас діяствовал уж и женский отділ, котрый был заложенный 18 февраля 1932 року при 22 членкинях. Женский отділ оказал велику помощь в нашей народной работі.

Совмістно оба отділы проводили широку народну роботу. Ус-

троювались каждого року Лемковскы Русаля, а в осени Кермешы и други меньшы забавы. Отділы наняли помещение и открыли в нем свой клуб. В нашем Лемко-Клубі в Стемфорд отбылось много лекций, котры читали як редакторы нашей газеты, так и лидеры украинских, русских и других рабочих организаций.

Коли в Юнкерс началась будова Карпаторусского Центра, наши отділы пожертвовали або дали в виді пожичкы майже всі свои средства на финансирование того дома. И большинство наших членово стало членами Карпаторусского Центра и дали от себе прихватны пожичкы. Правда, всі тоты

пожички, як отдельным членам, так и отділам были вернены.

В военном часі наши отділы звернули головну увагу на поддержку военных усилий нашей страны и ей союзников для обеспечения победы над фашистскими агрессорами. Ежегодно мы жертвовали значны суммы на Американский Красный Крест и принимали участие во всіх кампаниях "Рошен Вор Релиф". Мы участвовали также в работі Американского Славянского Конгресса. В Стемфорд мы мали свой місцевый комитет Ам. Славянского Конгресса, в котром члены наших отділов выполняли найбільшу роботу.

В минувшей кампании Пресс-Фонда "К. Руси" мы старались, як и всегда попередно, выполнить свою обязанность, як наилучшее можно было. И нам всім приятно, што наши отділы были зачислены меже передовых ударников той кампании.

Член Л. С. ч. 13.

ОТДІЛ Л. С. Ч. 16 В ПАССАЙКУ, Н. ДЖ.

В 1930—1933 роках у нас были два отділы — один в Пассайку, а другой в Клифтон. Но на полрочном митингу Клифтонского отділа 1-го июля 1934 року председатель Адам Лішинский предложил, штобы оба тоты отділы злучили разом, то буде ліпше итти у нас народна работа. На то пристали охотно всі члены.

В Пассайку председателем был в том часі Георгий Шуфлат. Пер-

вый спольный митинг объединенных отділов отбылся 21 июля 1934 року. На том митингу был присутный организатор I Округа Л. С., котрый сказал интересные слова до членов, як треба вести работу в организации. Потом 21 августа, на наше собрание приіхал головный секретарь Л. С. д-р С. Пыж. Он прочитал лекцию, а по лекции мы мали митинг, на котром головный секретарь разъяснил справу, в которой было непорозуміние меже членами, а именно, як розділити грошы, што были придбаны попередно. Тых грошей было на сумму \$698.49. Решено было розділити их на три части: первая часть до Народного Дому на 4-ой улице, друга часть — на Желізный Фонд Л. С., а третья часть — молодежи, яка была при отділі.

Послі того работа пошла у нас в zgodі и добром порядку.

В том часі был организованный также женский отділ ч. 5. Они мали свой уряд и робили митингы особно от мужчин. Так само мають свою кассу. Но як треба было робити предприятия, то оба отділы мали спольны митингы и устроювали разом предприятия. Однако доходами ділилися и ділятся до сего часу.

Теперь уж пару літ митингы отбываются разом мужского и женского отділа, но каждый отділ має свой уряд.

На год 1951 уряд мужского отділа состоит из слідующих членов: председатель Михаил Бак, кассир Захар Мерена, фин. секретарь Николай Гойдич, рек. секретар Илько Шуфлат.

А в женском отділі: председателька Мария Костик, кассирка Варвара Касенуар, секретарка Емилия Капец. В другой половине року председателька Мария Костик выіхала из Пассайку до Флориды, то на ей місце выбрано за председательку Параску Ярош.

За старанием обох наших отділов в Пассайку было устроено много народных предприятий — представлений, концертов, віч и т. д. на поддержку культурно-просвітительной работы меже нашим народом и на всякы другы

ціли прогрессивных организаций.

Як в минувшы роки, так и в 1951 року мы старались провести кампанию Пресс-Фонда "К. Руси" як наилучшее можно было. Наша работа увінчалась добрым успіхом, бо мы выпили на передовое місце меже всіми отділами Л. С. Так мы приносиме щирю благодарность всім членам, котры трудились и котры дали жертву в той кампании на поддержку нашей народной газеты "К. Руси".

Михаил Бак.

ИВАН МАЛЮТИЧ ИЗ ЮНКЕРС, Н. Й.

Иван Малютинч родился в селі Ріпки, Гоглицкого повіта, на Лемковщині. В Америку приіхал молодым хлопцем — на 17-ом року життя. Найперше жил в Шенандоа, Пенн., а потом переселился до Майнерсвилл, в том самом штаті. Оба тоты місточка лежат в районі твердого угля.

Подобно другим нашим краям, И. Малютинч нашол работу при майнах твердого угля. Робил коло майн и в майнах под землем около 8 літ. В 1919 переіхал до Юнкерс, Н. Й. Тут познакомился с дівчином Варваром Микуляк, родом из сусідного села Ганчовы, Горлицкого повіта, котра приіхала в Америку в 1913 року и робила в шапі, а и служила, як то говорят, "у панов". В 1920 року поженилися. За якийсь час послі того обое робили в шапі, прискладали троха грошей, и купили штор-гросерню, котру ведут до сего часу.

Мают одного сына, літ 12, кот-

рый ходит в школу.

Иван Малютинч от первых літ своего життя в Америкі любил интересоватися общественными и народными ділами, як в церкви, так в братствах, клубах и других организациях. Любил спів и в молодых роках все належал до церковного хору — в Пеннсилваннии и Юнкерс, а так само принимал участие в театральных кружках.

При Лемко-Союзі трудятся разом с женом от самого початку. За його старанием был основанный отділ Л. С. в Юнкерс, а потом под його руководством велась будова Карпаторусского Ам. Центра. Цілый рял літ он занимал уряд Председателя К. А. Центра.

Можна сміло сказати, што нашу Народну Будову в Юнкерс — наш Карпаторусский Американский Центр, наша организация завдячує в наибольшей мірі стараниям, трудам и поддержке

И. Малютича. Он разом с покойным ныне Владимиром Гончариком вынесли на своих плечах початковы найтяжшы роки той Народной Будовы. коли треба было старатися не лем о финансы для покрытия расходов по будові и устройству К. Р. Центра, но и ходити за всякими пермитами, лайснисами и полагоджати ріжны легальны формальности. связанны с новым будовом и открытием бизнеса.

В Памятной Книжкі 10-ліття Л. С. и открытия К. Р. Центра, изданной в 1939 року, то-та діяльність И. Малютича при нашой Народной Будові обрисована такими словами:

“Меже членами К. Р. Ам. Центра находятся такы люде, што коли бы мы не мали их в организаци, то мы не могли бы ише братися до народной будовы. Первый из них, то председатель Центра Иван Малютич. Тот наш член положил много бескорыстного труда до той будовы. Не всі з нас порозуміют тот його огромный труд для нашего народа и признают, што если бы не тот человек, то то-та



Иван Малютич с женом Варваром и сыном Симеоном.

будова бы нас о много больше стояла, а може бы ей совсім не было... Сколько мог, помагал му кассир Центра Владимир Гончарик”.

В минувшой кампании Пресс-Фонда “Карпатской Руси” И. Малютич выбился меже передовых ударников.



Лужицкы Сербы

Лужицкы сербы — то последний остаток великой колись группы племен полабских славян, котры на початку VI століття жили меже ріками Вислом и Залом и меже Балтийским морем и Судетскими горами, но были потом вынищены німцами. Тоту территорию занимали следующие группы славянских племен:

1) сербы — к северу от Рудных гор;

2) ободриты (бодричы) — по нижньому течению ріки Ельбы (Лабы);

3) велеты (лютичы) — к востоку от ободритов, до ріки Одры;

4) поморскы славяне (поморяне) — меже нижним течением рік Одры и Вислы.

Я хочу росповісти тут коротко о мойом народі — о сербах — и их борбѣ за существование под німецком навалом.

Центром осідлости сербского населения в минувшині была территория по обох сторонах ріки Залы (Тюрингия). Крім сербского населения, тут жили, на западі и востокі, ише и другие родственны славянскы племена. Границы заселенных ними земель, по исследованию сербского ученого А. Муки, были такы: от Изарских гор на север — до Франкфурта на Одрі, оттуда на запад — до впадения ріки Залы в Ельбу, дальше

на юго-запад до міста Донауверта, а оттуда через Регенсбург и по хребту Сіверо-чешских гор до впадения ріки Хемниц в Ельбу, дальше через міста Чешский Хемниц и Чешску Липу, через гору Ештед — до міста Яблонца и по верхньому течению ріки Ниссы знова до Изарских гор.

Предки нынешних лужицких сербов — племена лужичан и мильчан — жили меже ріками Ельбом, Бобром и Квисом, по берегам Гильштрова и Быстрицы, до верхнього течения ріки Шпрее и ріки Ниссы. Нынешняя назва той области “Лужицы”, происходяща от племенной назвы “лужичане”, относится, по всей віроятности, уже в X столітті, к цілой заселенной лужичанами и мильчанами области. Треба замітити, што земля лужичан называется Верхньом Лужицом, а земля мильчан — Нижньом Лужицом. Языки тых двух братских народов и теперь різнятся до такой степени, што у обох есть свой письменный язык.

В нищительных, захватничых войнах німецких королей против западных славян были окончательно поглощены и земли лужичан и мильчан. Поневоление полабских славян німцами совершилось уж в конці X століття. От того часу беспощадна герма-

можность в большинстве лужицких школ завести преподавание на сербском языке.

В последних роках были открыты "Сербский Народный университет" и "Сербская Земледельческая школа". Радостно и широко розгорнул свою роботу Сербский Народный театр.

Треба признати, што сербская культура николи не стояла на такой высоте, як сегодня. Культурне и национальне развитие лужицких сербов послі войны росне так быстро, што было высла-

но 2,000 молодых лужицких сербов в Берлин на III Всесвітний фестиваль демократичной молодежи в 1951 року.

Завдяки взаимной дружбе и сотрудничеству с немецким рабочим классом, освобожденным Советским Армию от нацизма, лужицкие сербы идут сміло вперед, розвиваючи всю то родне и дороге, што творила и сохранила в собі тот мужественна и трудолюбива голузка славянского народа.

**Михальк, студент-лужичан
Карлового университета
в Прагі.**

Пророцтво Петра Великого

В 1703 року, при закладке Петропавловской крепости, царь Петр I, увидевши высоко в небе орла, сказал: "Не мы, а наши внуки будут летать по воздуху как птицы".

Как можно видеть из тех слов, великий преобразователь России уж в тех часах думал о воздушных машинах, и верил, што в России скорше начнут летать по воздуху, як в других краинах. И пророцтво Петра I сполнилось. Вот историчны факты о развитии воздухоплавания в России.

Уже в 1731 року в Рязани подьячий Крякутной поднялся в воздух на баллуні, надутым дымом. Для людей тех часов то показалось "нечистым делом". В старинной рукописи того события описано так: "Крякутной сдѣлал как мяч большой, надул дымом по-

ганым и вонючим, от него сдѣлал петлю, сѣл в нее, и нечистая сила подняла его выше березы..."

Так 52 roky перед французами братьями Монгольфье русский человек первый в мире соорудил аэростат и поднялся на нем в воздух.

В 1754 року, на конференции Российской Академии Наук в Петербурге "советник Михайло Ломоносов демонстрировал модель своей аэродромичной (воздухо-бальной) машинки, котра поднималась в высоту и потому обещала осягание желаемого действия". То была первая в мире действующая модель геликоптера.

В 1812 року, в місяці юні, в 7 верстах от Москвы, за Калужском заставом, в селі Воронцово, под надзором прапорщика Йор-

данского была практически начата постройка управляемого аэростата (дирижабля) для боевых операций против армии Наполеона.

В 1856 року основатель русской ракетной техники полковник К. И. Константинов первый в мире предложил ужити ракетны двигатели при полетах воздушных баллонов, а в 1866 року капитан 1-го ранга Н. М. Соковнин в своей книге "Воздушный корабль" описал спроектированный им твердый дирижабль с реактивным двигателем.

В 1881 року российский департамент Торговли и Мануфактур выдал 15 ноября капитану 1-го ранга Можайскому привилегию на "воздухоплавательный снаряд" — первый в мире аэроплан.

В 1898 року Циолковский первый в мире вывел формулы движения ракет, заложивши тем основу теории и техники реактивных воздушных машин. В 1903 року он же написал работу "Исследование мировых пространств реактивными приборами", котра ныне считается основой для разработки вопросов будущих межпланетных полетов.

В 1909 року инженер-моторостроитель Б. Г. Луцкой побудовал первый в мире 2-моторный аэроплан с моторами своей конструкции. В полетах он развивал дуже велику в тех часах скорость — 90 километров в годину.

В 1911 року Глеб Евгеньевич Котельников опрацювал и представил в военное министерство проект первого специального ави-

ационного складаного парашюта. То был прототип теперішних авиационных парашютов.

В 1913 року, 9 сентября, в Киеве военный летчик Петр Николаевич Нестеров первый в мире совершил "мертвую петлю" — замкнутый круг в вертикальном направлении, — называемому ныне петлей Нестерова. Так было положено начало высшей летной школы.

В 1914 року, в августе и сентябре, русский морской летчик лейтенант И. И. Нагурский, участвуя в экспедиции, снаряженной для гляданыя полярных экспедиций Седова и Брусилова, совершил первые в истории авиации полеты в Арктике.

В 1917 року, 17 марта, на Чорном море морской летчик Н. Н. Сергеев атаковал на гидроплані турецкий парусный корабль и огнем из пулемета заставил команду покинуть його. Пересівши на корабль, Сергеев привел його в Севастополь. То был первый и единственный в истории случай, коли аэроплан взял в плен неприятельский корабль.

В 1918 року, по указанию В. И. Ленина началось организованье первого в мире авиационного научного центра — Аэрогидродинамического Института (ЦАГИ), ныне наибольшего и наилучшего в мире.

В 1930 року, 28 октября, в Крыму летчик В. А. Степанченко первый в мире совершил петлю Нестерова на планере "Красная Звезда" конструкции инженера Королева (самолет без мотора).

В 1937 року, 18-20 июня, Герои

Советского Союза Чкалов, Байдуков и Беляков осуществили перелет в США через Северный полюс.

В 1941 року, 6 августа, обороняючи Москву, лейтенант Виктор Талалихин первый в истории совершил ночной таран и уничтожил германский бомбовоз, прорывавшийся к столице Советского Союза (таран — удар аэропланом до аэроплана).

В 1942 року, 15 мая, летчик капитан Григорий Бахчиванджи пер-

вый в мире поднялся на аэроплан с жидкостным реактивным двигателем ("джет").

В 1945 року, в районе Берлина 24 февраля, советский летчик И. И. Кожедуб, трижды Герой Советского Союза, первый в мире провел воздушный бой с неприятельским реактивным самолетом-истребителем и уничтожил його.

В 1948 року советские летчики освоили индивидуальную и групповую технику летания на реактивных самолетах.

Молодой поэт Пряшевщины

Из молодых писателей Пряшевщины, представителей нашей новой интеллигенции, воспитанной уже при народно-демократическом режиме в Чехословакии, обратят на себе особливую увагу Юрий Бача из Свидника. У него замечательный поэтический дар, о чем свидетельствуют и верши "Сталинской молодежи", опубликованный в Пряшевском журнале "Дружно Вперед" (№ 1, Сентябрь 1951 г.).

Я вспоминаю
смелость,
храбрость,
молодых
сталинских героев. —
Молодых,
веселых,
счастливых ребят,
чудесных,
верных комсомольцев...
Встретишь на фронте —
Верный патриот.
Поговоришь,
вспомнишь...
Да, ведь

это он
в атаке уцелел
из первых —
один.
Вспомнишь
огненный дождь,
передовая...
В огнях и буре
племя рождалось,
училось,
мужало.
В бою с захватчиками,
в огне
закалялось;
жизнь свою неся,
отдавало
За Москву,
Киев,
Ленинград —
Теперь
уж новый бой
они ведут
На гидростанциях,
каналах,
стройках мира.
Там место их,
там победа,
сила.
К светлым далям
свой
пролагают путь.

И тут,
как в окопах
Сталинграда,
Одессы,
Ленинграда,
побеждают.
Отец мой жив —
работает в поле.
И мать моя жива,
свободная от неволи
трудится
для счастья детей.
Пять сестер
цветут,
растут.
И брата три,
как будто никто
из нашей семьи
не пропал.
Но сколько пало
молодых!
... Олег —
погиб
смертью храбрых...
И партизанка Зоя —
светлая печаль...
Но встали
тысячи других
и — отомстили.
За Родину!
за Сталина! —
тысячи бойцов

сражались,
мертвые
телами преграждали
путь
вражеским полкам! —
Помните, —
Саша Матросов?!
Вот они —
соколы Сталина,
бойцы революции...
Буйно бьется
сердце
молодых героев.
Где надо помочь —
налетят роем.
Где надо биться, —
бьются,
как один.
Они дорогу
к счастью показали.
И за наших детей
они умирали.
— Родины честь
в боях отстаивали,
силу рабочих
они указали.
Спасибо,
братья вам —
родное,
сердечное,
вечное!



Обороняли польского пана

В “Нашой Книжці”, изданной Лемко-Союзом (1945), споминатся о лемковских писателях. Меже ними я нашол и Василя Чернецкого, родом из Воли Цеклинской, повіт Ясло. Он написал “Згадки с 1846 року”, в котрых описал різню польской шляхты польськими хлопам на чолі с Шельом.

Мні приятно было встрітити в “Нашой Книжці” тоту упоминку о Волі Цеклинской, бо то єсть мое родне село. Я не знаю, што писал Василий Чернецкий в своих “Згадках с 1846 року”, бо я не читал його книжки, но в моих молодых роках я чул в своем родном селі, як стары люде оповідали за тоту різню польской шляхты в 1846 року. Так из тых оповіданий старых людей хочу тут передати, яку роль грало в событиях 1846 року мое родне село, и яку заплату потом получило от своего пана-дідича.

— о —

До села Воли Цеклинской пришла відомость, штобы всіх панов выбити. Но кто приніс до села тоту відомость, то и стары люде не могли объяснить.

Наше село належало под Цеклинского пана, котрый мал под собою 7 сел: Цеклин, Ділец, Пагорок, Добрыню, Радіст, Волю Цеклинску и Фолюш. В том числі были лем два наши русскы села

— Воля и Фолюш, а остальные были польскы села.

В том часі, як розышлася відомость о різні польской шляхты, Цеклинский пан закликал до себе вйта из нашего села, по имени Дзяму, и сказал йому так:

— Ту пришло письмо, жебы вшиткы хлопы ту пришли до мойого двора, и каждый жебы взял зо собою, што має — косу або вилы... Най ся не боят, бо ту будут мати дост істи и пити.

Вйт Дзяма не знал читати, то не розуміл, чому пан скликає людей до своего двору. Але вернувся до села, казал зогнати громаду и росповіл селянаам, што хоче от них пан. Так наше село забрало косы, вилы и друге оружие и под проводом дьяка Пеляка пошло боронити польского пана в Цеклині перед польськими хлопам.

Я не знам точно, котры села были за паном, а котры против пана. Но за паном было веце, бо як тоты пришли, што хотіли пана бити, то посмотріли на велику толпу п'яных хлопів коло панского двора и отступили. А пан гостил щиро тых, котрых покликвал на свою оборону. Повытігал бочки с пиятиком на обору, и каждый пил, сколько хотіл.

Але недалеко от нас, в Дубовецкой Волі пан не мал такой обороны. Коли пришли хлопы

пана бити, то он виділ, же біда, и дал ногам знати. Втік до ліса, бо думал, же там го не найдут. Але на Спалюниках (так зовут поле) поймали пана и там го пилом зарізали.

До той историй треба додати ише другу историю. Наше село боронило Цеклинского пана перед польськими хлопам, а тепер послушайте дальше, як тот пан отвдячился за то нашим селянам.

В нашем селі єсть громадский ліс — зовеся “За Кичирком”. Красота ліс — ялиці и буки. Одного разу, як уж успокоилося, тот Цеклинский пан запросил собі на полювачку других панов. Панове ходили по лісах, а потом вышли на Ксьенжну поляну и там посідали отпочивати. Другы панове звідуються Цеклинского пана, чий тот ліс, через котрый проходили. Повідат он, же то хлопский ліс. А тоты другы панове сміються: “Нашто хлопу такого ліса? Забер тот ліс от хлопа!”

Цеклинский пан закликал нашого вйта до себе и гварит му так:

— Вйте, я тот ліс За Кичирком заберам от вашей громады — вам такого ліса не треба.

Вйт скликал громаду и росповіл, што му пан сказал. Хлопы урадили так, же кто якы воли, або кони, або ише быдля має, най иде ціле село до ліса и рубат, што лем може, абы пану не лишити нич.

И так ціле село ялося до работы. Ночами вывозили кто што лем мог. И дуже товды худобы пропало от работы.

Як пан выпровадил комиссию

міряти и отбрати ліс, то там вшитко было знищено. И пан повіл, же он такого ліса не хоче. Так зостал Волянский ліс и надальше при громаді.

Таких историй было много по наших селах, бо народ переживал різны біды при польских панах. Но никто того не зберал, не записувал и не печатал. Так вшитко пошло в забытє. И наш народ не освободился от той панской неволи, бо коли был час боротися за свободу, то наши вйтове и другы предводители ишли боронити того, кто их тримал в неволі, як и мои односельчане в 1846 року боронили Цеклинского пана перед польськими хлопам. И то продолжается до сих пор. Даже ту в Америкі наши люде подтримуют тых, кто их затемнят, понижат и вызыскує, а свое народне діло не боронят.

Юстин Балун
Сингек, Н. Дж.

ДОКТОР И ПАЦИЕНТ

Пациент заплатил доктору за лічение чеком. Минуло пару дней, и доктор кличе по телефону пациента и говорит:

— Як вы мні заплатили? Чек вернулся!

— И моя хворота вернулась.
— отвітил пациент.



Як мы жили, а як теперь живут

Хочу хоц частичку написати зо свого життя, што я пережила за мадьярской влады. бо чуеме, же поедны нашы люде на Пряшевщині критикуют, што за дуже робят. Они знают, же треба робити, бо было знищено, и им платят за тоту роботу. Но най сой спомнут, як то робили нашы дідове и отцове за мадьярской влады, як возили камінья на дороги, як го мусіли товчи. Ци была баба, вдова с дітьми — мусіла ийти. А як возили, то нееден мал слабу худобу, што аж ся вода ляла с худобы. Ци с коровами, ци с бычатами, то мусіл каждый свое отробити. И им никто не заплатил.

Я уж тото памятам, як робили так на дорогах. Правда, я ише то не робила, бо ем мала была.

А теперь напишу, што уж и я робила, як мы робили задармо повинны дни. Пішла ем копати бандурки малим дівчатом и хоц не была-м ише мощна, але ем хотіла робити так, як и други. Думала-м, же на крижах мі огонь горит, так мя боліли. Котра была ише смільшна, то ся дакус подняла. А ту пан превелебный стоит с кривульом, то ся каждая бонт подняти голову.

Раз я коровы пасла, а бабы з рана ишли с другого села му бандурки брати за повинный день. Было уж зимно. Неодолга идут назад, же их пан выгнал, бо несколько пришли. Казал им, жебы на

други день скорее пришли. Идут назад, то котра плаче, а котра ся сміе: “Та я мушу заран зас діти охабити и ту ийти”.

Но ци было то по справедливости? То и так задармо было!

А раз мой отец пошли му орати. Слабы бычата мали, бо стары продали, жебы было, с чым порцию заплатити, як ту “тексу”. Брат поганял. Але пришол к ним пан превелебный, схопил от брата батіг и так зачал бычата бити и брата попод ноги и повідат: “Так заганяй тоты быкы — бодай ти поздыхали!”

То так нас мучили за мадьярской власти.

Так дале отец померли, а неодолга пришла война. Мала ем двоих братов — забрали их на войну. Маму куля забила, бо на наших горах ся били. Так лем я осталась и братова жена. Я молодая и она молода. Забрали нам вшитко, як и другим, лем одного коня и одну корову охабили. Но якоси треба жити: запустити, зароснути землю не даме. Хоц лем де ліпше, то мы орали, сіяли спрядом зо сусідом и сами. Не было то легко. Нераз сме обі плакали: то ся плуг попусе, то борону сами поправити не можеме. Но якоси то ишло. И превелебному так само сме мусіли повинный день отробити. Он не дбал, же хлопцы на войні.

А пришла осень, то треба и дыр-

ва возити на зиму. Ходиме обі до ліса, готовиме, носиме на плечах горі берегом, бо оттамале мусіл носити, аж нам на плечах струп нагрызло. Раз она впаде, раз я впаду, а на плечи все дыргне. Як сме наволочили, треба возити. Наклали сме на віз, загамували, тай ідеме, кед раз ся ланц не урве, так мы добри ся не побиди долом тым берегом, тилько же сме мали мощного кониска, то скилько могло, то сперало. Як сме пришли на ровнину, то мы выкрутили, и віз ся перевернул. Но нам ся нич не стало, лем ся под нами ноги трясли, тай плачеме обі. Хлопы на войні бідуют, а мы дома бідujeme. Та за кого то? Но мусиме и панови превелебному фуру дров привезти.

Як сме собі привезли, так и панови, лем сме собі ланц мощный взяли, жебы ся не урвал. Як сме до його двора пришли, а його двор такой был довгий и бережок, што кін ледво вытяг. Пан превелебный вышол к нам, та штобы нас мал пожалувати, то он нам повіл, же то мала фура, и мусиме другой раз привезти. Братова повідат:

Пан превелебный, та мы тото ледво привезли.

— Но то мусите, — повідат он, — бо вас дам до права.

И так нас дал, то осудили, же сме мусіли привезти и другу фуру дров для него. Роботник nigdy не выгнал, лем все пан.

Не повім, же вшиткы такы были паны превелебны по наших се-

лах, бо чула-м, же Артим был добрый священник, што ишол за правдом. Але и народ был вшелякий — еден любил правду, другой любил погарик. И днес так есть: за талюра го купит.

Барз тяжело ся жило. Ани описати не можна. Могли сме кричати, плакати, отникле нам помоч не дали. Але днес нашы братья и сестры мают за собом народну владу, што помоч даст и стоит за народом.

Нигда не забуду, як я была мала, то мой отец так стиха сой бесідуют до кума Миценька:

— Куме, куме, не буде ту добри, покля тади москале не прийдут.

А я думам, якы то москале. Аж потом в 1914 року, як война пришла, то мадьярскы воякы отступати и нам повідали: “Иде муска с едным оком, то вас будут різати от ног до головы”. Як уж приходили, то мы были перестрашенны. Пришли до хижы и так нам повідают: “Не бойтесь, мы такы люде, як и вы”. Выняли великий хліб, сало, “цвибак”, чаю наварили и кажут: “Кушайте с нами”. И так нас накормили.

И днес там тот час пришол, за який мой отец говорил. Новый світ, нова ера, лем треба, жебы наш народ ліпше порозуміл тоту нову еру, то не будут так бідувати и на других робити, як мы робили.

Мария Кость,
Клифтон, Н. Дж.

НАРОДНЫ СПІВАНКЫ

В долині калина
Красно заквітала,
Не дала-с мні, мамусь,
Кого я кохала.

Дала-с мене, мамусь,
За хлопа старого,
Болит мня серденько,
Як вижу молодого.

Дала-с мене, мамусь,
За хлопа от ролі,
Он мня рано будит,
Мня голова болит.

Як под старым дубом
Трава пожолтіє,
Так при старом мужі
Жена постаріє.

Под молодым дубом
Трава зелененька,
Так при добром мужі
Жена молоденька.

Співаночки мои,
Где-ж я вас подію,
Пойду до лісочка,
Там я вас посію.

А будут там хлопці
На траву ходити,
Співаночки мои
Будут находити.

Як я з Устья пойду,
Што-ж я вам откажу,
Там пониже села
Заградку засажу.

Кто коло ней прейде,
Вспоминати буде.
"Шкода боже того,
Што заградка його".

Заградка не моя,
Бо-м ей не градила,
Але зілля мое,
Бо я го садила.

Не рубай, не стинай,
Най ся зеленіє,
Не ходь ку дівчатку,
Най ся червеніє.

Ише-ем не рубал,
Уж триски падають,
Ише-м не любувал,
Уж мня огваряют.

НОВА ЗАРАЗА

Пише краян, же ся жены
Американкы збыл, —
Ты счастливый, што-с
Недолго с нѣм жил.
Ту в Америкі живут
По разному:
Коли жена захоче, то
Марш мі з дому.
Нее розбору,
Яка хлопина:
Ци малый, ци велький,
Як драбина.
Лем она грошы
Собі призберат,
То на хлопа все
Криво позерат.
Хоц не курит, не пье
И не доідат,
Жена все наріче:
"Біда моя, біда".
В церкви присягала
Любовь до смерти,
Треба брати розвод,
Кедь не хоче вмерти.
Совість свою и встыд
Засылам до неба,
Бо такого хочу,
Якого мі треба.
Піду я зараз
До адвоката,
И скоро сь збуду
Свого чудака.
Такы ту чуда
Ся теперь водят,
И стары жены
Уж ся розводят.
Причина — в роскоши
И меньше розума,
Людского россудка
И в кумы и в кума.

Конечнян.
(Вотербери, Конн.).



Горлицкий бурсак

1. ВОСПОМИНАНИЯ О РОДНОМ СЕЛІ

Наше село лежало в Карпатах — около 10 километров на юго-восток от повітового місточка Горлиц. Оно вытяглось узеньком лентом в долині маловодной річки меже горами и вышним концом приперало также до горы. На дві третины село было скрыте меже горами, лем на нижнем конці долина росширялась в обі стороны, бо там приходили два потоки, котры впадали в нашу річку и разом повертали на север и уходили в Польшу.

С найдальшого верха выше села можна было видіти вечером світла окружного міста Ясла, а в ясный день далеко на западі показувались часом білы верхы высоких Татр. С той самой горы, коли вы повернулись лицом на север, можна было видіти бесконечно далеко ровны поля польских сел. С наймолодших літ мы привыкли к той мысли, што там инший світ: мы, руснакы, в горах, а там на бесконечных равнинах полякы. От старых людей в селі мы чули таку историю, што коли-си в давных часах и на тых равнинах жили наши люде русской віры, але их Польша окатоличила и силом обернула на поляков.

В нашем селі не было ани од-

ного поляка, но о поляках люде много бесідували, бо с ними все стыкались. До міста, до Горлиц ци до Ясла, треба было идти через польскы села, то часом, як ишол один человек за даяком потребом в звычайный день, наприклад, на росправу до суда, або до староства, то його напастували полякы. Руснака зараз познали в польских селах, бо в тых часах он носил гуньку, холошны и надівал в холодну, дождливу пору чугу. Лем в торговый день было смілійше, бо як всі горы с цілого повіта згорнулись до Горлиц, то на торговиску и на улицах руснаков было больше, як поляков, и тогда наши люде никого не боялись.

Политиком я начал интересоваться, як мні было десять літ. В том часі Россия воювала с Японіем. Полякы тримали с Японіем, а наши руснакы в горах — с Росіем. Я уже знал добре читати, то все чекал нетерпеливо на газету "Русский Голос" из Львова, штобы узнати найновшы вісти с далекого фронта русско-японской войны. Газета выходила лем раз на тыждень, и тилько одно число приходило до нашего села. Листоноша не было, то сами люде мусіли ходити собі по почту до сусідного села. Всю той почты было мало — переважно судовы

позвы и урядовы завідомленья из староства для війга, а до того ище письма из Америки от людей, котры выїхали на заробкы. Як бы не тоты американскы письма, то село могло бы цілком спокойно обыйтиса без почтовой связи. В день, коли мала придти газета из Львова, я летіл часто на почту и приносил ей предплатнику. Старшы люде сходились до хижы того господаря, и я читал им на голос за войну.

В селі была школа, в котрой учила державна учителька. То была старша віком діва из німецкых колонистов гдесь от Дрогобыча. Ниякой своей политики в селі она не начинала, лем трималася школьной программы и учила добре. Мы старшы школяре знали имена всіх русских и японских генералов, о котрых писала газета, и часто на перерывах в школі мы бавились в войну. Для того мы розділювались на дві арміи, назначали комендантов и робили атаки. Но трудно было назначити японского генерала до такой забавы, бо никто из школяров не хотіл принять японску команду. Мы выбрали одного неповоротливого, незграбного школяра и назвали його "генералом Ояма", так он все мусіл у нас быти японским комендантом. Хоц там в Маньчжуріи японцы выгравали, но в нашей школярской войні русскы все били японцев. Самого "генерала Ояму" часто так набили, што он с плачем приходил до классной комнаты скажитиса учителькѣ, або плачучи ишол до дому перед концом школьных заятий,

На годину религии раз на тыждень приходил до нашей школы місцевый священник. Он належал до тых поважных старорусских патриотов, якы в тых часах занимали майже всі приходы по наших селах на Лемковщині. Он требовал, штобы мы всі знали добре молитвы, и якы гріхы суть, а также наказувал, штобы мы относились гречно до старших людей. Як встрітимо старшого віком человека або священника, то треба было все сказати "Слава Ісусу Христу". Вертаючись раз из школы послі такой науки, с гурьмом школяров, и встрітивши гусь с гусятами, я для жарту привитал и ей словами: "Слава Ісусу и тобі, гусу". Як о том донесли священнику, то он принял то за велике унижение религии, казал стояти в куті за кару и сказал няньови, што у мене недобры наклонности.

Але поза то старый священник все хвалил мене, што му добре отповідам в школі. Он часто говорил няньови: "Ваш сын схопный до науки, то дайте го до бурсы, най иде до высшой школы". Няньо письма не знали, но им было приятно, што священник признає мене за схопного ученика. Так гдесь в марті, уж послі русско-японской войны, они рішили завезти мене до Нового Санча, бо в Горлицах ише в том часі нашей бурсы не было.

Але же там треба было говорити с высшими людьми, то няньо попросили передового писемного газду, котрого всі уважали за найрозумнійшого в селі, абы іхал с нами. Запрягли два кони до во-

зика. -- одного нашего, а другого от того газды, --- и так мы выбрались аж до Санча.

Дорога дост далека, але іхалось нам без великих приключений, лем гдесь за Гривовом в одном польском селі зацепили до нашего возика два польскы фурманы, што долгим возом везли дерево, и давай до биткы. На том газді, што іхал с нами, порвали кошелю, але тыж и сами достали, то отступили.

2. В САНДЕЦКОЙ РУССКОЙ БУРСѢ

Заїхали мы счастливо до русской бурсы в Новом Санчі. Там отец договорился с настоятелем о місячной платні за мое утриманье, наказал мні пильновати науки и поїхал назад до дому господаркы доглядати.

На мене, вытягненного первый раз из привычного сельского житья в глухых горах в ширший світ меже незнакомых людей, місто Новый Санч и сама бурса сділали сильне впечатліние.

Бурса поміщалась коло головной улицы, близко центра міста. Она занимала дост великий обшар земли, на котром был головной муруванный будинок, где жили бурсаки, два меньшы деревянны домики, обширны два подворья и великий огород. Тоты два меньшы домики отділяли саму бурсу от улицы. В одном жила на ренті фамелия якогось желізнодорожного урядника из наших людей, а в другом настоятель бурсы и кухарка с прислугом. Меже тым домиками и будинком бурсы было велике подворье, на

котром можна было выстроить ряды не лем всіх бурсаков, но и цілый батальон войска. А за будинком бурсы было друге ише обширнійше подворье, отгороженне мурами и штахстами от сусідних властителів, на котром были приборы до гимнастики и забавы. Направо от тых всіх будинков и подворий был расположенный великий огород, котрый тянулся аж до боцной улицы. До бурсы входилось с головной улицы через широки желізны ворота, проходилося уличком меже меньшим домиком и огородом, а так через меньше подворье до головного будинку.

В том головном будинку были штыри комнаты, где спали бурсаки, одна велика галя до науки и ідальня. Каждый бурсак мал узке желізне дужко, котре сам собі стелил, и маленьку шафку, в котрой тримал свои книжки и другы річы. Заголовок, колдру, ручники и постельну білизну каждый привозил собі из дому. Бурса давала лем матрас-стружляк, котрый напихали соломом. В комнатах спало по 10-15 учеников, поділенных по старшинству в школі. В каждой комнате был дежурный, котрый доглядал за порядком и чистотом. Дежурных назначали по чергі из самих учеников.

Устройство бурсы было старомодне. В будинку не было водопроводов. Но в маленьком коридорчику была бочка, котру сторож бурсы наполнял на ночь водом. И были там мисочки до мытья. Рано бурсак наберал воды до мисочки и умывался в том коридорчике.

дорчику. Або можна було йти к студії с помпом, яка находилась на подворье перед будинком: один помпувал воду, а другий мылся.

Тойлетов в середині не было. На сторону треба было йти за будинок, где помещались выходки, сбиты из досок, як и дома на селі. В зимі то не было приятно вставати и летіти по снігу на около будинка. Но мы всі пришли зо села, то нам не выглядало то чудно. Так были устроены в тых часах и другие помещканья в Новом Санчі, то устройство нашей бursы отвічало вполні всім тогдашним санитарным требованиям.

Бурсаки, як не были в школі, то сиділи переважно в великой галі и учились. Там было пять долгих деревяных столов и такы же долги деревянные лавкы. Свѣтили керосином. Над каждым столом висіли по дві великы лампы, котры треба было все чистити и наполняти керосином. Но свѣтла было дост.

Кто справился с науком скорше, то ишол на велике подворье за будинок. Там бурсаки показували гимнастику и всякы спортивные гры. Гдєкотры так вытредуновались, што могли выполнять ріжны складны и трудны фигуры, якы можна было видіти лем в цирку або на сокольских змаганнях.

Як роздался звонок, то всі горнулись до ідальни. Там были штыри долги столы, за котрыми усаджувались бурсаки по старшинству. За первым столом сідали найстаршы гимназисты — учени-

кы высших классов гимназии, а так по порядку все низшы. Перед ідом и по іділ была молитва, котру бурсаки отспівували хором.

Я приїхал до бursы в другой половині школьного року, так записати мене на регулярну науку до школы уж не могли. Настоятель бursы распорядил так, што я буду сидіти в бурсі и учитися приватно, штобы при конці школьного року сдати экзамен. А старшы бурсаки должны были мні помагати — показувати, што треба учитися, и провіряти, ци я то выучил.

Тоты первые місяцы в бурсі были для мене дуже смутными. Рано послі сніданья всі бурсаки уходили до своей школы в місті, а я сам один оставался в великой галі и должен был учитися того, што мні было задано. Было скучно сидіти так одному. Цлєся за домом, за своим селом.

Дома, в своей сельской школі, я учился добре, што учителька и священник мене хвалили. Но на селі мы читали и писали лем по-русски, и трохи по-польски, а тут моя сельска школа не мала значения. Тут треба было всьо выучувати по-польски и начинать німецкий язык. Для поступленья в гимназию треба было пройти штыри классы містєцкой нормальной школы, причом в третьом и четвертом классах был уж німецкий язык.

За три місяцы, якы остались до конца року, мні не удалось настілько подготовитись, штобы сдати экзамен до первого класса гимназии. Но я сдал экзамен за

третий класс нормальной школы и на слідующий рок, по вакациях, поступил в четвертый класс. За рок я сдал легко экзамен до гимназии и на літны вакации приїхал до своего села уж в мундурі гимназиста. На колнѣрику у мене было по одному срибному паску — знак, што я иду до первого класса цисарско-королевской гимназии.

В старой Австро-Венгрии гимназии были державны. То так, як бы их сам цисарь, австрийский император, основал и удерживал. А же он был в Австрии цисарем, а в Венгрии королем, то нашы гимназии, подобно як и армия, носили титул “цисарско-королевских”.

По вакациях я вернулся до бursы и начал ходити до гимназии. Там началась уж поважна наука. Преподавали зараз в первом классі и латинский язык. Но зараз на початку встрітила мене тяжка пригода, котра, сдавалось, выжєне мене раз на все из гимназии и из бursы.

Пришол до бursы доктор оглянути учеников, ци нїт у них даякой заразливой хвороты. У мене он нашол небеспєчну заразливую болізню очей — египетске запалінє, трахому. Доктором бursы был наш русский человек, военный лікарь новосаидєцкого гарнизона — майор Дзерович. Он устроил так, што я был принятый до повітового шпиталя. Там я просиділ пять місяцев, поки не вылічился. За тот час минуло больше половины школьного року, и до своего класса в гимназии я уж не мог вернуться. Думали

послати мене домой, штобы по вакациях начинати наново первый класс. Но настоятель бursы сказал:

— Будешь сидіти в бурсі и учитись приватно, а при конці року попробуєшь сдати екстерном экзамен за цілый первый класс гимназии... Ты маешь добру память, то можешь то зроби, як захочешь.

Так я сиділ знова штыри місяцы в бурсі и учился приватно. При конці іюня дирекция гимназии позволила мні сдавати экзамен. К удивлению самого настоятеля бursы и моих товаришов, я сдал тот экзамен на отлично и перешол до 2-го класса гимназии.

По вакациях я не вернулся до Нового Санча. За тот час и в нашом повітовом місті, в Горлицах, открылась гимназия, а як появилась гимназия, то нашы передовы патриоты постарались основати приміщение для учеников из сел, т. е. бурсу. Много бурсаков из Горлицкого, Ясельского и Кроснянского повітов, котры перше мусіли іхати до Нового Санча, теперь перешли до Горлиц, бо им было ближе. Зараз в первых роках своего существования Русска Бурса в Горлицах перегнала Сандєцку числом своих воспитанников. Была ище третья наша бурса на Лемковщині — в Сяноку. Но бурса в Горлицах скоро заняла первое місце. В ней были ученикы со всіх повітов Лемковщины. Даже из сел под самым Сяноком молоды ученикы приїзжали до Горлиц, бо Горлицка бурса была лучше устроєна, богатша, и

в ней можна было жити за меньшу плату, як в Сяноку.

3. ПОЛИТИКА В НАШЫХ БУРСАХ

Мні было уж 14 літ. В таких роках ученики по гимназиях старой Австро-Венгрии были уж сильно росполитикованы. И в наших бурсах было много политики. Но вся наша политика была звернена на национальну справу.

Каждый из нас, бурсаков, рос на селі, походил из бідной селянской, або як тогди говорили, хлопской фамелии и знал близко бідноту наших сел, из котрых каждого року тысячи молодых людей мусіли виїзжати за хлібом в чужы край, головно в Америку, но мы в бурсах мало интересовались том стороном житья. На первом місци в наших спорах были не экономичны вопросы, даже не практична культурно-просвітительна работа, штобы вытягнути свой народ из нужды, а тилько национальна борьба. Нам представлялось, бо так нам говорили старшы интеллигенты, што вся біда нашего народа приходит от других народов — поляков и жинов, котры притісняют нашу русску народность и вызыскуют наш народ.

Уж за два roky пребывания в Сандецкой бурсі я чул коло себе ненависть к украинским сепаратистам. По селах у нас в tych часах было ише мало чути за украинских самостійников, бо по наших селах были всяди стары священники своего лемковского роду и русского духа. Украина была гдесь далеко от нас — во Львові,

и мы лем в “Русском Голосі” або “Галичанині” читали о ней. Но в Новом Санчі мы бурсаки уж встрічались с ней, бо катехетом для греко-католиков в Сандецкой гимназии был украинский священник из Восточной Галичины. за старанием котрого была организована в Санчі также украинска бурса. Так хоц немного было наших учеников в Сандецкой гимназии, но и тоты уж розділились. Мы мали свою русску бурсу и переловых представителей д-ра Дзеровича, военного лікаря, и Костецкого, настоятеля бурсы. Всі священники по наших селах в Сандецком и Грибовском повітах, за вынятком двоих, тримали с нашим бурсом. Но с украинском стороном тримал банкир Василь Яворский, котрого мы прозывали “Базьом” Яворским. Их бурса не мала значения, бо в ней не было ани 10 учеников, но она мала за собом поддержку властей.

Особенно высша церковна власть была на стороні украинской бурсы. Операючи на то, самостійники старались перетягати учеников, особенно tych способнейших, из нашей бурсы до своей. В tych часах уже не было ниякого секрета в том, што никто из воспитанников русской бурсы не може бити принятым до униатской духовной семинарии в Перемышлі, так старшым гимназистам в нашей бурсі, котры думали о священническом хлібі, украинска катехет все предлагал перейти из нашей бурсы в його украинску. Но tych, котры пробыли пару літ в русской бурсі, было трудно так перетягнути. Я чул лем про одно-

го нашего лемка, котрый в 7-ом классі гимназии перешол из русской бурсы в украинску, штобы по матурі достатися до духовной семинарии на униатского священника. Но потом епископ Чехович и так не принял його до семинарии.

В бурсі мы учились русскому литературному языку, проходили историю Руси и читали русских писателей. То лежало на обязанности настоятеля, котрому помагали ученики старших классов. Так хоц в польской гимназии не учили ничого по-русски, мы бурсаки мали свою приватну русску школу в бурсі.

Настоятель читал нам лекции по истории Руси и устроювал дискусийны вечера. Ученики младших классов читали головно историю Руси по книжкѣ Дуды, изданной во Львові. Я сам знал ей майже на память и мог сказати за каждую битву, за каждого князя и каждого гетмана и епископа, котры упоминались в ней.

В Сандецкой бурсі был свой хор под управлением Тита Богачика, из Бортного. Устроювались рїжны патриотичны торжества, на котры приїзжали священники из цілого повіта со своими женами и старшыми дочками, и там перед ними мы пописувались декламациями. співом и патриотичными бесідами.

Всьо тото патриотичне воспитание в русском духі было тісно связано с религиом. Нам часто повторяли, што церковь спасла нашу русску народность под старом Польшом и Австро-Венгриом. Иначе не могло бити в наших бур-

сах, котрыми руководили священники.

Штобы связати тіснійше бурсаков с религиом, было рішено выбудувати при Сандецкой бурсі и церковь, бо до того часу в Новом Санчі ни мы ни украинцы не мали своей гр. католицкой церкви. Катехет, котрый преподавал “закон Божий” в гимназии, служил для гимназистов гр. кат. обряда богослужения каждую неділю, но лем в польском костелі, где нам отступили одно крыло. Церковь начали будувати в том огороді коло бурсы. Вырыли пивницу, посвятили фундаменты и вытягли муры на пару метров, а потом так лишили, бо бракло грошей. Грошы мали придти из Америки от наших эмигрантов, но не пришли. А в своем краю не было уж людей, котры были бы готовы поддержати будову униатской церкви при русской бурсі. Мы бурсаки, котры читали историю, знали, што церковна уния была введена меже нашим народом не для сохранения його русской национальности, а для розбитья и ополяченья його. И саме житье в tych часах ясно свідчило о том. Униатскы епископы в Галичині грали уж всі різко антирусску политику и подпорували украинский сепаратизм. Лем наши стары священники ише жили старыми воспоминаниями и не хотіли видіти и признати того, што творилось вокруг них.

И в гимназии чувствовалось неприхильне отношение польских профессоров к русским ученикам. Старшы гимназисты в Сандецкой бурсі со страхом говорили о Габорі, преподавателі истории. Он

учил здесь в 5-ом и 6-ом классах. Через тоты классы было трудно пропхаться, бо он “палит” русских учеников. Многы переходили в иншы гимназии, штобы обыйти того зловещого Габора.

Так не лем воспитание, но и тоты личны переживания заостряли у нас вражду к полякам и украинским самостійникам. На вакациях мы приїзжали в свои родны села и тут замічали, што ворожа польска рука проникла и в найдальшы закутины наших гор. Лісы переважно всяди належали до польских панов. Так выходило, што и горы уж не нашы. Оставалась єдина надія — на Россию, на русского царя. Лем Россия може ище розбити тоту чужу неволю над нашим народом. Але мы не знали, што в той самой России русский народ и другы народы в тот самый час собирали силы, штобы освободиться от царя.

4. В ГОРЛИЦКОЙ БУРСЕ

Для Русской Бурсы в Горлицах нашим людям удалось набыти двоповерховый муруванный дом с прекрасным садом и около 5 моргов урожайной земли с господарскими будинками при дороге из Змигорода до Горлиц. То было за містом, так бурсакам треба было ходити близко полтора километра до гимназии, котра находилась по другой стороні Горлиц. Но в

домі можна было умістити два разы больше учеников, як в Сандецкой бурсі. А до того можна было вести свою господарку, тримати коровы, сіяти зерно и зеленину. И бурсаки при таком саді и своим подю чувствовались в бурсі як бы у себе дома.

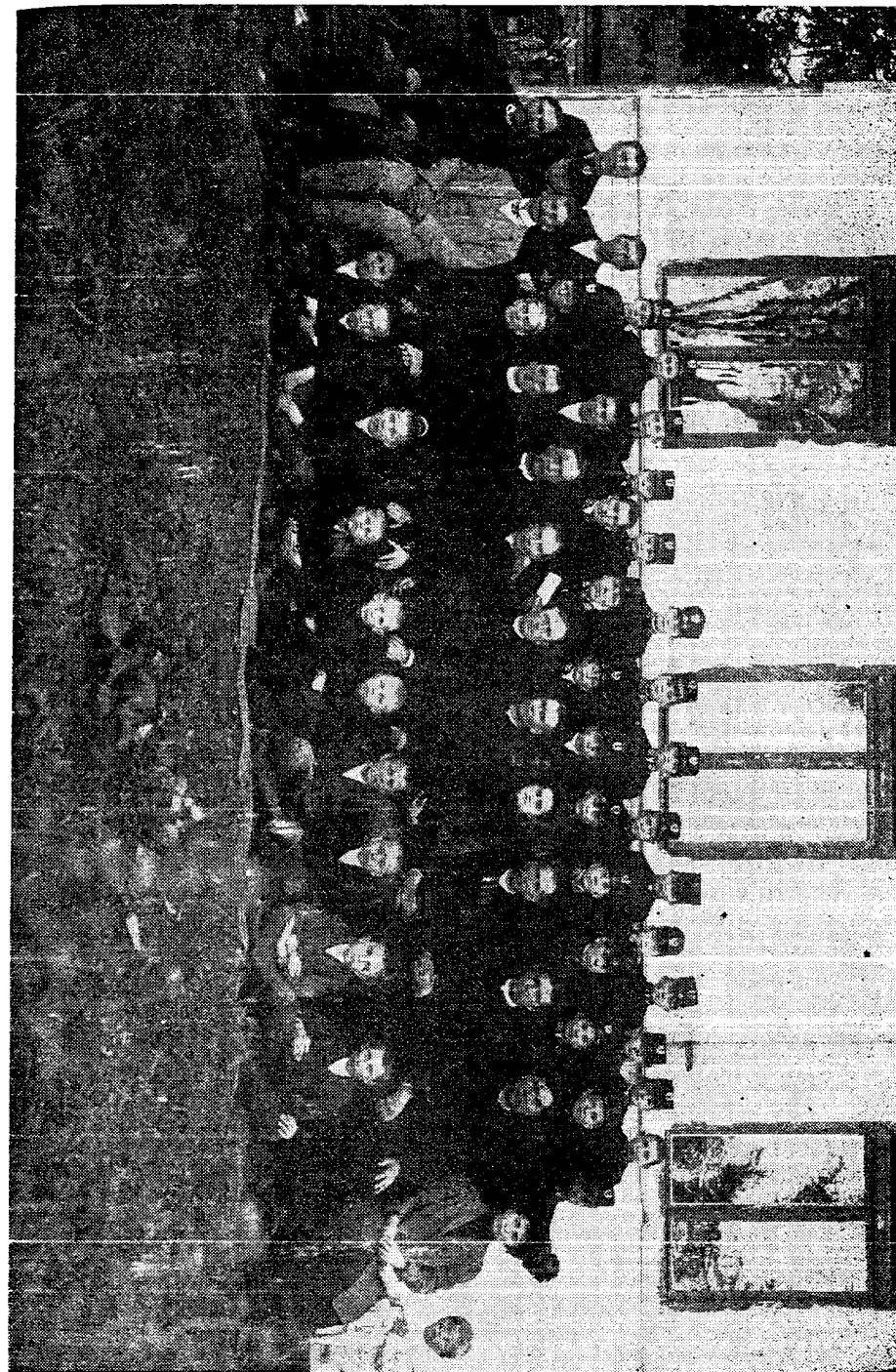
Саме устройство в бурсі было майже таке, як и в Новом Санчі, то нам сандецкым бурсакам было легко привыкнуть до новой бурсы. Крім настоятеля, котрый мал надзор над науком бурсаков, был ище господарь, котрый завідувал кухнью и занимался господарком на тых 5-ох моргах бурсацкой земли. Через то содержание бурсаков в Горлицах обходилось таньше.

Гимназия в Горлицах была нова, лем рок тому назад открыта с двома первыми классами. Потом каждого року додавали новый класс, так што перед самым світовом войном 1914 року она мала уж и 8-ый класс и выпустила первых матуристов.

В горлицкой гимназии мы руснаки чувствовали себе свободнійше, бо нас был больше. В где котрых классах мы разом с еврейскими учениками составляли большинство и мали перевагу над поляками. Крім бурсаков, до гимназии ходило много сынков наших священников из Горлицкого и сусідных повітов. Они ме-

ВОСПИТАННИКИ РУССКОЙ БУРСЫ В ГОРЛИЦАХ В ПЕРВОМ ГОДУ ЕИ СУЩЕСТВОВАНИЯ (1909):

На фотографии показаны ученики гимназии (в гимназической форме тых чашов) и молоденьки ученики нормальной школы (сидят спереду), а также члены правления Бурсы. В первом ряду сидят священники (гдекотры со своими женами), В. Бубняк из Розділья и настоятель Бурсы Павлат (первы два сліва).



шкали на приватных квартирах. В школі мы дружили больше с еврейскими учениками, як с польскими, у котрых все замічалась якась неприязнь к "русинам".

Первый школьный рок в Горлицах прошол дуже легко. При регулярном посіщеніи школы, наука сдавалась мні забавком. Без всякой натугы я окончил школьный рок с отличием и перешол в слідующий класс.

На вакациях наш настоятель бурсы собрал группу гимназистов-бурсаков и устроил с нами прогулку пішком по Лемковщині. Властиво то было лем посіщение наших русских священников. Мы переходили из села на село, от одного священника к другому, спали там по плебаниях и гостились. Настоятель бурсы, старший студент-юрист с панскими замашками, родом от Львова, говорил, што нам, хлопским сынам, треба набрати трохи "товариской оглады", штобы мы знали, як сидіти за столом в панском домі, як говорить с воспитанными людьми и, взагалі, як вести себе в "лучшом обществе". В той ціли он постановил ввести нас в дома наших священников. А священники охотно приняли предложение настоятеля, и всюду нас щиро принимали, гостили, знакомили со своими дочками.

Тоту прогулку мы начали в Мацині Великой, из дому о. Василия Курилы, котрый был председателем нашей бурсы. От него мы перешли через Боднарку до Воли Цеклинской. Боднарского священника мы поминули, бо он был "не наш", а украинский се-

паратист от Сокаля. В Воли Цеклинской мы переспали у священника, забавились и рушили дальше. Так мы нащивили по порядку слідующы плебании:

С Воли Цеклинской до Перегримки; с Перегримки через Мрукову, Брезову-Яворье, понад Дошницу до Святковы Великой; со Святковы до Дошницы, до Мысцовы, до Полян, до Мшанны, Тылявы и Зиндрановы; от Зиндрановы мы повернули на запад и через Барвинок и Вильшню до Ольховца, потом до Тихани, с Тихани через Граб до Радощины. В Грабі мы зашли до Гошка, котрый мал сына в Горлицкой бурсі, но попа мы поминули, бо также был "не наш". В Радощині мы погостились, переспали и перешли до Юркакевича в Черном, потом до Ждыни, до Смерековца, до Регетова. В Регетові у старого дуже гостеприимного священника мы провели пару дней и рушили через верх до Высовы, так до Ганчовы, до Изб, Баницы, Чирной и Мохначкы. В Мохначкі я лишил группу и прервал прогулку, бо росхворілся и мусіл вернутись домой. Но остальные продолжали тур в Сандецком и Грибовском повітах, а так повернули до Устья и Лосья, где закончилась тота прогулка наших бурсаков.

Своих старых русских священников мы навішали часто и в слідующы вакации, коли мы были уж в старших классах гимназии. Они запрошали охотно нас, принимали радо и гостили щиро. То были добры люди, интересны характеры, но непрактичны и отор-

ванны от нового житья, як бы то были не живы люди своей эпохы, а историчны памятники. И в культурном отношении они выглядали нам отстаыми людьми. Они колись покончили гимназии, но нам сдавалось, што они забыли все то, што проходили в школі, и як бы так пришлось им сдавати наново экзамены, то и до 2-го класса гимназии не были бы допущены. Не читали майже ничего, хоц свободного часу было у них подостатком. Сиділи на своих плебаниях и ходили до церкви читати кругом все тоты самы евангелия и отправляти тоты самы богослужения. Возможно, думал я, што тоты священнические занятия отупляют человека и отбирают у него охоту до культурных занятий. Такой священник на селі, если уж не хотіл идти меже народ, штобы не унижати своего достоинства, то мог дашто писати, собирати научны материалы, бо тот материал был у него под руками. Но ніт. Як лем пришол на село, то тратил всяку охоту до дальней науки и культурной діятельности. Он оказывал малый вплив на селян, бо держался в стороні от народа, не заходил по домах селян, не вникал в их житье. По старой традиции он хотіл быти независимым и отгородженным от народа, штобы так держати на высоте свой духовный сан.

Были и вынятки, но дуже рідкы. Таким вынятком был, наприклад, о. Дмитрий Хияк в Избах. Коли мы зашли до него, то он вытягал стары и новы учебники латинского и греческого языка,

литературы, алгебры, истории, и любил змагатися в знании тых предметов. Но всі остальные священники кругом смотріли на него як на чудака.

Тоты стары наши священники на Лемковщині были пышны в своих позолоченных ризах, як служили при престолі, або выходили на "царскы врата". Они отправляли службы поважно, по всім правилам и с достоинством. Но то было все их величие. Если бы світ не мінялся, а держался все на одной и той самой религии, то они были бы на высоті своего положения. Но пришла инша политика, и наши церкви, наша стара религия были обернены в орудие и забавку той новой политики. Як пришли на села новы священники из Восточной Галичины, пропитанны украинским сепаратизмом, и наділи тоты самы ризы, то они выглядали народу такими же представителями религии, як и стары священники. Тогда показалось, што тоты стары наши священники своего роду, русскы патриоты, не оставили ниякого сліду по собі в селах, где жили цілы покоління, бо они ничего иншого не робили, лем тримали народ при церкви. Теперь тота сама церковь была выкорыстана для розбитья народа.

Перед самым світовом войном на Лемковщину приходило все больше молодых украинских священников из В. Галичины. Тоты на первом місци были политическими пропагандистами, а религия была у них на другом місци. Они ставили собі за головну ціль не

то, як держати народ при церкві, а то, як вщепити йому ідею українського націоналізму і ненависть к руському народу. Они охотно сближались с народом, заходили к селянам, глядали собі приятелей в народі, открывали украинскы читальни, кооперативны спілки. Таким подходом они перетягали скоро людей на свою сторону. Тогди и нашы стары священники спохватились, што світ не стоит на одной тилько религии, и тому треба и им робити дашто инше. Так и они по декотрых селах взялися на стары рoky до читален и кооперативных спілок. Но то приходило им тяжко.

Раз спросили одного из тых старых священников в сусідном от нас селі:

— Чого вы, отче, не зайдете даколи до Русской читальни и не прочитате селянам газету або поучну книжку?

— Мні не выходит, бо я святе Евангелие читам им в церкви, — сказал тот священник.

От тых старых священников руссофилов осталась в нашем народі узка религиозность, котром отличаются переважно всі лемкы, якы выросли перед первым світовом войном. Каждый придае огромне значение церковному уставу и видит в нем верх людской мудрости. В каждом таком лемку сидит дьячок, хоч маленький. Нее человека, котрый бы даколи не пробовал своего голоса в читанью Апостола. Видит себе серед освещенной церкви с Апостолом в руках, затягуючого "Братие".

А в самой Русской Бурсі в Гор-

лицах прибывало с каждым роком все больше воспитанников. Теперь и наука русского языка была поставлена лучше, бо до Горлиц приехала молоденька учителька русского языка из России. Она намучилась много, штобы научити наших бурсаков выговарювати правильно русскы слова и ударяти там, где треба. Таки учителькы были присланы в том часі и до других бурс по всей Галичині. Говорили, што то была работа Галицко-Русского комитета графа Бобринского, який ширил царску пропаганду в Галичині, особенно пропаганду православия. Наша учителька, по имени Щербинская, была из богатого роду. Треба подивляти характер и патриотизм тых русских дівчат из России, котры в тых часах приходили в таки медвежы углы, як Горлицы, штобы ширити знание русского языка и прививати нашим хлопцям любовь к русской культурі. Если осталась на работа Галицкого комитета Бобринского в Галичині была намірена к ширению цареславия и не могла мати ниякого культурного значения, то засылка учительок русского языка в нашы бурсы принесла свои плоды. Тоты учителькы избігали всякой политической або религиозной пропаганды и занимались лем своим роботом — преподаванием русского языка. Иначе и не могло быти. Против пропаганды православия выступили бы зараз нашы стары священники, котры завідували бурсом. А против политической пропаганды подняли бы сейчас крик школьны власти. Но

учитися приватно русского языка не было заборонено, длятого и власти мусіли терпіти тоту роботу русскых учительок в наших бурсах.

Однако бесіды о "царских рублях" далось чути и в Горлицах. Украинскы и польскы газеты писали, што вся Галичина наводнена царскими рублями. Но в тых часах была раскрыта афера с германскими марками, якы давал Берлин галицкым украинцам на борьбу с поляками. В горлицкой гимназии было уж пару украинскых учеников, то коли они нам споминали с докором о царских рублях, мы отгрызались:

— А кто достает німецкы марки из Берлина?

Позже, в старших классах гимназии, коли мы проходили историю польской литературы, историю німецкой литературы и перечитывали вызначнійшы творы польскых и німецкых писателей, то мы вникали сербознійше и в цілый украинский рух. Я читал и Шевченка, як он плаче над своим любимом Украином, но його вершы не будили во мні любви к Украині, а любовь к своей Лемковщині. Я думал, што нам треба так любити свою родну землю, як Шевченко любил свою Украину.

Если украинский язык Шевченка звучал народно, як и язык нашых народных пісен, то новый украинский язык, який мы встречали во львовских газетах, выдавался нам штучным и политическим языком, кованным специально для поддержания украинского самостійницького руху. В тых ча-

сах мы уж были знакомы со "Словом о полку Игоревом" и со старыми літописями Киевской Руси. Русский литературный язык николи не оторвался цілковито от Киевской старины, а вырос природно из ней. Длятого и для нашего человека на Лемковщині, котрого ухо привыкло к староправославному языку, новый руский язык не звучал як чужий и далекий, а як свой близкий язык. Но новый украинский язык мал инший характер. Штобы сділати його "самостійным", независимым от русского, то наміренно вырывали из него всякы связи с русским языком. А што русский язык был связанный со старославянским церковным языком и с языком литературы Киевского периода, то отрываючи украинский язык от связей с русским языком, треба было в том новом украинском языкі перерізати и всю корінь, яке уходило в Киевску старину.

Если в каждом литературном языкі есть своя народна основа, як суровый материал, и писательска шлифовка, то от украинского литературного языка получалось впечатління, што в нем якысь чужы люде, не свои, взяли тот народный суровый материал и шлифовали из него инструмент для своей политики, оторванной от минувшины того народа.

В Горлицах при Русской Бурсі начала быстро ширитися и друга народна работа. Найперше была основана кооперативна касса, котру называли просто своим народным именем — "Лемковска Касса". До Горлиц было перенесено

издательство газеты “Лемко” под руководством матуристов Сандецкой гимназии и воспитанников Сандецкой бursы — Д. Вислоцкого и И. Русенка. В Горлицах собиралась и своя интеллигенция. Туда персїхали на практику адвокатскы кандидаты д-р Дмитрий Собин и д-р Ярослав Качмарчик, а также выслуженный судья Менцинский, котрый открыл свою адвокатску канцелярию. Крім того, было несколько наших урядников в податковом уряді и в суді. Из Загужан приїзжал часто до нашей бursы желізнодорожный машинист Кочкодан.

Лемковска Касса розвивалась дуже добре, фонды ей росли из місяца в місяц, бо не лем наши селяне давали до ней свои вклады, но из Америки также наши эмигранты присылали свои ошадности. В коротком часі Лемковска Касса в Горлицах перегнала “Защиту Земли” во Львові и вышла на друге місце меже всіми русскими финансовыми институтами в Галичині: лем “Бескид” в Сяноку перевершал ей своими депозитами. Касса купила свой будинок в середині міста. Было в плані будувати центральный Лемковский Торговый Дом, котрый бы стал гуртовным складом для сельских кооперативных крамниц, яки открывались по всіх селах Горлицкого повіта.

Руководство том народном роботом переходило все бльше из рук священников в руки передовых селян и світской интеллигенции в Горлицах. Интересно и то, што тота работа велась все боль-

ше независимо от Львова. Наши передовы люде не любили пусте политиканство львовских лидеров як русских, так и украинских, и говорили: “Най они ся там грызут на политикі, а мы будеме розвивати по своему свою народну роботу и старатися за наши лемковскы sprawy”. Думали уж и о том, штобы забрати наши кооперативы на Лемковщині из-под контроля русского и украинского ревизийных союзов во Львові и организовать свой Лемковский кооперативный союз в Горлицах, а при нем открыти торгову и ремесельну школу.

Полякы в Горлицах начинали говорити, што “русины” за дуже набирают силы и можут завладіти містом. И в самом ділі наша Лемковска Касса стала найсильнейшим банком в Горлицах. До ней приходили за пожичками не лем свои селяне и кооперативы, но и польскы и еврейскы торговцы, польскы селяне, а наибольше ріжны польскы урядники из староства, из суда и других державных и повітовых установ. А запожичившись у нас, они были зависимы материально от наших людей.

5. В ГОРЛИЦКОЙ ГИМНАЗИИ

В Горлицкой гимназии польскы преподаватели, або як их называли, профессеры относились корректно к нашим русским ученикам. Не было замітно того шовинизма, як в Новом Санчі. Гдекотры из преподавателей были зависимы финансово от наших людей, бо брали пожичкы на вексли из Лемковской Кассы. Для

учеников гр. кат. обряда был назначен свой катехет. С початку ним был наш русский священник из Лосся, але по пару роках церковны власти назначили своего украинца — восточно-галицкого священника из Боднаркы.

Як собі припоминам, в Горлицкой гимназии был лем один преподаватель, по имени Сикора, котрый показувал явно свою ненависть к русским ученикам. Раз признался перед нами, што мал неприятны приключения при посіщении царской Польши под Россиом. Прибывши до Варшавы, он замішался до якоїсь политической авантюры, и при том достал нагайком от козака. Може от того он не мог говорити спокойно о “москалях”. У нас в гимназии он преподавал географию, але ци говорил за Африку ци за Индийский океан, все вертался к москалям.

Бывало выкличе нашего бурсака к мапі и начне высмівати и прозывати його. Раз выкликал Дмитра Гошка, из Грабу, и увиділ, што у него черевикы не вычищены и не зашнурованы. Так вмісто экзаменовати, он начал кричати на него: “Ты камчадалю — на Камчатку с тобой!” Гошко учился добре, то не боялся и не стоял о профессорску ласку. Он отложил патык до показування місцевостей на мапі и пошел на свое місце, даючи тым порозуміти, што такому шаленому профессору не буде отвітати.

И мні тот Сикора дал раз “двойку” за дурничку. Мы проходили як раз географию Франции. Выкликал мене к мапі и пытался

одно и друге. Наконец задае вопрос, чому Франция перемінила порт Брест в морску крпость. Я говорю, што то оборона против Англии, котра владіе на морях и мае найсильнейший военно-морской флот. Мы в бурсі читали много по-русски, то мні помішалось в бесіді: заміст сказати правильно по-польски, што Англия мае “вьельков фльотев”, я сказал “вьелькі фльот”. Сикора аж подскочил: “Сядай! Двуй! — кричит. Я ище поставился, што было зле сказано, то он мні объяснил, што я польского языка не знаю. Но той “двуйкы” долго не было, бо и польскы ученикы обурились на таку марну придирку и зараз на слідующих годинах росповіли другим профессорам, што показуе Сикора. Наибольше погнівался наш профессор польского языка. Он зараз пошел сказати Сикорі, штобы пильнувал своей географии, а не польской грамматики, бо в польском языке, як в бесіді, так и в письменных задачах, я стою у него на первом місци. Сикора получил острый выговор и от директора гимназии. Так на слідующей годині географин он выкликал мене знова на экзамен. Задавал всякы вопросы, але в приличном тоні, и наконец сказал: “Добре, можешь сідати”. Однако при конці року в мойом свідоцтві было из географии лем “добре”, хотя по всім другим предметам было “дуже добре” або “отлично”.

Треба признати, што в таких випадках всі ученикы, без огляду на национальность, тримали разом против профессоров, оборо-

няючи свої вільні інтереси. І кожен учень мав право жалуватися директору гімназії на "персекуцію" со сторони того або другого професора, а в случаю злої отмітки на свідоцтві домогтися даже, щоби йому було дозволено сдавати новий екзамен по тому предмету перед комісією. В виду того і такі професори, як той Сикора, не могли заганятися за дуже далеко.

Не були меже польськими професорами і такі, котрі відносились к нашим русським ученикам даже більше прихильно, як к своїм польським. Бул, наприклад, один преподаватель грецького языка, котрий часто повторял, што "русины" учатся йому ліпше, як поляки. На руські церковні свята ми не йшли до школи, так раз на руське святе он прийшов в клас, поспотріл, што руських учеників ніт, і сказав польським ученикам: "О моих "русінкуф" нема ... што я буду робити тут с вами болванами".

Я переходив легко из класу в клас. Не багато моих старших товаришів-однокурсників, с котрыми я начал учиться в Горлицях, осталось позаду, або цілком лишили гімназію. Одні не любили сидіти постійно в школі по 5 годин денно, то не пильнували науки; другі хоч сиділи вічно над книжками, то наука их не чеплялась, і их оставляли по два і три роки в одном і том самом класі; треті лишали школу, бо были из бідної фамелії, і родиче не могли утримати их в гімназії.

Из наших бурсаков так само много лишило гімназію по той або другой причині. Кто оставил школу в тех часах, то переважно виїзжав в Америку. Лем из той маленької групи 38 учеників гімназії і нормальної школи, котрі прийшли в Горлицьку бурсу в першому року послі ей откриття (показаны на фотографії), 10 лишили школу і уїхали в Америку. Но на их місце приходили все нові ученики зо всіх сел Лемковщини, так што число наших учеників в бурсі і в гімназії с рока на рок увеличалось.

Не всі діти надавались до той різноракій науки, яку преподавали в гімназії. Кожен чоловік має якийсь свій талант і любить одно заняття, а друге не любить. Дітина могла мати артистичні способности до музики, до малювання і т. д., або склонность до майстерства, до машин, до ремесла, а ей послали до гімназії на 8 літ і казали сидіти над латином, греком, изучати историю, литературу, грамматику 4-х языков і ріжні другі предмети. Така дітина тратила охоту до того і занедбувала науку.

В гімназії звертали увагу і на фізичну культуру, на гимнастику. Раз на тиждень была година гимнастики. Гдєкотрі из учеників любили найбільше гимнастику і виробились на добрых атлетов. Мы в бурсі мали одного ученика, Павла Хомковича, из Прегонины, котрий в гимнастичі, в спорті был на первом місці, но в науці был дуже слабый. Он был первый силач. На годині гимнастики он двигал такі тягари,

як ніхто инший в Горлицькій гімназії не мог двигнути. А до того был і первым "реслером" у нас. Мы называли його в бурсі "наш Збышко".

Горлицы, то было переважно єврейське містечко. Наші бурсаки дружили с євреями не лем в школі, но і поза школу. Різники-євреї в Горлицях мали своїх силачів, так раз они вызвали нашу бурсу на змагання. Они выбрали свого найсильнішого "реслера"-борца, а мы — нашого "Збышка", Павла Хомковича. Борьба была устроена на луці коло ріки Ропы.

С одной стороны и с другой было выбрано по двоих судцов, котры мали смотріти, щоби боротьба велась згідно с правилами.

Оба силачы познавали сорочки и начали змагатися. Чемпион єврейських різників был низкого росту, но широкий, набитый, мускулистый. А наш "Збышко" был вышший ростом, но в плечах и в грудях аж росперало го. Бороться дост долго, бо різник был добре вытренованный. Ходило о то, кто кого положит на обі лопатки. Уж по пару минутах боротьбы мы не боялись за нашого "Збышка", бо сколько раз єврейский чемпион схватил його и прилуг до земли, то "Збышко" все зроби "мосток", який противник не мог никак сломити. Як уж оба добре помучились, и с обох вода льялась, то наш "Збышко" придавил різника до земли и тисне му руками лопатки. Мы кричимо, што Хомкович выиграл, но єврейскы судьи показывают, што одна лопатка их чемпиона ише

не дотыкат цілком земли. А наш "Збышко" успокоює нас:

— Почекайте, он сам вам повіст, ни не дотыкат.

И як натиснул грудьми, то різник опустил руки и начал просити, што уж дост.

Так мы там на місці проголошили нашого "Збышка" чемпионом Горлиц. Но он не был послі того долго с нами в бурсі, бо перепал в науці и мусіл лишити школу. Он виїхал также в Америку, и больше я не чул за него (Он показаний и на нашей бурсацкой фотографії — тот, што тримат білий папер в руці).

В гімназії велику увагу звертали на релігійне виховання учеників. Не лем в каждом класі преподавали закон Божий, котрий был обовязковим предметом, но и дозєрали, щоби кожен учень был в великодній сповіді. Раз або два рази до рока приїзжали учени ксьондзы-єзуїти, котрі выголошали в костелі спеціальні проповіді для гімназистів. На тоті проповіді обязаны были ити і греко-католики.

Але тоті проповіді учеників єзуїтів не мали великого впливу на учеників старших класів гімназії. Чым больше научно старался говорити такий проповідник, чым больше покликувался на старих и новых философов, тым меньше переконуючими были його слова. В школі на годині зоології профессор объяснял нам теорию эволюции в животном світі, як зародилось життя на землі и як оно розвивалось от найпростіших однокліточных истот

аж до теперішнього стану; на годині географії і геології об'ясняли сонячну систему і історію нашої Землі в світі нової науки, а тут на годині релігії катехет вертав нас назад к єврейській Біблії і толкував старі єврейські легенди о створенні світа і першого чоловіка, котрі цілковито противорічили тому, што нам говорили на годинах інших предметів.

В старших калассах гимназії ни один ученик не вірив тому, што говорили йому на годині релігії. Гимназисти смотріли на світ с материалистичной точки зріння. Но против релігії не можна было выступити открыто, бо за то выгнали бы из гимназії. Але можна было вступати в дискуссию с катехетом, задавати йому вопросы, што я хочу того або инше знати, што мні неясно. И часто гдекотры из смілійших учеников выводили из терпіння такого профессора своими вопросами. Напримір: релігія учит, што Бог есть совершенный, всевидущий и вседобрый, и што первого чоловіка створил на подобие свое — так чому он створил такого несовершенного чоловіка, котрый зараз на другой день согрішил и треба было выганяти його из раю? Священник-катехет пробовал отвічати на подобны задерживы вопросы, як мог, а як уж доходило так, што об'яснение противорічило здоровому рассудку, то звичайно заявлял, што чоловічеський розум за слабый, штобы проникнути в планы и желания самого Бога. Но нам то выглядало на поану капитуля-

цию преподавателя релігії перед науком.

Але наука одно, а житье другое. Много из тых моих товаришів по гимназії, котры в школі показывали себе такими безвірниками и сторонниками материалистичной философии, потом пошли в духовны семинарии и стали священниками, штобы проповідувати вірующому народу то, во што сами не вірили. Они то проповідуют, бо из того можна легко жити.

В старших классах гимназії я помагал собі много "лекциями". Коли даякий ученик мал трудности с науком в школі, то його отец, если был заможный, старался наняти йому помощника и платил йому, штобы тот сиділ с його сыном и помагал йому в наукі. Часто на такы лекции нанимали больше способного ученика из того самого класса або из высших классов. Гдекотры ученики гимназії, котры лучше учились, могли заработать такими лекциями по 15 и 20 корон на тыждень, што в тых часах выстарчало вполні на житье и приодіву. Почавши от 5-го класса гимназії, я сам мал много тых лекций. Переважно я помагал сынкам наших священников, но нанимался также и к польским и єврейским ученикам. И на вакації я не ишол додому, а виїзжал заниматься с даяким учеником. Случалось, што даякому ученику давали "поправку" из одного предмета, штобы в літі на вакациях подготовился до нового экзамену, то в таких случаях родители звичайно нанимали помощни-

ка, штобы помагал их сыну в наукі.

В июні 1914 року я перешол до 8-го класса гимназії. Як школьні занятия окончились, то бурсаки розїхались в свои села на вакації. Я с пару другими товаришами остался ище в Горлицах. 28 июня вечером мы пошли до міста встрітиться со знакомыми и там мы узнали свіжу новость, што в Сараєві сербы убили австрийского престолонаследника Фердинанда и його жену.

— Буде европейска война, — сказал нам знакомый єврей.

— Но Австрия не переживе ев-

ропейску войну, лем розвалится, — заметил другой.

Того літа первый місяц вакацій я жил близко Горлиц у одного поляка, котрый нанял мене помагати в наукі його сыну, получившему поправку. Тот ученик был мой товариш из того самого класса. Я пробыл у него лем один місяц, бо зараз послі австрийского обявления войны Сербии тот ученик кинул книжку и записался охотником до польского легиона, який организовал Пилсудский, а я вернулся до своего родного села.

(Конец Первой части).

Роковина

Были колись и в наших бідных Карпатах золоты часы, але лем для польских и мадыарских панов. С панамі тримали и наши отцы духовны, то и им жилось не зле. Но тоты золоты часы минули.

Вот в нашем селі зараз по Новом році зношали газдове попови роковину-коблину. На одного газду припадало давати по кірцу жита и по кірцу вівса. Стара панщина была уж скасувана, але того поповске право ище осталось меже нашим народом. И так нич за нич приходилось давати зерно чоловіку, котрый на него не робил.

Одного разу звалил небіщик нянько мішки на сани, закрутил мене в гуню и положил меже мішкы, тай взял с собой до школы.

Там поставили мене грітиса коло великого кафльового пеца, и я почал розглядатися по людях и их роботі.

Посеред школы был поставленный деревянный корец. До нього один по одному зсыпували газдове зерно — поповску роковину. Коло кірця стоял церковный куратор Дрябан, найбогатший газда в селі. Час от часу он покопывал до кірця ногом, абы зерно добре зосідало и больше його змістилося в деревяном кірці.

Поп из сусідного села (бо в нашем селі фары не было) сиділ неподалечку на стільци и призерался на свой капитал, што зсыпували йому в корец, а из кірця в міхы, яких при задньої стіні школы навалилася уж велика купа.

Пришла черга отдати роковину на Василина Юрка. То был найбіднійший газда в селі, а до того ище мал хвору жену, яка уж

долгы роки вылежувала хворы на гостец клубы в постели, та семеро дробных дітей и лем одну коровину. Каждый в селі знал, и сам поп добре знал, што в Юрковой родині прилипают жолуды до попереку, бо ніт надост істи.

Принюс Юрко зеренце, яке мал, тай начинат зсыпувати. Поп приглянувся раз и другой, а потом подскочил и гойкнул сердито:

— Гоп-гоп, Василин! Мои свиньи твоего смітья жерты не будут! Твое зерно не чисте, а перемішане зо стокolosом.

— Пан превелебный, яке мі панбіг зародил, таке зсыпую, — отповіл Василин.

— Не плеть мі байки, — роскричался поп, — а бери собі назад того зерно и выплать мі роковину грошами.

— Тадь я не маю бідной корунки ани на червену сіль, жебы діточкам посолити, — взмолился Юрко.

— Як не маешь грошей, то дай мі из того зерна, што-с заробил у грофа на жнивах, — заявил твердо поп.

— Пан превелебный, — заломил Юрко руками, — та того зеренця найдесь у мене як раз на корец и його выстарчит праві дітям на запражку. Лем най ся змилюют, пан превелебный...

— Мене твоя запражка не обходит, а повинне мі дай. Боже — богови, цисарске — цисареви, а мені — мое! — кричал уж цілком сердитый поп.

Юрко порозуміл, што с попом

не поради. Он взял свое зерно назад, побіг додому и незадолго принюс того зерно, котре заробил у грофа на жнивах.

Поп подобріл и притакнул:

— Ну так-так, ты лем сынь, Василине...

Василин, захмуренный и розжаленный, начал зсыпувати зерно. Насыпал уж верхуватый корец, але ище в мішку трохи залишилося. Досыпует и тот остаток до попового. Тут отец духовный знов подскочил и гойкнул:

— Гоп-гоп, Василине, тото уж оставь собі — дітям на запражку...

Але Василин сыпле дальше через верх и гнівно отвічае:

— Ніт, пане превелебный, вы лем дайте своим свиньям чисте зерно, а моим дітям най останеся тото, што ваши свиньи не іли бы...

И высыпал Василин всю зерно до попового кірця. Очы його залилися слезами, уста скривилися до плачу и руки дрожали.

Люде в школі притихли, як закаменили. Всім было жаль Василина. Лем пан превелебный был спокойный и задоволенный, як бы ничего надзвычайного не сталося.

Поповы міхы с зерном наложили на санки и отвезли кураторы на фару в сусідне село, где их уж дожидала тучненька усміхнута пани превелебна и веселы поповы панночки та и молоды паничы.

А Юрковы діти ждали дома на водичку, запрожену муком из зерна, яке пан превелебный своим свиньям не хотіл дати.

М. П.

Хитра дівчина

(НАРОДНА ПРИПОВІДКА)

Было то давно-давно, коли ище судов не было, лем по селах пань-поміщики панували и людей судили.

В одном селі жили собі два сусіды. Один богатый — у него в хаті и на подвірью полно всего, а другой убогий — ни хвоста ни хвороста, лем біда и в хаті и в stodolі. Но была у того другого сусіда дочка Марися — така разумна и хитра-прехитра.

Якоси раз богатый розласкавился и каже до бідного:

— У тебе лыжки молока нема, а у мене пять дійных коров. Возмий мою дійну корову, а будешь мі в роботі помагати и так потроху отробишь.

Бідный подумал, што то от щирого сердца, а не от хитрой думки богатый сусід корову дае. Взял тоту корову и отраблял. Больше для сусіда працювал, як для себе. Як уж отробил, то шкода стало богатому коровы, и каже знова до бідного:

— Ну, уж попасся ты дост, то отдай мою корову назад.

Зачудувався бідный:

— Та-ж я тобі, сусідо, за корову отробил!

Но богатый ани слухати не хоче, лем сміеся:

— Што ты там отробил за та-

ку корову? То так, як коцур наплакал, ани слухати не хочу.

Жалко стало бідному своей работы. Приходит додому и говорит:

— Бодай никто не дождался с богатыми згodu робити... Но не отдам коровы, а піду до пана, най он розсудит.

Пана того всі люде в селі за дуже разумну людину мали. Все сиділ на ганку та закривлену файку на долгом цибуху курил. Люде говорили, што он так много думает, а йому поправді и головы повернути не хотілося, бо такой лінивый был.

Выслушал он бідного. Потом казал закликати и богатого сусіду и говорит им так:

— Дам вам загадку, кто ей отгадат, того и корова.

— Най буде и так, — згодилися оба сусіды. — Повідайте, пане, вашу загадку.

— Та слухайте: што на світі найсытнійше, што на світі найпрудше и што на світі наймильше? Идьте собі додому, а завтра приходьте и отповідайте.

Поклонилися сусіды панови и пошли додому. Богатый иде на свое подвірье и подсміхуеся: "Та то легко отгадати такую загадку. Што може быти сытнійше от пан-

ских свиней? Што може быти швидше от псов-хортов, с котрыми пан ходит на полюваньє? А наймильше на світі то грошы — то каждый знає!.. Моя корова была и буде.”

А бідный пришол додому, сіл на запекот и застарался. Видит то його дочка Марися и говорит:

— Чого вы, няню, так застараны? Што вам пан сказал?

— Та загадал пан нам обом загадку розгадати, и кто розгадає, того и корова буде.

— А яка-ж тота загадка? — пытаєся Марися.

— Што на світі найсытнійше, што на світі найпрудше и што на світі наймильше?

Сіла Марися коло стола, подумала трохи и говорит:

— Треба панови сказати:

Найсытнійша — земля-мати,
Бо велику силу має,
Всіх годує, напаває.

И найпрудша мысль наша,
Бо она за короткий час
Вколо світа обведе нас.

А наймильший сон людині,
Зле и добре мож забути,
Штоб заснути и спочити.

— Та оно напавду так! — выкрикнул няню. — Отак я и панови скажу.

Пошли на другий день сусіды до пана. Пан их пытає:

— Ну што, отгадали вы мою загадку?

— Отгадали, пане, — кажут оба.

Богатый сусід наперед скорше выступає, штобы пану приподобатись, и повідат:

— Найсытнійшы на світі, пане, ваши кабаны, найпрудшы на світі

ваши хорты, а наймильшы на світі грошы, они для всіх хорошы.

Пан замахал долгим цибухом и крикнул:

— Ей брешешь, брешешь! —

Потом обернулся до бідного:

— А ну ты говори!

Бідный сусід схилил набік голову и так тихо и смиренно начал говорити:

— Можу, пане, вам сказати,
Найсытнійша — земля-мати,
Бо велику силу має,

Всіх годує, напаває.

И найпрудша мысль наша,
Бо она за короткий час
Вколо світа обведе нас.

А наймильший сон людині,
Зле и добре мож забути,
Штоб заснути и спочити.

— Так, то правильно, — говорит пан. — Значит, корова твоя. Тилько што-то мні не хоче віритися, штобы ты сам тото мог отгадати. Може тобі дакто помагал?

— Помагал, пане, — каже бідный. — Маю дочку Марисю, она така розумна, така перебігла на вшитком, як бы можна было, то она бы и звізду с неба достала. Так она мене навчила, як тоту загадку розгадати.

Пан аж розсердился, набундючился, засопіл и думає собі: “Як то так? Я такой розумный собі пан, а она проста дівка, и мою загадку розгадала!.. Но почекай же ты, мудрульо!” И каже он до Марисіного няня:

— Я ти тут дам десять вареных яєц, ты их передай своей розумной дочкі, най она посадит на них квочку, штобы тота квочка за одну ночь вылупила из них кур-

чата, штобы твоя дочка зарізала три курчата, засмажила на сніданье, а ты, поки я встану, машь принести то до мене. А як не зробит твоя дочка того, то буде зле.

Иде няню додому барз застаранный, аж плаче. Приходит до хижы, а Марися пытає його:

— Чого вы, няню, плачете?

— Та як же мені не плакати, Марись. Загадку я добре отгадал, и корова наша, але пан дал для тебе десять вареных яєц и наказал, штобы ты посадила на них квочку, штобы квочка за однесеньку ночь вылупила и выговудвала курчат, и штобы ты трое из тых курчат засмажила йому на сніданье. А як не зробишь, то буде зле тобі от пана.

Но Марися не робит собі нич с того. Она лем усміхнулась и скоренько взялась до работы. Не посадила квочку на варены яйка, а зварила горщик кашы, отдала няньови и каже:

— Занесете то до пана и скажете йому так:

Поорте земличку вашу
Та посійте тоту кашу,
Як вырасте с того просо,
Най то просо пан покосит,
Най змолотит, перевіє,
Пшона натовчи зуміє,
Бо не мам чым годувати
Тоты маленькы курчата.

Понюс няню до пана кашу, отдал йому и повідає так, як Марися навчила.

Пан дивился, дивился на тоту кашу, потом взял и отдал ей свиньям. А сам думає: “Што то значит? Проста дівчина знова ме-

не персхитрила!.. Но почекай же, ты мене не персхитришь больше”.

Долго думал пан и придумал нарешті такую загадку:

— Идий ты и повічь своей дочкі, што пан просит ей на гостину. Але як она така розумна, то най приіде до мене так, штобы іхала и не іхала, ни дорогом ни поза дорогу, ни боса ни обута, с подарунком и без подарунка. А як она того не выполнит, то буде зле.

Иде знова зажуренный няню додому. Як пришол до хижы, то повідат дочкі:

— Ну што теперь будеме робити, Марись? Пан дал нам нову загадку.

И он росповіл цілу историю, яку загадку задал теперь пан.

— Не старайтесь, няню, — повідат Марися. — Мы собі с тым порадиме.

И наказала она няньови зловити живого зайца. А сама одну ногу обула в дыраву черевуку, а другу лишила на босо. Потом поймала воробця, взяла сани и запрягла в них цапа. Заяца под одну руку взяла, а до другой воробця. Одну ногу на сани поставила, а другом по дорогі ступала. Так одну ногу цап везе, а другом иде. Иде и співає:

От я іду и не іду,
А поспію до обіду.

Што-ж, як мене пан так просит,
Я обута, я и боса
И дарунок в руці мам,
Пану його передам.

Приходит Марися так до пана на подвірья. Пан як увиділ в окно, што дівчина и тут його пере-

хитрила, дуже розгнівалася і кричить своїм слугам:

— Пошуйте їй собаками!

Слуги пошували собаками, но дівчина випустила заяця. Собаки погналися за заяцем, а їй лишили. Марися їде прямо на ганок та до пана в світлицю. Поздоровкалась сміючись і повідат:

— От вам, пане, і даруночок от мене, — та подала йому щось в руці.

Пан хотів взяти, но тут она жменю розскрила і пустила воробця. Воробець пурхнув і вилетів в открыте окно.

Зачудувався пан: Направду хитра дівчина. Думає собі: треба їй обдарити, щоб потім не сміялась над паном і не выдумала дашто на него.

— Што-ж тобі дати, дівче, бо ты выграла? Выберай, што хочеш.

Але тут на подвір'ю счинилася шум. Повідають пану, што якісь два дядьки пришли до пана судитися.

Пришли перед пана. Тот пытає их:

— Што вам треба, добры люде? Один росповідат:

— А от што: ночували мы оба на поляні, а як рано повставали, дивимся, то коло наших кобыл есть мале лоша. Я говорю, што то моя кобыла лошадко привела.

Другий перебиват:

— Неправда, то моя кобыла лошадко привела... Вы, пане, розсудьте нас по правді.

Пан хотів показати перед Марисом и перед людьми, што он небылеккий розум має. Подумал над тым и каже пригнати на подвір'є лошадко и кобылы:

— До котрой лошадко побіжит, тота його привела.

Привели запряженны кобылы и лошадко. Але лошадко так было загнане с долгой дороги и засмыкане, што бідолашне ани не знало, куда йому бігти — взяло та побігло в иншу сторону от кобыл.

Всі очы вытріщили, а пан аж почервонів с ганьбы, што його догадка нанич вышла. А Марися спокійно говорит:

— Вы лошадко привяжете, а мамы повыпрягайте и пусте свободно: котра побіжит до лошадка — то його мама.

Так и зробили. Роспрягли коней, а гачатко привязали. Одна из кобыл зараз до него побігла, а друга пошла траву пасти.

— Ото розумна дівка! — дивуються люде.

Пан залял гнівно, што проста лівка його бортаком перед людьми выставила. Прогнал ей со двору разом с няньом и ничего им не дал. А Марися ани не подивилася на його богатство, бо што в хаті и на подвір'ю, то все дуже скоро може пропасти, але што людина в розумной голові має, то николи не пропаде, доки людина **живе**.

Дві войны я пережила

Я родилась в селі Ганчова, Горлицкого повіта. Родиче мои Антоний и Юстина Тима уж покойны. Ту хочу описати, як я переживала першу и другу світову войну.

Ой тяжкы то военны часы, то-ж не роздувайте, люде, военный огонь, лем гасте го, гасте и не дайтеся йому розгоріти.

Была я ище дуже малым дівчатом, може 6 роков мні было, то я дуже не памятам першу войну. Памятам, як ишло войско через наше село: пришло из Словакии и назад прудко ся цофло на Словакию. Але до днесь не знам, ци то было русске ци австрийске. Потом пришло дуже русского войска из Польши и тоты zostали долго в нашем селі и сусідных селах. Фронт был на Бескиді. Кулі летіли на Высову и Блхнарку, а и в нашем селі упало пару. Одной жені велика куля впала до хижы. Муж был на войні, а она с одним дівчатом осталася дома. Встала рано и ся обувала, же треба втікати, а ту лем раз влетіла куля. Дівчату оторвало п'яту на ногі, а жені трафіло до груди. Йще вилетіла надвір и скричала ратунку, але уж не довели ей до шпыталя, бо умерла в дорогі. А дівча вылічили — мала п'яту с чужого тіла, але ей



МАРИЯ ТИМА,
автор оповідання "Дві войны я пережила", родом из Ганчовы,
Горлицкого повіта, теперь в
Западной Польші
на Познанщині.

все боліло, и нога была коротша от той здоровой.

Высову и Блхнарку выгнали. Ой як плакали тоты люде! Несли перины, провадили діти за руки, а декто — корову. Але што мали веце, то всьо zostало. Там с'їло войско их працу, и пару хиж спалили.

Хлопы майже всі были забраны на войну, лем пару старых лишили.

Який был плач и страх, то не

дається описати. Наша хижка була при дорозі, што веде зо Словакии в Польщу. Коло нашої хижки была муруванна каплиця. Одного нашого сусіда напав страх, бо имосць повіла, же певно треба буде втікати, то люде брали перини и носили до той каплички. Але сами ся не ховали, лем ходили коло ней, плакали и молились. На дорозі была варта войскова, то пришоу к ним один вояк и покричал, жебы брали перини и додому ишли, же кулі уж не будут падати.

В нашої хижі мешкал якийсь старший офіцер, котрый с нами дуже добре обходился. Нас было дві, старша сестра и я, а и мама с нами. Няньо были при войску. Мы зо сестром часто спали обути и посбераны. Мама майже не спали, лем так перестоювали коло нас цілыми ночами.

Одного разу смотрю на дорозу, а ту иде двоух вояков на конях с горы долов селом, идут и барз роззирают. То была патруль зо словацкой стороны. А ту лем раз выскочил один вояк с помеж хиж, тыж на кони, и так сміло прискочил к тым двом, скричал, жебы ся поддавали, и заставил до них пику. То один зараз зоскочил с коня, вшитко познимал и ся поддал. А другий ся не поддавал, то го тот, што был сам один, пробил пиком. Упал коло коня и так рычал, як звірь, и дуже страшно выглядал. Прилетіло веце вояков с помеж хиж и того, што ся поддал, деси повели, а того пробитого завели до нашо-го сусіда, дали му сісти коло пецца, а мы діти призералися на

него. Вшиткы го жалували, же го барз болят, але он нас нич не розуміл, бо то был якийсь мадьяр. А тот, што ся поддал, был словак.

Потом взяли того раненого на віз и везли до шпиталя — до Лосья ци до Горлиц. Але в Лосью пришоу ку нему якийсь офіцер и го жалувал, а тот раненый на возі вырвал ніж из-за холявы и пробил того офицера, тай там го добили и прислали відомость тому воякови, што го пиком пробил, бо он хотіл знати, ци вылічится.

Пак што раз меньше было чути стрілянья, а поволи и войско одышло.

Пришла ярь. Як сніг згиб, то луку коло села были так зруйнованы конями, што треба было дуже ся натрапити, абы их хоч як-так поровнати.

Люде бралися ярувати, но не было што запрячи до воза и плуга. Декто мал дакого кониска, што войско лишило, та тако-го, што не мог ноги волочити. А до того — не было што сіяти, бо што не забрали, то войско коньми скормило. Люде хворіли на оспу и иншы заразливы слабости. Всяди смерділо, то и люде хворіли от той нечистоты.

По яри было барз голодно, але и так было весело — по полях пастушкы співали.

Прудко минула весна и літо, но все не было спокою. Молодых хлопцев кликали до ассентерунку, до войска. Але чым дальше тревала война, тым меньше была у них охота идти до войска, то вті-

кали не лем за хижу и село, но и за границу.

Мои няньо вернулись с войны и зачали газдовку поправляти. Купили под зиму три уці и кобылу, то на ярь сме мали семеро увец. Я барз любила малы ягнята, а ище лінше брындзу любила-м істи. Но мала ем и смуток. Мі казали с уцями ходити на поле. Вшили мі гуню зо сукна, котру я барз не любила, бо была шита на стару лемковску моду: мала пониже поясу клапти и шнурком была обшита, а коло шнурка — квіткы с червеного поставу. Была я дуже незадоволена, бо не мала-м иншого загорнінья на зиму.

Вовны было у нас дост, можна было гардый сведер зробити, але мы ище не знали плести на д्रो-тах, то, рада-нерада, мушена ем была гуню носити.

Пасвиска в нашом селі были спільны, то для пастухов была выгода. Ходили собі разом, и было нам весело. Співали, гукали, а як сме коровы потратили, то сме плакали. Гайтовы мали с нами клопїт, бо сме робили шкоды на луках, а часом и на зерні. Хоч с кыями за нами холили, то и так нич не помагало. Нас лем товди тішило, як сме сытый статок додому гнали. Дома нас за то похвалили, а часом и масла дали.

В осени сме ходили на цілый день, як мы называли — на прес-день, бо уж пашы не было, жебы ся скоро напасло. Всяди было звыпасано, лем на ксьенжом полю была трава, бо ксьондз пас осібне свой статок, а земли мал барз дуже, то нераз сніг прику-

рил траву. Но не позволил людем статок на його полю пасти.

Одного дня поздном осенью пошла я на поле и не зышла ем ся с пастухами. Было барз студено, а я не мала патычков, жебы огня накласти. Сіла-м собі за меджу от ксьендзового поля и смотрю, жебы статок не перешол за меджу на ксьенже. За меджом в сухой траві было мі тепло, так сон клонил очы, же я уснула. О статок не было страху, же мі дагде розыйдеся, бо там нигде ничего не было, лем тоты ксьенжы перелогы зо старом травом. Он все ходил зазерати на них, ци дакто не пасе, але тот день был барз студеный, и сніг уж покурювал, то я не сподівалася, што он выйде. А он выйшоу и кричал с дорозы. Но коровы никто не зганял, то он пошоу сам зганяти и нашол мене там под меджом. Як мя не лупне палицом, так я от разу на ноги скочила. Отскочила-м набік, тай ся с ним сварю, за што мя бил. За суху траву на перелогах? Уж сніг курит, то ей прикурит, а мои коровы голодны. А он за мною с палицом, но я не боялася, же мя зымат, бо был старый и барз бріхатый. Так мя лишил там, лем кричал и кричал: "Чекай, злодію, чекай!"

Зовном не дал рады, то пошоу до нас ся сварити, бо уж такой был, што ся все сварил. Ходил нас религию учити, то нас чупчил в школі, што сме ся го бояли. Перед великодными святыми всі школяре ишли до сповіди — ишли сме разом хлопці и дівчата. Перший пошоу один хлопец. Як выйшоу зо сповідальниці, ище ся не

обернул, а мы всі ся звідуеме, што ся ієгомосьць звідують, то он гварит: "На мою душу, так чупчат, што страх!" Мы ся всі засміяли так голосно, аж ієгомосьць к нам вышол.

Тот ієгомосьць уж давно помер. Вічная му память — по смерти человека каждого споминают такы словом, на яке заслужил.

Зле было людям газдувати так, што где загін, то иншого газды. Зачали бесідувати, жебы дуже ліпше было, як бы каждый свои загоны мал в одном місци. Так и зробили. Завели комассацию. По комассации так ся всі взяли до работы охочо, меджы с каміньом прятали, мокры поля и луку осушували, копаючи глубоки ровы, до котрых сыпали камінья с медж, што такы красны поля вырбили до непознанья.

Каждый был рад мати хижу на своем полю, але не каждого было стати на то. Хижи в остатных часах ставляли дуже гарды и выгідны — 2 або 3 покои и кухня, гардый ганок, добра пивниця. Богатшы вкрывали дома бляхом. Сдавалося, же всьо иде к ліпшому. Уж пшеницу зачали сіяти, и она ся місцями дуже гарда родила.

И был бы с нашего краю зробился рай, як бы не пришла друга война. Але тота нищителька людского добра и людского життя пришла в нашы села и розбила наше життя.

В 1939 року пришло польске войско до нашего села окопы робити. Войска было барз мало. Зачали рыти окопы под селом Ганчовом над Устьянском грани-

цом. В Ганчові просили шовтыса о людей до работы. Так оповіли каждую хижу, где одно, где двое мают ийти до работы. Зганяли нас на дорогу, поуставляли по войсковому, и так сме машерували — кто с мотыком або лопатом, а хлопы с пилами и топорами. Один вояк зозаду, другой спереду. Зышли сме к Ковальову, там приказали хлопам стинати вільхы и буку, а мы дівчата и молоды бабы носили сме тоты крякы и робили такы завалы. И по 10 разом тягали сме одну вільху. С тых кряков зробили сме так, нібы пліт, от Ровен аж по Межерічне. То смішна была тота оборона, бо и корова бы через тото перешла, а мы на німця такы плотности робили.

Ище и тото не было готове, а німцы уж ту. Люде, як чули, же идут и стріляють, то брали с хижы што ліпшого на возы и втікали в лісы. Были и такы смілы, што нигде не втікали, навет на дорогу звыходили німцев видіти. Я тыж была при дорогі. Зашла-м до сусіды — Дунячком сме их звали, хижа их была при самой дорогі

войду до середины, смотрю, а моя сусіда стоят коло пеца и горці мыют. На дорогі полно войска — на конях, в автах, на мотоциклях, ниже села так бьют, лупчат, а мою сусіду нич то не интересуе. Они собі мыют гратя. Ту входит их кухарка Мелька, а за ньом німец вошол, штоси бесідуе, але мы не знаме што, то показуе руками, же хоче ведро коня напоити. Люде, котры вышли к дорогі, завели бесіду с якымсн німецьким вояком, што знал по-

словацки. Повідал, же сме барз сухы, тонкы. А они были такы поспасаны, як медведи. Кони их великы и сильны. Смотриме, а ту несут на кони забитого німца. На нас так смотрят люто, тилько же до нас не стріляють. Зараз кричат на того, што с людьми бесідувал. Он побесідувал с ними, а пак повідал людям, же того вояка забил якийсь хлоп с потока, же не польске войско го забил, а цивильный партизан. Так никто не знал, кто в том потоку был. Так повідали, же то якийсь поляк зо Словакии, бо они летіли Польшу боронити. И так про того одного німца хотіли село палити. Люде ся барз перестрашили. Одны втікали в лісы, другы ишли до Высовы німецку команду просити, жебы дарували, бо то не з Ганчовы тот партизан был. И ієгомосьць Титар тыж ходил просити, бо так повідали, же церковь спалят.

И так якоси далося німцев перепросити, што нич не спалили. Но за тот час люде немало смутку пережили. В ночи майже всі жены и діти спали по лісах, а хлопы ходили до села на хижы смотріти. Но в селі было тихо. Кто ночувал дома, то не годен был спати — так было всьо перестрашене. Жена Анна Штекля ночувала в лісі, там ся захолила и захворіла, и потом ся ей в голові сколотило от того страху, так што бідна скочила с лавы до рікы о півночы.

В Высові был постерунок німецкой полиции, а так и в Ганчові. Німцы зразу показували себе дуже добрыми, але помалы ся

змінчили. Найперше намавляли людей ийти до Германии на работу, же там можна добри заробити, же істи дають дост и вшеляко то захваляли. Нашлося пару такых на каждом селі, што ся записали.

В осени перешла вість по всіх сторонах, же уж по войні. Русскы взяли Галичину по Сян, а мы лемкы осталися німцам на потіху. Они ся нами тішили, же буде кто робити для них. Но потом поздном осенью пришла вість, же русскы нас берут на переселение. Пак вшеляко бесідували. Повідали по селах, же на нашы газдовкы придут полякы з России, або же німцы будут робити у нас державны майонткы. И всяке инше плели. Кто бы в тых часах вшиткому вірил, то бы з розуму зышол.

Німцы заборонили бити свиньи и зачали брати для себе. Так люде стали говорити, же ту уж нич ся не обстане, всьо заберут, же найліпше всьо лишати и ийти там, где нас хотят.

И так много зробило. Як чули, же русскы делегаты суть в Новом Санчі, то пошли и нашы люде ся записати. Там им повідали, же найліпше ийти цілыми фамилиями, жебы ся не цло, же там достанеме газдовкы и поля, сколько кто хоче. Записалося дуже фамилий с нашой Ганчовы и сусідных сел. Котры ся позаписували, то зачали рыхтуватися, продавали худобу, зерно и купували черевикы, теплы лахы и друге, што треба на переселение.

Поволи пришол тот час, але як на злость пришла остра зима, и немож было из хижы выйти. А

ту треба було йти в таку далеку і незнану дорогу. Кожен знав, що Росія велика, а ніхто не знав, куди йдемо — близько чи барз далеко. Як прийшло йти, то не по всіх прийшло, котрі ся записали.

Із Ганчови вийшло 12 фамелій, меже ними і я. Правду повісти, я не мала охоти йти, бо я мала 72-рочну маму, котрі були хворі, і 4-рочну дітину, но моя сестра і швагер наставляли, аби сме йшли всі разом. А то лем за то, що швагер думав, що ніхто не достане там, як ми дома на газдовкі зостанемо.

І так ми вийшли всі. Дома зостали в стайні дві корови, компери, зерно і вшитко гратя, два лужка тільки што куплені, одним словом, все, што було, зостало. Лахы забрали сме до міхов і в дорогу. Люде полишали і по пятеро статку, лем дали позаписувати, бо повідали нам, що хто што лишат записанне, то там достане.

До Сяну нас везли німцы. Было нам барз тісно. За Сяном прийшли по нас выгуднійшым потягом, але і так нам было тісно. Не было где спати, бо народа было дуже. Котрі были ближе Сяну, то брали і статок. За границом, як сме пересіли, то зараз нам дали кождому грошы на хліб і колбасу. Так само привезли хліба і колбасы, аби сме мали в дальшу дорогу.

Іхали сме цілий тыждень. Барз дуже снігу было, дороги позамітало, то тяжко было проїхати. Одна машина тягла, а друга пхала зозаду. Пришли сме до Тер-

нопольской области до якогоси села. Стали с нами і кажут виходити. Люде не знали, што ся стало, чого треба виходити: та-ж мы до Росії йшли і ту не хочеме быти. А ту нам повіли, що стара граница замкнута, то аж в маю зможемо поїхати дальше.

Там нас розвезли по селах. Устьяне і Ганчовяне пошли сме на одно село. Людей там уж тыждень не было, то як сме войшли до хиж, вшитко было замерзло. Подлога глиняна — замерзла, пец так само. Ні лужка, ні лавки, лем стіны і пец. Летиме коло хижы за дырвами, але неє ані одного нигде, лем соломы всяди полно. Так палиме соломом. Палиме і палиме, а тепла ніт. Хочеме спати, а ту така люта студія, што немож вытримати. Мама мои от той студени захворіли і за тыждень вмерли.

Пак наші люде ходили по столах і молотили жито і пшеницу, то хліба зараз было дост. І компери (бандурок) было стилько, што кождый мог свинью ховати. Але молока не было, бо худобу, яка зостала по тамтых людях, што ся вынесли, то забрали деси, а решту розобрали місцевы украинскы люде.

Так мы там ніх не нашли, а дома сме свое полишали.

Помалы приходила ярь. Звідуються нас, як хочеме газдувати: чи осібно чи разом? Всі повідають, що на осібну господарку нам не дадут машин і коня кождому не можут дати, бо неє надост. Але наші люде ані не думали осібно газдувати, то згодилися отразу на колгосп. Зараз прийшли

кони, коровы, свиньи, тракторы і вшылякы другы машины.

Головом колгоспу выбрали Семана Пейку из Устья. Робота йшла добри, бо наші люде праповиты, не любят ся линувати, а чужых было мало в нашем колгоспі — пару поляков. Они тыж робили барз добри. Робити не было барз тяжко, то мы робили одны наперед другых, жебы мати дуже трудодней. Але все сме не ходили до работы. Даколи льяло, то можна было дома выпатися. Никто никого не наганял до работы.

Так і літо минуло. Пришла осін. По обмолочинью зерна, кождый брал свое додому, кто сколько выробил трудодней. Где был кто робити, то ціла фамелія мала барз дуже трудодней. Трудодень, то так, як жебы робил 8 годин. А мы мали і по два трудодни на день, або веце — сколько сме зробили. В зерняны работы мали сме і по 4 трудодни.

Скільки нам платили той осени на трудодень, то я не памятам. Я достала 8 метров зерна, в том 6 м. пшеницы, метер жита і метер гречкы, 5 метров компери і грошы. Я мала 333 трудодни. Робила-м от яри, як сніг згіб, до осени, пока знов сніг не впал. В зимі сідила-м дома.

Але нам не было в зимі так добри, як то у нас на Лемковині. Там палят соломом. То дост прикра работа. Як обід варити, то треба двое люди — одно кладе солому в пец, а друге коло горци робит. Хліб тыж печут, што палят соломом. Жебы впечи 6 хлібов, то треба спалити два околоты соло-

мы. Так с тым біда, що там дров неє. На том селі, где я была, то было може 100 смереков. Дальше, яких 8 километров, был ліс. Там было мале місто Микулинці. А село звалось Веселівка. Церкви не было, лем школа, то часом была отправа в той школі. І музику тыж там робили.

Земля там дуже добра — чорна, але і так треба было навозу, як і у нас в горах. Лук было барз мало, лем барз мокры місця лишили на луку, а решта казали все поорати. Як прийшли зерняны работы, то зерно косили косарками. Людей было замало до работы. Ище прийшли долготривалы слоты, зерно мокло, люде ся скажили, що не даме рады с тым зерном.

Приходил там якийсь русский, як мы го звали Совет; он мешкал в Микулянцях, але часто приходил смотріти, як нам иде. Он был дуже добрый человек і барз любил жартовати. Як ся му што не подабало, то малювал на папери, описувал і прибил, жебы вшиткы читали. І сміялися с того, кто зле робит.

Один наш ганчовян мал такую работу, што в ночи вартувал кони, упряж, возы і веце, што было. Отже йому барз было наказано не лігати в ночи до спання. Повідал йому Совет, що як все, то го злодій забьют на спанью і вкрадут кони або што инше. Он хотіл знати, чи тот не спит, так прийшов в ночи ся призрити, як он вартує. Пришел і нашол го спячого. Так зараз го вымалювал і написав, що так вартує.

Раз му повідали за одного хло-

на из Устья, што не ходил до работы, же хворый. Але он не был хворый. Тот Совет пришол го видіти и узнал за здорового. Вымалювал го, як лежит на постели, наоколо него полно мух, и он ся оганят от мух. А пол тым написал:

— Добре на постели лежати, лем не кто мя от мух оганяти, то ми не дают спати.

Як виділ, же не можеме зерно позберати, то прислал 100 вояков на один день. Они барз косили, грабали и возили. И мали свою кухню. Голова колхоза Пейко зараз казал забити дві свиньи для них, жебы их погостити. Но они не хотіли принять гостины, же они пришли робити, а не їсти. И їсти они собі привезли. Повідали, же мы ту перше літо то сами ише не маме.

Я за два місяцы ходила доіти коровы с одним устьянком — Мариом Креничком. Коров на фармі было 19. Я мала 9, а она 10, но она была моднійша от мене, так нераз здоила 12, а я 7. Молоко, што сме здоили, то зараз брали люде, кто скилько хотіл. Коровы нам тот Совет казал барз чисто тримати. Треба их было чесати щитком два раз на день и хвосты мыти мыдлом. Мы не все их чесали и мыли, лем товди сме их вычистили, як сме знали, же он приде. Але и не треба их было все мыти и чесати, бо они были чисты. Соломы мали все выстелено по коліна, и стайня была чиста, выбілена вапном, а середина заметена чисто. То тот товариш Совет нас хвалил. Лем одно ся му не любило, же

мы тонкы. Повідал, же в России дояркы такы, як бочки. Казал нам пити веце молока.

Мали сме и 20 малых телят. Треба было их тыж чистити, давати жерти, пити.

Наш колгосп мал дві фармы коров. Скилько было на другой фармі коров, то не знаем, бо была на другом конці села.

Были дві свинофармы. Пришлося и мні покормити их пару дни, бо не мали такого, жебы долго кормил. Пришла я до той свинофармы, там каждая свинья осібне в своем парку, дагде были по дві, инде зас свинья была с малыми. Нас до работы было двое. Мали сме им зварити два метры компери, до того дати грис и молока, и каждой занести ведром до лайбіи. А як зыли, то треба было тоты корыта умыти водом и березовом митлом и на солнці высушити.

С нима была біда велика, бо як одна вылетіла зо своей загорода, то вшиткы хотіли летіти, так ся дерли, били до дверци. Раз ми втекли мало не вшиткы. Втекла одна, я за ньом, лишила-м двери отворены, то дві вылетіли с пацятами, а потом другы. Двор был отвореный, як не скочат в зерна, то так гнали, што ся виділо, же с ними не даме рады. На другой день ем повіла, же их не приду кормити, хоц бы поздыхали. И не пошла-м.

Наибольший смуток был с тым, же листы не ишли, и немож ся было довідати, як дома живут. До Америки тыж слабо ишли, але ише доходили. Я достала газету "Карпатску Русь", котру ми по-

стал мой сусід из Юнкерс. До мене ся злетіли читати газету. В той газеті был лист от одной мамы из Польшы до сына в Америкі. Мама писала о святах великодных, же планны мали, же паска ярчана не хотіла долов гарлом ийти. До одного ганчовяна — Дошны Грица пришол лист от брата из Ріпок. Писал, же біда. Коня мал, то продал, бо му казалі дерево возити в зимі до Горлиц. Он писал так:

"Коня ем продал, бо мало ми не вмер, и я мало не здох."

Пришла друга ярь. Мы зас ся яли до работы. Роботы было веце, бо и вшиткого веце было — веце статку, веце сіяли, а и коло хат всі мали покус поля под капусту, компери, буракы, кукурузу, фасолю и што инше. И всі уж мали по корові дома, бо в осени давали яливкы и коровы, то уж майже всі мали молоко дома и солонину. Через минувший рок и зиму каждый мог выховати и забити свинью, бо было чым ховати. Грису каждый мал дост и компери.

Але все нам смутно было, бо немож было забыти о своих горах, о своих родных. Аж собі співанку дівчата зложили, котра голосит: "Кобы хоц едным оком там заглянути".

Русскы нас потішали, же приде такой час, што полетиме на аеропланах горы видіти. Але оно не так ся стало. В літі німцы напали на Россию. Уж ся зачали бити, як нашы хлопці пошли до войска. Ганчовянов взяли осьмох, а устьянов не знам скилько.

Як уж пришла война ближе нас,

то ся здавало, же ся земля переверне — так били одны и другы. Через того село, где мы были, то німецкы войска не ишли, лем русскы, то там ся не били. Лем аеропланы ой як ся били, падали и німецкы и русскы. Билися через день деси наоколо нас. Люде полишали роботу в полю, пришли додому. Каждый думал, же треба втікати. Лахы и перины поховали до земли, а сами ждали, што буде дале. На ночь майже всі пошли деси.

От нас тыж втекли, лем я зостала с дітином и псом. И в сусідстві полька зостала, то мы обі сідили, а пес нас вартувал. Пес был барз злый. Я повідам, же як ту буде дакто ишов, то найперше пес скочит до него, а мы будеме втікати.

Час был літний, ночь коротка, зышла прудко, спокойно, не было ся чого бояти.

Война посунулася дале на восток. В селі зараз настал инший порядок. Колгосп ся покавальцувал. Пришли украинцы с другого села рядити нами. Певно ся бояли, же всьо загине. Поділили зерна, компери. Статок забрали німцы. Были уці, по котрых уж мали сме два метры брынды, то ктоси их покрал. Куры, качкы розобрали люде.

И так зачали газдувати осібне. До села приходили січовикы барже каждый день, бо их было барз дуже по других селах. Кого лем стати было гвер занести, то каждый носил, хоц мундуrow не мали. Они часто приходили и до нашей хаты, бо у нас можна было дашто выпити и было с кым

побесідувати, як то коло мого швагра. Раз, як ся кус подпили, то я ся их звідую, коли нас пустят додому. Они гварят, же “не підеме домів — зачым там підете в тоты горы на тото каміня? А до того Краківске воевудство буде мати Польша.”

Але нам ся не росходило о то, кто буде мати Краківске воевудство, мы хотіли як найпрудше их лишити и іхати додому.

Пак было позволено, же кто хоче, то може вернутися додому. Так чым скорше сме молотили, бо треба было не лем на ідло, але и о граты треба было ся обстарати, бо потягы не ишли. Треба было коней и воза, а откаль взяти грошы на то? Люде продавали зерно, компери и так купували дакы конята и возы.

Одного дня мы молотили цілый день машином на керат. Вечером были сме струджены. Швагер казал сынови кони напоити. Он тягал воду зо студни, котра была на подвірью, и напавал. Коло подвірья был плот высокий з дощок. Слухат, ктоси иде за плотом и просто до стодолы. Сын с другой стороны плота пошел тыж и сховался в стодолі. А тот вліз, схилюлся над зерном и смотрит. Певно хотіл знати, ци то жито, ци пшеница. А ту выскочил сын до него, хап за горло и кричит, што ма сил: “Няню, няню!” Мы летиме, а он го тримат. Прилетіл швагер и другой сын, хватили того злодія и провадят до хижы. Был то зо сусідного села. Як встал серед хижы, то был червеный, як бурак: одно зо страху, а друге зо стыду. Он

певно думал, же будут го бити. Но швагер казал му сісти, тай ся го звідуюе, який он и што хоче. Он не повіл, кто он за один, лем же дошки глядат. А там в стодолі не было дошки, лем пшеница. то ся му не дало скрутити. Швагер му повіл: “Иди собі домів и веце ту не приход, бо другим разом, як тя злаплю, то дам німцам, а німцы то не русскы, што никого не били, німцы барз бьют”.

Так го пустили. Другым разом пришли двое поздно в ночи и хотіли свинью красти, то зас пес им не дал. Як зачал брехати, бити до двери, то ся всі збудили и одогнали злодійню.

А в зерняны роботы там крадут с поля цілыми возами зерно. Выйде на поле, же по свое, а он накладе чужого, тай ся потом сварят и бьют.

Одного разу німцы в сусідном селі казали си вести солому. Было оповіджено, кто ма ийти. На дворі было по дойджу. Возы великы — застряли в болоті, што ани руш дальше. Фурмане бьют кони, пхают — нич не помагат. Як німцы то виділи, то пришли “помочи”: взяли бичы от фурманов и так збили бичами тых фурманов, што вшиткы пошли до шпыталя. За то и украинцы перестали скоро тішитися тым, што мают німецку власть.

Мы хотіли додому зайти, пока снігу ніт. Котры мали ийти, то купили по пару кони и возы.

Выбрали сме ся в дорогу поздном осенью. Снігу ище не было, але то уж было в Різвяном пості. Дали нам якысь паперы,

жебы нас перепустили спокойно, и в дорогі помагали. Мы доставали и місце ночувати.

Так мы выїхали из Тернопольщины назад в свои горы. Возы поробили барз великы и долги, набрали зерна, скільки ся могло помістити. Возы были понакрываны шатрами подобно, як оласкы цигане їздят. Под шатра ище напхали сме перин и дітей, а сами коло возов идеме.

Пришли сме на друге село, а там таке болото на дорогі, што ся виділо, же не перейдеме. И так ся стало одному газдови: так воз застряг в болото, што 4 кони не вытягли. И он зостал там, а мы, 5 возов, поїхали дальше, бо не было уж ниякой рады його вытягнути.

Першу ночь сме ишли цілу ночь, так по пару ночи мы мали ночлеги. Пока мы ишли через Украину, то нас ночували и їсти на вечерю давали. Але як уж сме пришли ближе Горлиц, то не было такого, жебы нас переночувал. Треба было ийти цілу ночь. Мы были в дорогі 10 дней, ноги так боліли, што аж попухли, бо были такы вітры, што піском так гнало по дорогах, як снігом. На силу мы ишли. Як свитало, мы пришли до Горлиц, и ишли сме дальше, жебы як найпрудше додому зайти. В Лосью сме отпочали у одного газды, там нас погостили и дітям дали молока. Загріли сме ся, тай зас дале идеме.

Пришли сме до своего села. Ту сме ся поросходили каждый к своей хижі. Придеме на подворье, а ту люде ся так сходят, штобы нас видіти и поговорити.

В нашей хижі мешкал один гадла, такой сусід, Михаил Онуцак, бо поле мал коло нашей хижы. Они барз нерады были с нашего повороту.

Люде ся витают, и каждый ся звідуюе, ци нам добри было. Мы отповідаме, же добри.

— Та чого сте пришли, кедь вам добри было?

Хоц мы на ничийе не пришли, лем каждый до своей хижы, но мы им пришли на заваду. Нашлися и такы, што пошли на постерунок німцам на нас скаргити, жебы нас забрали.

Были сме дома один день и дві ночи, а на другой день приходит шовтыс Гнат Гарагуз зо січовиками. Всіх нас посписували и до Устья на полицию запровадили, лем маленькы діти дома оставили. Пришли сме на полицию. Там полно січовиков. Зас там штоси пописали и кажут на возы сідати, же поїдеме до Горлиц.

Пришли сме до Горлиц — и просто с нами до арешту. Там уж было немало людей, уж и лечи не было де. Посідали сме на подлогу. Кто мал дакий кавалец хліба, то іл. И так сме змучены дорогом поснули, кто люг, а кто на сідячи. Рано дали сніданья — скибочку хліба и кавы. На полудне принесли в тафли, як коровам, капуста с листья разом с комперями, и машена была, не знам, ци конскими ци воловыми жилами.

И так нам давали все за пару дни. Пак нас завідомили, же поїдеме гет. Кликали нас перед яких-си німецкых панов. Перше кликали старших, а мы молоды заста-

ли. Каждого ся вывідували з осіб-на. Так пустили додому старых, и котры мали діти. Як их пустили, то пришли под арешт и кричали на нас: “Останьте здоровы, бо мы идеме додому, а вас заберут на роботу до Німец”.

Як мы то почули, то мы так заплакали в голос. А одна дівчина, Анна Корін, шмарила собом на подлогу, и виділося, же ся добье, так собом била.

Пак кличут нас. Мы кажде просимеся додому, але здавалося, же не пустят никого. Нарешті пустили нас дві: Анну Коваль и мене. Она ся выпросила, же ма няня старого, а я зас мала 5-рочну дітину, и я не чую.

Як сме вышли з арешту, то сме собі руки стисли от радости. Уж ся вечеріло, то идеме через Горлиці и позераме, ци бы даякого воза ище не найти з Ганчовы. Але уж никого не было. Так идеме пішком, де ліпше, то летиме, бо был уж сніг.

И так ледво сме долізли до Лосья. В Лоси ище ся світило в одной хижі, то сме зашли и просиме, жебы нас переночували. Але надармо. Як чули, якы сме, и же идеме з арешту, то нас не переночували.

Идеме, идеме цілу ночь. Як сме пришли под Ковалів, уж на ганчивске, то я уж нияк не могла ийти. Сіли сме меже крякы при дорогі, Анна мала кус хліба, зыли сме и легли спати на сніг. Як сме ся збудили, то был день.

Як пришла ем додому, то мое дівча не знало, што от радости робити, так ся втішило. Звідую-ся, ци ся му істи не хотіло, а она

повідат, же ся барз хотіло, а тот газдыня, што у нас мешкала, ей дала сурового карпеля с чесноком, як просило істи, то пак лем до сусіды ходила и там ей давали істи, хоц дома мала и мое.

Сестра тыж мала дівча, то они обі были дома. А решта пятеро нас было в арешті, то трое пустили, а двох сестриних сынов взяли на роботу. И от Василя Кореня взяли двое — Василя и тоту Анну, што в арешті так плакала. От Михала Вансача взяли двое, от Юрка Креничина — пятеро, от Цапа Андрея — двое. Забрали Теодора Креничина, а жена с двома малыми дітьми вернулася додому.

И веце взяли. По войні всі повертали из Германии. Из тых, што с нами были в России, всі назад пошли до России.

Як зачали з Німец писати, то найперше писали о лахы, жебы им послати, бо не мают в чом ходити. Декотры писали о ідло: “Пришлийте дашто істи, бо ся хочс”. Не всі еднако писали, бо не всі еднако трафили. Декотры мали істи дост. Моя сестра писала до сына, ци ма што істи, то отписал: “Гев ест морковь, то покус грызу, як ся барз хоче істи. Але робити мі тяжко, бо николи не дадут сісти. Мой газда барз злий, все ся злостит, кричит, то я мушу втікати отсаль”. Але втікати не было як, то он там был, поки война не пришла ближе к нему. Так го взяли окопы копати, и оттамале втюк, але не далеко зараз го поймали и забрали до Освенцима. Там пересиділ, поки русскы не пришли и

го выпустили. Дали му якеси убранье, и пришол додому. Як пришол, то го никто не познал — так высох и змарніл.

Нам дома за тот час тыж ся істи хотіло. Як пришла першарь, то сме не мали ани компери до садженья. Я пошла служити до Митра Косаря. Им вмерла жена, а zostало четверо дітей. Там перебула-м піврока. Заслужила-м на чистый кабат и кerpці за ціле півроку.

За тот час все брали на роботу до Німец. Приходили несподіванно. Кого схватили, того брали. Люде мали ся на осто-рожно-сти. Лем почули, же німцы пришли до села, то всьо молоде втікало, де кто мог.

Келечаві зо Ставишы зымали сына и казали му ийти на роботу до Німеччины, а он повіл, же не піде. Повідали му, же го забьют, як не піде, и тримали го дост долго в Устью в арешті, и все ся го звідували, ци піде на роботу. Он все свое повтарял, же не піде, то го выпроводили серед села в Устью и там го забили, жебы вшиткых до страху нагнати. Але никого так не нагнали до страху, як до ненависти. Люде што раз барже их ненавиділи.

Жидов и циганов вынищили. Повідали, же побьют бідных, што не мают с чого жити, и старых, бо стары не можут робити. Я не знам, ци напавду так думали зроби-ти. Но кто-ж виділ, жебы так людей нищити?

Жи-ды и цигане, котры потрафили втечи, поховалися по лісах и ждали русских, як каня дойджу.

В селі были штыри дзвоны на штыхрах концах села. Вытягли на стоп плуг або яке желізо и так били по том желізі другим желізом на алярм, як даякий бідачиско дагде з ліса вышел до гороху. Тогди треба было летіти к тым дзвонам, а там повіли, де мают летіти имати того лісового гостя. Раз пішли когоси ловити хлопы и січовикы, бо напавду сидил ктоси в горосі. То было в неділю на саме полудне, як всі были дома. Было барз горячо. Хлопы вышли под Плазины до тых компери, але никого не виділи, то сой сіли помученны за меджу до тіни, позакурювали, а січовикы за тот час ходили по гущах, глядали, тай тыж ся зму-чили и вертали домів без ничего. Як натрафили на тых за меджом и виділи, што они никади не ходили, никого не глядали, то хотіли их стріляти.

Фронт ся сближал, німці все ся цофали. Люде ся тішили, же уж буде по войні, бо каждому война далася добре вознакы. Все на каждого страх летіл. Один боялся, же го зымают и на роботу зашлют Другий зас зарізав куру або теля, то в страху был, же дакто виділ, што іст мясо, и даст знати січовикам, бо не вільно было мясо істи. Як кура здохла, то треба было отнести и им показати, же здохла. Вшитка худоба была списана и покульчикувана, то брали, сколько ся им подавало. А платили барз планно — даякы деревяны черевикы дали або пару метров полотна.

Раз за Магуром провадили из одного села худобу до Горлиц.

Один газда išол сам и провадил яливку. Пришли к нему на Магурі партизаны и просят, жебы им продал, же они му дадут два разы стилько, што німці дають. Газда просился, же буде караний, або го забють, бо не будут вірити, же му партизаны взяли. Так они отрізали яливці ухо с кульчиком, заплатили му добри и казали му иди с тым ухом до Горлиц и повісти, же яливку партизаны му одобрили и добри заплатили, най и німці ліпше платят. Тот газда так зробил, и не был караний. Іншым разом одобрили партизаны масло и яйця, што везли люде из молочарни до Горлиц.

Раз пришли партизаны до села Ріпок за дуганом. Хотіли купити, але никто не мал, то казали на другу ніч зрыхтувати, же придут. Ктоси дал знати німцам. Так на другу ніч німці пришли автом. Приїхали аж над раном до Ганчовы, авто сховали за шпыхліром до колешні, а сами пішли напіше до Ріпок, лем одного зоставили при авті. Як свитало, то и тот солдат пішов зазрити, што ся діе в стороні от Ріпок. Вышол на теметів, але ся боял, то взял загрюб гвер до земли и так роззерал, ци не идут тамты з Ріпок, або ци не идут партизаны. А тамты, што мали иди до Ріпок, вышли под ліс, як там зовут — на Млакы, и там сідили до білого дня. Не пішли до ліса ани до Ріпок. Я сиділа при вигляді и смотріла на тоту роботу, бо такий уж звычай мала-м — скілько раз в ночи ем ся збудила, то все-м ходила до вигляду зазрити,

што ся діе. Часто прядла ем при місячном світлі, бо прясти треба было дуже, а не было чым світити. Вшитко, от ног до головы, носили сме зо свого полотна, ильняного и пачисного. Фарбили сме сами, на який кольор кто хотіл, або гарно білили, пак вышивали и красно сме ся уберали. Не носили онучы, лем пончохы з лєну в літі, а з вовны в зимі. Не носили гунькы, лем сведры з вовны або тыж з лєну. На голові в зимі носили ильняны хусткы. Зафарбили, поробили торокы, и то была добра хустка. При том было дуже роботы. Вшиткы прями и плели.

Біда, то добрый учитель, она вшиткого научит. Мыдло робили сме свое, то сме мали чым прати. Хлопы садили дуган и мали што курити. Палюнку часто палили и попивали, бо добра была тота комперянка — люде научилися добру робити. Выправляли скору на черевикы, як ся дакому удало зарізали козу або теля. Козы не были позаписуваны німцями, то можна было их різати. На черевиках носили споды деревяны або гумовы. Так загибла мода на керпці.

Як уж німці мали нас лишати, то забєрали худобу, лем полишали де по одной, де по дві. Фронт стоял долго за Вышевадком и Росстайнами. Як німці виділи, же и оттуда треба буде втікати, то зрыхтували иншы окопы в Карпатах. Зачали робити окопы в Снітниці, в Избах, в Ріпках. И в Ганчові пришли до шовтыса за людями. Спыталися, скілько людей єсть в селі и скілько можут взя-

ти до роботы. Шовтыс повіл по правді. Так зараз казали оповісти, же з каждой хижы треба выслати одно або двое людей до роботы. Назганяли купу людей. Хоц каждый ся просил, же ма дуже роботы дома, но то нич не помогло. Пішла и я с ними такою в первый день. Припровадили нас до Снітниці, там нас позаписували, дали лопаты и кромпачы и выпровадили на поля, де робили окопы. Там уж было много народа.

Так робиме первый день. На вечер зас нас провадят по войсковому парами. Перечитали всіх по имени. Кто хотіл, мог достати хліба и горькой кавы. Зачали нас до бараку наганяти на ніч. Люде просят, плачут, бо не хотіли иди до бараку. Люде не знали, чого нас там наганяют, аж приšол один, што бесідувал польски, то он людей успокоил. Он сказал, што мы все будеме в бараках спати. А люде ся бояли, же там газу напустят, або нас стріляти будут.

Я там спала лем одну ніч. Стояла варта, и двєри замкли. Другого дня приšол ксьондз и шовтыс з Ганчовы. Они певно німєцку власть просили, жебы нас не наганяли до бараку, бо на другу ніч уж нам казали піти спати, де хочеме. Може иди и додому, але рано має быти ту на роботі. Недалеко было пару газдов, то мы там пішли спати. Як сме вышли на під, то сме цілый залєгли. И там сме все ходили. Але скоро блыхы так ся завєли, што уж не дали спати, бо не дост

што кусали, але влазили до ух и носа.

Раз над раном, як зачало свитати, я втекла додому и вєще не дала ем ся там запровадити. Ище мя зымали пару раз. Раз пришли несподіванно и наїмали на штыри возы. Кого зловили, то приводили к тым возам. Там нас вартували. Наоколо были німці и січовики. Я прошу січовика, жебы мя пустили, и докучую му. Он повідат, же не може, бо го будут карати. Але говорю, же мушу иди на сторону — “до устємпу”, и там ем просиділа, доки зо села не пішли. А тых людей повезли до Высовы, там вєще наїмали и так всіх разом провадили до Гуты. В Гуті зас имали и повели до Ріпок. Але заклїя пришли до Ріпок, то уж мало людей мали — вшитко повтікало в Гуті по кряках. А як пришли до Снітниці, то не мали, лем пару хлопков. Меже ними был Ваньо Гончарик и Гриц Дурняк, то ся их звідували, де єсть вєще людей. Они два ишли напереді, то не виділи, де люде втікали. Так их обох хотіли там стріляти за то, же тамты втекли.

Як сме копали тоты окопы, то все кричали, жебы робити. Але мы помалы робили. Выкопали сме такы глубоки ровы, што найвасший хлоп настоячи ся скрыл; по боках обивали дошками, або з деревец робили такы стіны; зверху зас дошки, а на дошки прибивали папу, потом сыпали пісок и землю, а наверху дерни, што не было знати, же там окопы. На споді в окопах была подлога, а под окопами два плоты з дроту.

Такы мощны окопы брали. А люде повідали, же тоты окопы будут людом на сра... И правду повіли.

Раз в ночи збудилам ся тай ле-чу до вигляду зазрити. Кус ем посиділа. Місяц через хмари світил. Смотрю на гірку от Ріпок — якысы возы ідут. А там вижу, иде вояк за вояком через поля понад село, один от другого, як бы вимірял, даяких 50 кроков. Пішли понад ціле село. Я зганям сестру, же штоси недоброго в селі. Она пришла к вигляду и повідат, же то певно партизаны в селі, тай пішла назад спати. Я зас ей зганям, же то не партизаны, бо за дорогом понад саму химу три німці пішли догоры. А ту зас січовики ідут згоры за дорогом. Стали коло нас. Один иде до двора. Я зас повідам сестрі, же иде к нам. Пришол, гримат до двери. Але мы не идеме пуцати, то гримат до вигляду. Я за тот час прудко ся обула, шарила-м якысы лахы на себе, але де ту втікати? На дворі такий мороз, аж выгляд мерзне.

Пустили сме го. Вошол до хижы, стал коло двери, а я за тот час такой обула под перину втекла, жебы мя не виділ. Але он был добрый человек — повідат, же пришли имати людей, то и нас дакотре возмут. Казал ся зберати. Швагер ся справлят, же от нас нее кто ийти, бо он сам инвалид, ногы го болят, жена хвора, а два сынове в Німеччині на роботі. Я зас удаю хвору, кашлю так, што силы мам. Сестра запалила, зварила молока и яец, бо он нас не брал прудко, а чекал на нім-

ця. Повідал, же он бы нас не взял, але мусит, бо такий росказ. Сестра дала на стіл и просит, жебы сіл и поснідал. Он гварит, же му не вільно ани сісти ани істи. Ту прилетіл німец на кони под выгляд и кричит, жебы нас брал. Січовик вышол и просил го, же от нас нее кого брати. Але німец был страшно злий, казал нас вшиткых забрати. Мы зо сестром хватили кожухы, бо уж сме были обуты, тай идеме. Дома zostало лем двое дівчат — одна 7-рочна, друга 6-рочна. Лямпа ся світила и в шпаргеті горіло, якбы до него дул.

Вышли сме на дорогу. Идеме наперед, а німец на кони за нами. Так близко за мнов ишол, аж мі кін до ногы втял.

У нашої сусіды были люде з Вышевадки, што были выгнаны перед фронтом, то они ходили до нас на воду. Як раз пришла жена на воду и такой с ньом втікала наперед нас до той сусіды, де мешкала. Німец виділ, же молодца, то полетіл за ньом, а січовикови казал ийти до другой хижы дати знати другому січовикови, абы брал людей. Мы трое ишли за дорогом, бо так нам німец росказал. Ниже на дорогі были січовики с возами, то нам росказал ийти к ним. Я ишла наперед. Як ся огляну, же німец оттамаль не выходит, а січовики не мали гверы, лем бичы, то-м дала ногам знати. Скочила-м до сін, як сме звали до Кубы, перелетіла-м на другы двери и дале до другой хижы. Не знала-м, де втікати, бо всяди было полно німци и січовиков. Сестра, як виділа, же

я втічу, то и она за мнов. А тот з Вышевадки потрафила влетіти с водом до хижы и скричала: "Втічте!" Там ише не знали, же имають. Там было четверо молодых людей, то они вшиткы потрафили втечи на під. Німец чул, же там повтікали, але там не пішол, лем за ними стрілял. А тот січовик ся цофнул до нас, повіл дітям, жебы ся не бояли, бо мы придеме назад, и позаперал двери. Я была там в другой хижі, де ем втекла. Вошла-м до хижы, а скоро за мнов входит січовик. Я легла за столом под лавку, то мя не видно было. Як он пішол, то я вышла до боиска, там был сусік з грубого дерева, а в сусіку кус отавы, то я влізла до того сусіка, обложила ся отавом, жебы не замерзнути, и так сиджу, ани ся не рушам.

Сестра тыж ся сховала деси. Швагра взяли до церкви, бо там вшиткых зганяли, кого поимали.

Так имали цілый день. Я от часу до часу ходила зазрити через шнары в стіні, ци ише суть в селі. Студінь мні была барз там в боиску. Аж перед вечером смотрю, а они ідут и везут людей. Але не дуже мали. Мого швагра пустили. И січовик зас пришол зазрити до нашої хижы, ци сме дакто пришли. Як виділ швагра, то ся звідувал, ци го пустили, ци втюк. Швагер повіл, же го пустили. Січовик звідуєся, де мы дві, же он был в церкви, смотріл за нами, але нас там не было.

Як ем вышла из того сусіка и вошла до хижы до того газды, то ся мя звідують, де я сиділа, же тот німец прилетіл там и всяди

за мнов глядал — под перином, на пецу, по коморах. Лем на мое счастье до боиска не пішол.

Пак уж и постеруныкы втікали — німці и всі, што с німцами тримали. Як втікали, то хотіли вшитко зо собом забрати, не лем кони и худобу, але и такы річы, як горнята до кавы, тафли, пилкы, сокиры. Одним словом, што нашли, то брали. Кони, што были в окопах, то не вернули, а все забрали. По дорогі тыж брали де коня, де корову. Нам вшиткы куры забрали и зерно.

С ними втікали и русскы воякы — такы, што сами к німцам повтікали. Ой якы они были смутны! Теперь порозуміли, же зле зробили. Моя сусіда гварила одному, жебы zostал, же она го сховат, поки німці перейдут. Он бы барз радо остался, але ся боял своих. Повідал, же русскы му того не даруют, то мусит ийти дале в чужину.

В Ганчові были через ніч. Виділа-м, як іли, пили, а тот русский сиділ на боці и смотріл на них. Не дали му нич, лем сестра дала му істи. Німці мали по два коцы и заголовкы, але тому нич не дали ся вскрыти. Каждый німец мал куферок на хліб и ружны річы: щітка до убранья, друга до черевик, до зубов. И так были обладуваны такыми річами. Мали ручники, мыделка. Мали и дівкы, але дівкы были якысы полькы.

Рано деси с Бескида русскы стрілили пару раз, але им не доносило. То лем до страху их нагналі. Горі гірком не могли вытягнути возы, бо барз были об-

ладувани. Ще як на злість така зима на них пришла, так дуло, аж сніг зо землем несло, то они лишали коло дороги што-буть. Лишили танк под гірком. Близко хиж лишали авта. Як остатні ишли, то подпалили танк. На танку было дуже бензины, куль, коцов, обуви, то як ся того розгоріло, то так кулі били, як на фронті.

Ишли два дни и дві ночы: виділося, же ся не перейдут. Русскы за ними не ишли, бо чого им было идти за ними через горы. Они пішли ліпшими дорогами. Але не так легко было и русским идти за ними, бо вшиткы мосты и мосткы німці нищили за собом.

Як уж німці ся перешли, то люде смотріли, ци русскы не идут. Каждый был рад видіти русске войско. Але не пришли. Аж о пару дни пришли на постерункы. Неодолго пришло по молодых хлопцы, жебы ишли до войска. Так они пішли, а поедны навсе пішли, бо уж ся не вернули.

Война ся скінчила. Люде ся радували, же уж ся втишили громы, же будеме спокойно спати, бо німці уж не придут имати. Але и ту был смуток: де нас теперь дадут. Под Польшу не хотіли належати. Деси пішла бесіда, же ціла Лемковина буде до Словакии належати. Люде гварят, же то бы добри было разом с тамтейшими лемками по другой стороні Карпат.

Часто наши люде звідувалися русских, ци буде Польша. Они отповідали, же буде. "Мы ей не пришли зысти, то ей не зыме," говорили они.

Як уж русскы мали отходити с постерунку, то повідали людям:

— Подьте с нами — наша страна широка, стане місця для всіх вас.

Пак пришли делегаты, то записували, кто хоче идти на переселение. Полякы робили великы пльоткы, все повідали, же то мушено нам идти. Русскы зас повідали, же не мушено, же они никого насилу не возмут, и кто хоче ту быти, то може быти. Полякы стояли при своем, же мушено вшиткым идти на переселение до России, а кто не піде сам зо своей охоты, то на остатку выженут и нич не дадут взяти зо собом, ниякы річы ани пакункы.

Так люде ся позаписували и пішли. Мало зостало. Были такы села, што цілком остались пустыми. Другы зас рыхтувалися идти по зерняных роботах, то зерно обмолотили и забрали. Ище нас зостало, як то мы гварили — на насінья, и уж никто не думал идти. Каждый робил, як міг, жебы веце заорати, засіяти, жебы улучшить свое житья. И правительство казало дуже орати и сіяти.

Деси ишли бесіда, же всі з России повертают, то гварят: "Треба садити, сіяти дуже, жебы и для них было".

По лісах появилась якаси згряя. Никто не знал, кто то есть. С початку повідали, же то полякы банду робят, пак зас, же то суть польскы и украинскы партизаны, але же ходят осібно. Я не можу написати, якы то были, бо не знам. По убранью го не познашь, ани по бесіді. Знам, же с доброй волі не ходили, лем крылися. В

лісі істи ся хоче, то мушены были ночами идти до села за да-яким ідлом. Найліпше свинья смакуе як каждому, так и им, то не чудно, же никому козу не взяли, лем брали свиньи.

Раз польскы воякы ишли до Ріпок. Под Ріпками из пустой хижы вылетіли двое и втікали до ліса. Воякы стріляли за нима, то один стал, бо мал при собі дуже гранатов, и не міг втікати, а другой втікал, то го забили. Так того забитого везли, а другого припровадили до Высовы. На постернуку ся признал, же есть поляком из Телича, коло Криниці.

И так тоты полякы, што жили с нами в горах, сами вымышляли, што могли, а правительству шули на нас.

Раз я несла стіл из пустой хижы домів до себе, бо у нас не было стола — сестра взяла до России, а из-за хижы вылетіл молодой 15-рочный полячок и гварит мі, жебы-м нич не брала и не зносила, бо мы всі підеме гет. Я му гварю, же я не піду. Он повідат, же нас выженут. Я му зас повідам: "Кто мя выжене? Ты мя выженешь? Може ты перше підеш, бо и так ничего ту не мате." Он повідат: "Мы ся будеме старати о то, што вас выженут."

И так што раз веце бесіды ишло помеже людей, же нас выженут, але никто не знал, чого и зашто. Нарешті казали ся пакувати, жебы быти готовым. И уж зачали выганяти. Найперше повіли, же лем богатых выженут, бо бандитов ховают. А як пришли выганяти, то уж не смотріли, кто

богатый, а кто бідный, лем казали всім ся зберати.

Пришло дуже войска, обступили село наоколо. Певно думали, же будеме до ліса втікати. Але никто нигде не втікал. Я ище дві ночы дома ночувала, як люде уж вышли. Все была варта войскова в селі. Вечером виділи, же у нас ся світит, то вошли дохиж. На столі был плястер меду. Идут просто до него и повідают по-польски: "Тоты гады-русины наши пчолы псуют".

Я ся не збрала в дорогу, лем сиділа до остатку дома и ждала, ци мя лишат, ци выженут. Але не лишили. Из хижы я сама не пішла, то два воякы взяли мя за руки и выпровадили на авто.

Приіхали сме до Лоси, бо там нас зганяли. Там была велика загорода на нас. Обгородили колючим дротом и там мали нас наганяти. Але мы им не втікали. Як сме стояли в Лоси, то так льяло без міры. Всі сме змерзли, мокры лахы сушиме при огнях, а ту все ліе и ліе.

В Горлицах туж сме стояли через ніч, то так само льяло, обуви перемокло. Босо ходити было студено, то сме обуты ходили по болоті. И были сме уж всі страшно помучены тым ходом и бессонными ночами. Ту в Горлицах списували, кто што дома лишил, и што бере зо собом.

Пришло на потяг сідати, и зас кажут сідати, кто с кым хоче разом быти. Я сіла до первого потягу. Там были 22 фамелии з Ганчовы, пару фамелий з Брунар и такы самотны, што поприходили кто с войны, кто из Німеччи-

ны, так мы теперь ближе одні других в одном воевудстві — Зеленогурском. А решта ганчовян, што сіли до другого потягу, то суть во Вроцлавском воевудстві. Они суть близко одны от других на трьох селах.

Дорогу мали сме не злу. Мали сме што їсти, бо было свое, и правительство нам покус давало. Лем спати не было де. Воякы, котры провадили нас, обходилися с нами добри.

А як нас привезли в Западну Польшу, то нас порозмітували дост далеко одных от других — кого на майонток, а кого до розваленных німецкых господарств.

Первого року, як сме ту пришли, то сме ходили робити по богатых газдах, што забрали добры господарства, и так сме зарбляли на їдло.

Мене забрал тыж богатый газда. Я не мала охоты ийти до него, але люде мя нараили. Так я там была сама зо своим дівчатом 12-рочным и один з Гладышова, што пришол сам без родины. Были сме там три місяці. Я от первого дня познала, што не буде добри.

Як нас привюз на свое обыстя, то його жена дала нам їсти обаряных компери с молоком, а газда гварит, жебы сме ся выпсали и отпочили с дороги, тай вышол деси. Да о 20 минут приходит и кричит, жебы сме ишли сіно грабати. Так идеме грабати. Граблеме, жебы зграбати як найпрудше, то може пустит выпсатися, як пограблеме. Але де там! Не дал отпочити, лем розказувал нову роботу. О 11 годині

в ночи давала газдыня вечерю, але сме не пішли їсти, лем спати. Рано нас зогнал, чым день.

И так мы все робили, ани не было коли ся наїсти. Ище и не-мож было їсти тоты присмакы, якы тота богата газдыня варила. На сніданья варила поливку из петльованой муки, але на чистой воді, не дала молока ани масла, и так треба было їсти с хлібом. На обід давала даяку зупу, а все таку насолену, што аж по грудях пекло. Раз в зерняны роботы здохла ей кура. То было в четверг. Пані внесла ей до кухни, а я очами воджу то на паню, то на куру, и ходжу по кухни и мыю граты. А ту што раз то барже штоси мі лазит по босых ногах, аж ем ся здогадала, же то с куры ушы лізут мі на ноги. Пані куру спорядила и сховала до шафы, жебы было мясо на неділю. В пятницу смерділо в шафі, в субботу смерділо уж в цілой кухне. Пан ся сварил, хотіл шмарити куру псам, але пані не позволила. Та пришла неділя, было што варити. Пришло обідати, пан сіл до стола, а мы ани не сідаме. Пан кличе до обіду, а я му дякую и повідам, же я не навчена мясо їсти, а здохлину ище-м николи не їла, ани не хочу їсти. Он зачал їсти. Тилько што взял на язык, як не встане, не зачне ся сварити с паньом, своей женом. Яке лем проклятье знал, то ей так клял.

И такой был обід в неділю. В субботу правила-м масло на машині, справила-м може веце як 5 киля, але тото масло на продай, не для нас было. Нам николи масла не давала, лем зупу,

гирьку каву, а до хліба мюд такий из цукровых бураков.

Я все докучала панови (бо он был кус ліпший — можна было с ним бесідувати), же мы дале не будеме робити о пісном хлібі и гирькой каві. Он мі гварит, же у него есть дост їдла — берьте сами и їchte, што хочете. Пані як тото чула, зачала вшитко значити. Але я все масло правила, то найперше ем собі наклала до горняте масла або сметаны. Хліба могли сме взяти. И так сме на том жили, хоц мало сме при столі їли.

Робити было нам барз тяжко. Выйдеме на поле робити, солнце пече, а кряка нее, жебы сісти до тіни. Воды нигде нсе на поли, треба з дому нести, а вода така брыд. Мы о тыждень всі трое захворіли на горло. Мене так барз боліло, што-м ани сурове яйце не могла гывтнути. Барз мі слина высохла и прото не могла-м нич гывтнути.

Отвюз мя пан до шпыталя, бо мусіл, так як мя осліпило от того болю и голоду. В шпыталі принесли мі газету, ци виджу, але ем не виділа ани грубы буквы. Повідам докторови, же мя очы не болят, а не виджу. Он посмотріл и гварит, же мі треба окуляры. Мене то барз назлостило, бо я знала, же окуляры мі нич не помогут. Полежала-м пару дни и прошу дашто масне їсти, а они мі все пісне приносят. О два тыждни повідам, же уж мі ліпше, же хочу ийти гет зо шпыталя. Але мі не было ліпше. Пришло по мене мое дівча, то мя выпсали зо шпыталя. Иду насилу. Барз

была-м слаба. Мала ем якысы грошикы ище з дому, тай повідам, же підеме до склепу дашто на слину купити, бо язык был сухой, як долонь. Купили сме вышньового соку и квасных цукерков, тай идеме до пана. Было то за містом 2 километры. Тот пан мал выше 30 кур, неслися лебудь, то я все пила яйця с цукром, и от того внет прозріла, што не треба мі было окуляры носити, як доктор повідал, и слина приходила.

Пришла осін. Я повідам, же нам треба ийти гет, закля зимы нее, бо ту не вытримае в зимі. Так прошу пана, жебы нас отвюз до міста и вымельдувал, бо он был шовтысом. Он не хотіл ся на то згодити, але пак мусіл.

Раз в неділю зашла ем до міста до ганчовяна Михала Вандзняка. Он по профессии шевц, то нашол собі помешканье в місті. С ним была одна дівка из Кунковы, Мария Цеклиняк. То ище моя родина, хоц барз далека. Пришла-м до них, то они бесідували по-польски и не радо мя приняли, хоц удавали панов. Не могла-м с ними нич бесідувати в комнаті, де мешкали, бо там были полякы, то кликала-м ей надвір. На дворі ем вшитко ей оповіла, яка нам біда, бо лем про ню сме там пішли. Пан хотіл ей взяти, а она хотіла себе освободити, то выпхала нас. Я просила ей о даяку пораді, де бы сме могли піти. Она нич не отповідала на мою бесіду, аж як раз не скричит на цілый голос: “Може сьце цо панові скрадлі, цо хцецье пана зоставіць. Добже цо вам дає есьць,

то робіть". Моя дівчина, як то почула, то не дала ей вєще говорити, лем взяла мя гет.

Не можу вам описати, як тяжко мі было на сердци, як мя втяли тоты слова. Мы пану нич не вкрали, лем нам у пана згибли 4 куры, коза и дуже дрібных річей. А до того он нам барз мало платил: як мы повідали, же то не на лахы, лем на гузики.

Мы постановили ийти, але уж не ко своим людям, лем де найдеме помешканье, то там будеме сидити. И так сме зробили. Пан мусіл нас отвезти, откаль нас взял из міста, и такой на тото подвір'я. Там было полно пустых мешкань. Привюз нас там, входиме на подвір'я, а тота Мария Цеклиняк вылетіла надвір, як виділа, же мы идеме, тай кричит на цілый голос, же "нє вольно тутай входзіць". Я ей гварю, же ся ей никто не звідує, ци вольно, бо до ней не идеме, жебы не была в страху.

Посідили сме пару дни в одном пустом помешканью, а за тот час глядали помешканья по селах. Але тамничого сме не нашли и зостали сме ту уж четвертый рок. Я достала роботу в фабриці шток, и так позостаю при той роботі. Зарабляю середньо: не найменьше и не найвєще, бо мое здоровье планне, то не даст мі дуже заробити.

Ту климат барз тяжкий, нашы люде хворіють на сердця, а в осени и в зимі ріжны хвороты приходят. Зимы ту мокры, мало снігу, лем все ліє. Домы ту муруваны як в місті, так и на селі. На села к своим людям мало ходиме.

Сєго року в маю были сме во Вроцлавском воевудстві. Там кус ліпший климат. Там дуже лісов сосновых и лиственных. Люде як ту, так и там мають в надії, же домів повертаме, хоп ту лекше газдам робити. Істи єсть дост, але никого нич ту не тішит.

Во Вроцлавском воевудстві мы были на весілю у Ивана Ковальчика. Отдавали дівку, то просили вшитких ганчовянов, яки суть в Польші, и всі ишли радо не про то, жебы істи весільный хліб, лем про то, бо хотіли одны других видіти. Декотры ся ту ище не виділи, а уж четверте літо минуло, як сме ту. Мы ся там так сердечно витали, як и вы в Америкі, як ся на Русаля посходите. Але пак тяжко ся было розыйти.

На весілю співали по своему. А істи и пити было аж задуже и такы присмакы, яких дома и ксьєндзу не могли дати.

Мы обышли всяди по всіх ганчовянах. Всяди ся скажили, же им ту нездорово. Села ту барз малы, котре найменьше, то 15 хиж. Суть ту ище німці. Я часто позераю на них, який то народ. Они росли, але найвєще меже ними сухых, тоньких людей.

Ту ся дуже не сварят, и барз мало чути, жебы ся дакто с дакым бил. О крадежах тыж мало чути, бо як бы дакто дашто вкрал, то не лем до арешту всадят, але го фотографуют и дадут до газет, же такий и такий злодій тоту або другу річ вкрал.

Мы ту в місті маме ріжных сусідов. Суть полякы, німці, литвини, мадяры, білорусины. Кус дальше суть украинці. Каждый

бєсідує по своему и живут в згоді. Ту забава каждую неділю. Дуже часто на кошт державы идеме до кина, найвєще на русскы фильмы, бо в России такы гарды укладають, што всі хвалят. И словацкы фильмы гарды, веселы. Перше нам высвітлювали американскы фильмы, але люде мало ходили, бо не любили.

Часто ходиме за місто на потягову дорогу, бо там все ідут русскы до Берлина и з Берлина до Москвы. Коли их виджу, то все веселы, сміються, співають, або грають на гармонии. А такы хлопы, як дубы. Росту середнього, але сильны, плечисты. Деси такы приемны, с хоцкым будут бесідувати, им каждый чловек свой, нема чужого. Часом ідут автом через місто, то станут, а діти к ним раз-два, наоколо их обстанут. Они им нич не гварят, лем с ними бесідуют.

Теперь єсть ту дуже русскых книжок. Летчики, офицеры и просты воякы описуют свое житья, описуют за войну, як воювали, и за далеку краи, кади ходили. Барз радо читаю такы книжки. А барз туні тоты книжки, можна купувати.

Теперь ту кінчатся жнива. Ходили сме всі послі роботы в фабриках на пару годин на жнива. Зберали сме снопы и клали в стіжки. Машинами поорют, посіють, покосят, а снопы рассказали вшиткым ийти зберати, кто хліб іст, то сме ходили и зберали. Добре, же ся гарде вродило.

Недавно сме подписували пожичку на розвой Польшы, то даеме каждый місяц покус, поки не выровнат каждый свое, скилько подписал.

Мене ся звідували, ци подпишу пожичку. Гварят мі, же то для нашої "Польскы людовой". Я стою при столі, за столом сидили керовник фабрики и якийсь з Варшавы, и так им повідам: "Мі Польска людова нич доброго не зробила. Мала єм дом, поле и ліс, то мя выгнали и всьо мі забрали". Они смотріли на мя, але нич на то не отповіли. А пак зас гварят, ци подпишу дашто, ци ніт, же то не мушено, лем з доброй волі работника. Гварю, же подпишу, бо што ту было робити?

Моя місячна выплата єсть от 650 до 800 злотых, а другы меньше мають, и так дали, то бы на мя злы были. Нам ту роботу міряють або ваят, то не все єднако виробиме, бо материал не все добрый. Кто ма мощны руки, звинны пальці, то заробит вєще. Мають и по 1000 злотых місячно. Иншы зас слабшы в роботі, то виробит по 400 и по 500 злотых на місяц.

За нашы горы и села нич ту не можу описати, як там тепер єсть, бо ище не была-м видіти. Але повідають люде, же барз вовкы и свиньи ходят.

Привіт читателям, а світу МИР.

Мария Тима.
Август 1951 року.

Темнота и неволя

На нашей родной Пряшевщині много перемінилось, а ище больше перемены настали в советском Закарпатье. Но мы, люди старшего поколения, не можем забыть, как кламства с нашим народом робили при старых режимах, как силом, мусом и террором мадярска влада старой Австро-Венгерской монархии пробовала стерти со світа наше миле и любе руске имя, народне и религийне. И в той террористичной акции против нашего народа Австро-Венгрия не была сама, бо помагал ей Рим.

— Не смієшь бесідовати по свому, — то мы фурт чули.

И я, хотя был ем ише малым хлопцем, добре памятам, як нам учитель казал: “Нем сабот беселни аросу чак мадяру”. Як діти вышли со школы и ишли домів, то неслободно было по свому ани старшого человека поздоровкати, ани слово сказати до своей родной мамы, бо якобы учитель або поп дознался, то велика битка и кара грозила.

И діти сами собі шептали по свому, бо як было бесідовати по-мадярски, коли мы ише не могли знати добри мадярски слова? А и не хотілось нам бесідовати по-мадярски, то так стали сме як німы. Каждый один сам до

себе думал по свому. Хоц ми было лем 7 роков, но ми то мощно не любилося: бесідуя по свому, то мене бьют; пробую бесідувати по-мадярски, то не выповім добри, и тыж мене бьют. За то я собі думал, як бы ту так зробити, чтобы до школы не ходити.

Хоц як ем плакал, но пожаловатися не можна было отцови, бо были в Америкі, где тяжко робили в майнах, а мама ниякой порады не давала. Годовался коло стрыка, а стрыко подумал собі так: “Чекай ты, хлопча, ты все не будешь ходити до школы, бо я не хочу на вас робити так тяжко. Ваш отец в Америкі зароблят доллары, а я вас трое дітей ту годую.” И стрыко пошел до учителя Керлека, а учитель закликал попу и собі побесідували. Стрыко вспомнул, же як мене выпустят со школы, то он им даст нашего рогатого барана. А я чекал дома и старался, што с того выйде.

Як стрыко пришол додому, то ми казал, же я сам тому виноватый, што до школы больше не пойду, бо я не хотіл учитися по-мадярски, лем бесідовал по свому. “И так учитель казал, же с тебе нич не буде, бо до вышшой школы не можешь ийти”. Але стрыко дал нашего старого рогатого барана учителю и попу,

а я и старший бык zostали им дома.

И так мене выкупили со школы за барана.

То сталося на початку яри. Уж газдове рыхтуют плугы, и стрыко бере мене со собов, жебым поганял кони. А як мене ноги зачали боліти от того ходжинья и оранья, то высадили мене на коня, и дале ореме.

Раз было объявлено, чтобы каждый ишол орати про нашего отца превелебного. Скоро рано вишиткы газдове вышли на поле и зачали орати — одна пара за другом. Стрыкова пара была напереді, и як мы орали, то на поле выхал поп с попадьом на кочу. Попозерал по оранью, а потом выходит из коча, приходит до нас и просто до мене каже: “Чом ты так помалы ведешь кони, хлопча? Ты сідай на коня и скоро давай”. Стрыко посадил мене на коня, и так я наскоро гнал кони. Але то не лем мы сперали оранье, бо меже конями было и пару волов Михайла Юрпака и його брата. Так поп выгнал тоту пару орати осібно, жебы не сперали коней.

И так каждый газда оре, аж гучит. И солнце пригріло, пташкы співають, зозули и кукачкы по горах кукают, радость слухати, а поп с попадьом сидят на кочу и позерают, як кто оре. Але раз попадьа прибігла до Михайла Юрпака и кричит, чом стал с волами. Юрпак отповідат:

— Пани, видите, же волы стали, бо мочат.

Попадьа кричит на голос, ци не годны волы орати и мочити

нараз. То назлостило Юрпака и казал ей на голос, жебы пани превелебна спробовала ходити и мочити. Як то казал, то пани зачала кричати и надавати му до “дурных руснаков”, а потом и сам поп пришол и крикнул, же нема ружницы меже волами и руснаками.

Юрпак не забыл того, што му поп казал, и долго памятал, до якого дуренства му поп накла.

Раз в неділю коло церкви, як вишиткы повыходили, то посідали под великы липы и Михайло Юрпак с ними. Приходит поп и зачинат бесідовати за планеты и комету, котру в тот час видно было на небі, як за собов хвост огненный тягала. Вельо ночей проходило, а тоту комету все можна было видіти. И поп каже, што то буде конец світа, бо коли комета ударит до місяца, то спалит и нашу землю. Поп радил людям, чтобы лягали спати каждый вечер убраны в новы шаты и были готовы умерати. Газды слухали попу так милосердно и дуже перестрашены.

— Знаете што, газдове, — говорил поп, — я зроблю собі великий кожух, долгий до пят. пойду до водяного млина и стану под колесо. Там вода иде непрестанно, то я останусь живой, бо вода ми не даст згоріти. Так я останусь на світі и буду видіти, як світ буде горіти и як приде зачаток конца світа, и буду молитися за вас.

Такими дуренствами поп додавал страху людям. Юрпак слухал, слухал, а потом каже:

— Прошу слово, пан превелеб-

ний, бо я вас слухаю и собі помалы думаю. Чом вы нам ужек давно не сказали, же так станесе зо світом, то мы вшиткы нароби-ли бы собі тых колесовых млинов и тоже сховалися под воду, абы нас все зостало, не лем вы сами... А друге, я цікавий знати, што буде с вами, як мы вшиткы підеме с того світа. Кто буде на вас робити? Дурных руснакох не буде, жебы вам земли орали, то думаю, што вы мусите робити цівком вшитко сами. И даде, я думаю, што вас в школах не учили таке, же планеты запалят світ. Я хоц газда неучений, но кус читам, и не боюся того, што вы тепер повідали нам. И думаю, што Христос не учил людей так, жебы пастырь зохабил свои овцы и сам скрылся под млинске колесо, бо пастырь мал хосен из овец и жил добри из стада. То вы, наприклад, зробили бы так с нами, што як бы волк напал на стадо, вы не жебы хранити нас, а вы бы сами сховалися найперше.

И так Юрпак начал надавати на попа, же нияк правды нас не научат, лем страшит людей. То же Юрпак спросился, ци за тото кламство поп бере податкы, жебы діти не ишли до школы, лем тогда, як прийде инспектор, котрый такий самый кламца, як и поп.

Юрпак назлощеннний зохабил попа и людей и забрался додому, а поп кричал за ним и надавал по-мадьярски, же не пустит його все до церкви. Юрпак ише обернулся и крикнул:

— Я иду додому и там помо-

люся Богу, жебы вам обернул голову на праву дорогу, штобы вы учили нас правду, а не дурноту.

Газдове сами бесідовали меже собом и казали, што Юрпак мае правду, бо кус читат газеты и книжки.

Я собі думаю, же то добри, што Юрпак не выкричал, што то за мене стрыко дал барана. Але я попросил стрыка, жебы мене дал назад до школы, як ся зачне, и жебы сме пошли до Юрпака по церкви. Так стрыко попросил Юрпака, жебы никому не сказал, што то за мене был данный баран. А Юрпак каже: “Мі ся не расходит за барана, бо уж го ніт, але за хлопчиска, жебы не зостал без школы и не знал читати и писати, бо світ иде до культуры, и великы зміны ставаются по світі, и приде такий світ, же хоц бы твой стрыко дал и волы и кони, то не откупит тебе от школы, а як бы пробовал, то буде покара-ный. И прийде час, што короли, паны и зрадцы народа будут перевернуты, и сами люде будут собов управляти”.

И такий час тепер настал. Як была перва світова война, то Австро-Венгрия пропала и пришла нова Чехословакия. Народ достал больше прав, и мы могли по своему учиться. Пришел час, што и я пошел до войска и был выбранный до подофицерской школы. Як ем выслужил, то записался до чехословацкой жандармской школы. Але отец вышел из Канады, выннос пару центов и зачал газдувати. Так ишло, покла грошы

были, а як грошы розишлися, то он каже:

— Не пью и не курю, а всі робиме, но с того нич, и треба буде скоро ділити газдовство на три часткы. бо вас трое братов. Ты найстарший, то заберайся до світа и старайся сам за себе, а так и нам помагай.

Так я достался до Канады. Переїзжал много раз Канаду за работ и помалы посылал грошы до краю, сплачовал долги и помагал фамелии. Але пришла депрессия, работы не было, а ту чужина, котрой языка я не знаю.

Но сталася нова война в старом краю. Там люде страдали, а

мы ту в Канаді кус ся подробили. И так пришел час, што Красна Армия освободила славян от Гитлера. Начался світ инший, веселый про наших милых руснаков в тых милых Карпатах.

Наш русский брат в Карпатах
Німца добивае,
Старый отец партизанам
Щиро помагае.
А як в Берлині русскы братья
Нацистов розогнали,
То наши отцы там в Карпатах
Нове житья достали.

Василь Лукач.

Торонто, Онт. (Канада).

СМІХ И ПРАВДА

Четверта жена

ИВАН: Ци то правда, Василию, што тобі панбіг уж третью жену забрал?

ВАСИЛЬ: Правда, тамтого місяца были похороны. Але я взял собі уж четверту... Бере панбіг — беру и я!

Слуга у пана дідича

СЛУГА: Прошу пана, што прикажете мені днеска робити? Ци поїхати с паньом до міста, ци гній возити на поле, бо мені не робит ріжниці.

Два паны и два слугы

Селянин везе до міста своего пана-дідича. С противного боку надыхал другой кучер так само с якимсь паном. Дорога узка, то не могут оминутись.

— Встунься с дороги, кажу тобі, бо я пана везу! — кричит один.

— А се што, свинья? — крикнул селянин, показуючи бато-гом на своего дідича.

Глупый котик

НЯНЬО (до сына): — Не тягай ты, сынку, котика за хвост, бо видишь, што котик кричит.

СЫНОК: — Та я, няню, його не тягну, лем тримаю за хвост, а он глупый сам себе тягне.

Поїхал бы на гостину, та люде не кличут.

Йому того так потрібно, як лысому гребеня.

Не дивно, што кобыла здохла, але дивно, кто собакам дал о том знати.

НАЙБОЛЬШИЙ ГРІШНИК

В одной баптистской парафии на Югі негритянский священник-пастор не мог дати собі рады с парафиянами, бо му дуже грішили. На церковь мало давали, але за то пили, крали, билися, ошукували, а до вини никто не хотіл признатись, лем все складали вину один на другого.

Застараний тым пастор начал думати, як тут навернути свое духовне стадо. А же то был хитрый духовник, котрый знал добре своих людей, то придумал таку штуку.

Раз объявил, што в парафии буде устроена миссия на цілый тыждень. Рано и в вечер будут проповіді. В середу на вечерней проповіді оголосил, што на слідующий день рано не буде звичайной миссийной проповіді, бо будут похороны — будут хоронити наибольшего грішника на світі.

Таке объявление заинтересовало дуже цілу парафию. "Кто то такий?" допытувалися парафияне одны других. Приходили и до пастора пытатися, кто умер, але он всім отвічал, што завтра сами увидят, бо трумна буде отворена. Цілу ночь люде не мали спокою, бо каждый был цікавый дознатися за того наибольшего грішника на землі.

На другой день собралось в церкви множество народа, бо вість о похоронах наибольшего грішника рознеслась скоро по цілой околиці. Пришли люде навет из сусідных парафий. Около 9-ой години рано пастор отворил две-

ри, и погребник с помочниками приніос трумну. Послі отслужения похоронной молитвы и короткой проповіді пастор казал открыти трумну и объявил, што теперь присутны могут подходить один за другим видіти того наибольшего грішника.

Цікавшы забігали дорогу тым, котры перше перешли коло трумны, и пыталися их, кто то такий лежит в трумні. Но никто не хотіл сказати.

В трумні не было ниякого покойника, лем было велике зеркало, так уміщене, што каждый, кто подошел заглянути на того наибольшего грішника, увиділ самого себе.

Тота штука подійствовала на парафиянов того пастора больше, чым всі його проповіді.

ИЗ АМЕРИКАНСКОГО ЖИТЬЯ

МАМА: А ты, дівко моя, тамтой ночи зас пришла ес дуже пізно додому. Може тобі здаєся, же я старомодна, але все-ж хотіла бы-м знати, где-с была.

ДОЧКА: Правда, правда, мамусь... Зараз с вечера была-м с одним бойсом, але вы го не познате; потом мы были в пару місцях... Не буду вам повідати, в яких, бо вы там николи певно не были, то не будете знати. А скончили сме в таком чудном веселом ночном клубі — не знам, як ся называт, але то есть ту в місті, в якоїсь пивниці. Вот и всьо. Правда, теперь вам ясно?

МАМА: Добре, добре, моя дівко, бо я лем хотіла знати, где ты была.

Бача и планетник

КОМЕДИЯ В 2 АКТАХ ИЗ НАРОДНОГО
ЖИТЬЯ НА ПРЯШЕВЩИНІ

(Дієся в одном нашем селі перед 2-ом
світовом войном).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Меже нашим народом в Карпатах донедавна ище держалася віра в босоркы и в то, што человек по смерти ходит страшити и мучити людей. Аж теперь послі 2-ой світовой войны при народной власти в наши села пришла правдива культура и наука, то и старшы люде перестают вірити в то-ты забобоны.

В селі Кружлеві, на Маковиці, жил совсім неграмотный, темный циган. Того цигана на всі боки кликали по селах, абы приходил застановити мертвого, котрый страшил людей. Циган мался добри, бо от каждой такой операции доставал и грошей, сколько хотіл, и одежду, яка по мертвом осталася, вшитку собі забирал.

Коли того цигана кликали до дому выганяти мертволу, то он не ишол николи до обіда, лем по обіді. Як тилько перешол порог дохижы, то первы його слова были:

— А видите го (или ей), там сидит в самом кутику за столом. Так начинал баяти и выганяти

мертвого. Лем пару роков минуло, як тот циган помер. Померли с ним и злы духы, бо нигде теперь не чути, абы мертвый ходил страшити. А сколько то страху перше люде мали! Дагде на поді мачка мявкла, або дашто в сінях ци в стайні дуркло два-три дни по похороні умершого, и уж думали, што мертвый по смерти ходит. Стары люде у нас добре памятают тоты часы, и нияк не могут порозуміти, што ся стало, где ся поділи тоты вшиткы страхы, котрых всяди было полно. Но поедны люде сміются и повідают, што в тых двох войнах было много стрілянья в наших горах, то и страхы были повыбиваны.

На тых забобонах оперта и то-та история, котру передаю тут в представлении "Бача и планетник".

М. Жак.

Особы: Хаим — корчмарь и сельский гешефтьяр; Прокоп — старый сельский пастух без работы; Данило — молодой сельский учитель, який жие у теты Олены; Данило-дід — тот самый

учитель, перебранный за старого подорожного; Мария и Олена — две сусідки.

АКТ I.

Сцена: На дворі перед хатом Олены. Коло хаты садок. Входит с одной стороны Хаим, с другой Прокоп.

ХАИМ: А “ви гайст — ви гайст”, пане Прокоп, як ся маєте?

ПРОКОП: Дай Боже здоровья, пане корчмарь, куда идете?

ХАИМ: Я все за интересом хожу, задармо не показую носа из корчмы. А чом вас, пане Прокопе, не видно? Може сте хворы, боже борони, шкода бы было такого доброго человека... Я от вас не чул паскудне слово, як жию.

ПРОКОП: Най вас Бог благоволит за добре слово. Паскудний час на мене дуже.

ХАИМ: Што такого паскудного с вами, я ничего не чул?

ПРОКОП: А та видите, человек начинае старітиса. Як ем попасувал удобу, то все штоси капнуло до кешени, то грудочка сыра. то трохи масла, а и даяка корунка пришла. И на босорках был заробок. А теперь што? Ледво дыхаю из той алмужны, што ми дают. За то не могу идти до вас до корчмы.

ХАИМ: Ай вай, та с вами, Прокопе, шлехт гешефт!

ПРОКОП: Ой шлехт, шлехт, як вы кажете.

ХАИМ: Жаль ми вас, Прокопе, жаль... Але я вам дам файн гешефт.

ПРОКОП: Най вас Бог милуе.

ХАИМ: Вы у мене файный че-

ловик. Знаете што, Прокопе?

ПРОКОП: Та лем говорьте.

ХАИМ: Я дуже потребуу купувати коровы от Олениных и Марининых, бо у них дуже файны коровы на ціле село, я их мушу мати.

ПРОКОП: А чому бы ніт? Пойдете до них, тай купите.

ХАИМ: Коли они не хцут продавати, а я дуже потребуу.

ПРОКОП: Чому бы ніт, як добре заплатите?

ХАИМ: О я то сам знаю. Але я хочу купувати за половину ціны. Тоты коровы вартают по 8 тысяч, а я хочу купувати по 4 тысяч.

ПРОКОП: Пробуйте, може и так купите.

ХАИМ: Ніт, я не пробую, бо они не продадут так. Я бы хотіл, штобы они сами просили мене, товди я могу заплатити, ківко хочу.

ПРОКОП: Та зробіте так, абы они сами просили вас.

ХАИМ: Я собі сам не могу так зробити, лем вы, пане Пркоп, можете.

ПРОКОП: А якым способом?

ХАИМ: Вам дуже легко. Скажете, што босоркы взяли молоко.

ПРОКОП: Най вас Бог милуе, та то не легко комусь послати босоркы.

ХАИМ: Знаю, што не легко, але вы можете то зробити, бо вы старый бача. Як коровы будут мои, то достанете за каждую по стовкі. Ци не файн гешефт?

ПРОКОП: Не так легко буде, то не фигля.

ХАИМ: Нашто вам таке говорити, вы придте до мене, я вас

файн погощу и там порадимся.

(Уходят оба. Из загородкы выходит Данило и сидат на колоді дерева коло хаты).

ДАНИЛО (протігат раменами от спанья): О га! Але добре полежати в загороді на траві, а ище под деревьями, аж руки затерпли... Но чул ем вшитко, што росправляли Хаим и Прокоп. Не скажу нич, лем посмотрю, што из того выйде.

(Из хаты выходит Олена).

ОЛЕНА: А ты кади ходишь? Виджу, жес заспанный и без шапки, где ты был?

ДАНИЛО: Мало заспал и сам не знаю, чого сиджу ту.

ОЛЕНА: Сніданье готове, иди та ідж... Ты повідал, што до священника идешь.

ДАНИЛО: Маю часу дост. Сідайте коло мене, ту так красно посидіти.

ОЛЕНА: Правда, што красно. Абы-с знал, што тоты колоды ми милы от дітинства. Ту бавили смеся с Мариом, для нас того місце наймильше.

ДАНИЛО: Бо вы зрослися с місцем, привыкли на колоды.

ОЛЕНА: Ой, што ты говоришь?

ДАНИЛО: Што такого?

ОЛЕНА: Та де я росла на колодах? Як люде почуют, буде огварка.

ДАНИЛО: Та што в том злого? Я сказал, што вы от дітинства бавилися на тых колодах, за то любите их... Ну и што тут злого?

ОЛЕНА: У тебе нич злого, ляпнешь хоц што, а потом выкручешь. Думаешь, што ты ученый, то можешь робити сміх. Та я на

питльованных азимках, на сметані выросла, а он каже: на колодах выросла.

ДАНИЛО: Але, тетко, што вы так россердилися?

ОЛЕНА: То гріх насмішки с теты робити. Шкода, жес в Пряшеві учился.

(Входит Прокоп).

ПРОКОП: Слава Иисусу Христу.

ДАНИЛО: О слава навікы.

ПРОКОП (до Олены): Над чым радитесь с паном учителем?

ОЛЕНА: От так вышли, посідали тай бесідуеме.

ДАНИЛО: Отки идете? Сідайте коло нас, та бесідуите, што нового.

ПРОКОП: Най Бог милуе вас за добре слово. (Сідат). Ходил ем до ліса на зілья. Страшно теперь ходити по лісі, але для людей мушу.

ОЛЕНА: Што чувати коло вас, діду?

ПРОКОП: Та коло мене не чувати нич, лем ми спати не дают.

ОЛЕНА: А кто то не дае?

ПРОКОП: Не скажу, бо настрашитесь.

ОЛЕНА: Господи, што таке?

ДАНИЛО: Скажете, діду, што там вам не дае спати.

ПРОКОП: Не скажу, бо перестрашитесь, и буде так веце біды.

ОЛЕНА: А хіба то штось страшного?

ПРОКОП: Для мене не страшного, але для вас гей.

ДАНИЛО: Най буде — говорите!

ОЛЕНА: Бесідуите, най буде и страшне, я дуже цікава знати.

ПРОКОП: Коли уже так, то скажу, але на мене не нарікайте,

што старий Прокоп все біду во-
рожит... От, мои милы, не дают
мі покоя босоркы.

ОЛЕНА: Босоркы! Ах, што вы
говорите?

ПРОКОП: Так чуєте, чи так
страшно?

ДАНИЛО: Мені совсім не стра-
шно.

ОЛЕНА: Та и мені не... але
якось так неприємно.

ДАНИЛО: А то, діду, беспо-
коят вас босоркы?

ПРОКОП: Коли я попасовал
людску худобу, то босоркы не
мали приступа до коров, бо я
знал одогнати их. А теперь пасе
якийсь непотрібняк, то босоркы
знова звлеклись до села.

ОЛЕНА: А як вы знате, діду?

ПРОКОП: Мені уж Бог так дал,
што як в село придут, я учую их
дораз... И минулой ночы при-
шли в село аж дві.

ОЛЕНА: Босоркы?

ПРОКОП: Так около півночы
чую, зачинают мене лоскотати,
лежати не можу. Выходжу на ули-
цу и приходжу к вашей хижі.
Смотрю — серед дороги бавят-
ся. Як увиділи мене, такой одна
побігла до вас, а друга до вашей
сусідкы.

ОЛЕНА: Ах, то до мене побіг-
ла одна босорка, кажете?

ПРОКОП: Так, одна опановала
вашу корову, а друга Маринину.

ОЛЕНА: Бойтеся Бога, што я
теперь почну несчастлива!

ПРОКОП: Може што порадиме,
але я мушу иди в неділю до лі-
са на зілья.

ОЛЕНА: Приходьте, мои золо-
тенькы, и ратуйте мою Красулю,
хоц што вам дам.

ПРОКОП: Та уж приду, як того
зілья достану, бо без него не мо-
жу порадити.

ОЛЕНА: Так придте, золотень-
кы, а я полечу сказати Марии,
што чекат ей. (Выходит).

ПРОКОП: Відны жены, так лю-
бят свою худобу, што и житья
бы дали за Красулю.

ДАНИЛО: Коли бы было за
што, а то за брехню давати жи-
вот, то великий гріх.

ПРОКОП: Чому вы так кажете,
пане учителю?

ДАНИЛО: На ваши босоркы.

ПРОКОП: На мои босоркы?
Чому мои?

ДАНИЛО: Я знаю, чому выгаду-
ете якись босоркы и туманите
людей.

ПРОКОП: Най вас Бог милує,
пане учителю. Чого говорите так,
кедь не розумієте? Нашто мі лю-
дей туманити?

ДАНИЛО: Вы звідаетесь Хаи-
ма.

ПРОКОП: Та што Хаим має до
того таємного діла?

ДАНИЛО: Он має найбільше,
бо хоче купити тоты дві коровы,
зато просил вас придумати бо-
соркы, абы мог купити за поло-
вину ціны. За то он вам даст по
стовкі от коровы.

ПРОКОП: Боже мой, откаль вы
знаете то, пане учителю, што те-
перь говорите?

ДАНИЛО: Не звідуйтесь, бо я
вас знаю. У мене есть ключ до
таких тайн, бо я планетник.

ПРОКОП: Планетник! Ах, свят,
свят (Крестится).

ДАНИЛО: Не маєте што крес-
титися, бо я крещеный чоловік.

ПРОКОП: Не знал я того, не

знал. Теперь я пропал.

ДАНИЛО: Не журіться, бо зло-
го вам ничего не зробию.

ПРОКОП: Най вас Бог милує.
Не знал я, што вы так все знаете.

ДАНИЛО: И то правда, што вы
с босорками не можете нич зро-
бити, ани сте их николи не виді-
ли, бо их ніт, лем сте выдумали.

ПРОКОП: Та оно справді так.

ДАНИЛО: И ворожити не зна-
ете, тилько обманюете людей.

ПРОКОП: Та так робят вшиткы
ворожины, вы знаете то лінше от
мене.

ДАНИЛО: Всі они туманят и
обманюют людей.

ПРОКОП: Так, так, абы ся им
лекше жило на світі.

ДАНИЛО: Ци знаете, діду, што
я вам скажу?

ПРОКОП: Най вас Бог милує—
кажіть, што ласка ваша.

ДАНИЛО: Жаль мені вас, што
на стары рокы вы осталися без
куска хліба. С ворожьством
далеко не зайдете, бо люде ско-
ро познаются на обманстві, то-
гда и набити можут, а на всякий
случай никто не даст вам нич
больше.

ПРОКОП: Так, так, свята прав-
да, вы то знаете найліпше.

ДАНИЛО: Штобы вы знали до-
бри ворожити, я вас научу спосо-
бу, лем не повіchte, што то я.

ПРОКОП: Най мене Бог боро-
нит.

ДАНИЛО: Як не зробите так,
як я вам скажу, то кара вас не
минне, бо я буду всьо знати.

ПРОКОП: Всьо буде так, як
скажете.

ДАНИЛО: Зачнете от завтра.
О самой півночи придете ту и

будете чекати мене.

ПРОКОП: Добре, добре.

ДАНИЛО: Але памятайте, ни-
кому ани слова о том, што мы
говорили. А теперь можете иди.

ПРОКОП: Най Бог вас милує
за добре слово. Бывайте здоро-
вы. (Выходит).

ДАНИЛО: Идте с Богом. (Сам
до себе и до публікы). Слава
Богу, добри иде, лем кебы так
далее, то отворятся людям очы.

(Входят Елена и Мария).

ОЛЕНА: Ты ище ту, Данило?
А дідо уж пішол?

ДАНИЛО: Пішол.

ОЛЕНА: Ноле повіч Марии, што
Прокоп казал за босоркы.

ДАНИЛО: Иншаку роботу не
маю, лем повторяти такы дур-
ницы.

ОЛЕНА: О у тебе вшитко дур-
ницы! (До Марии). Чуєшь, дідо
казал, што иде о півночи по до-
рогі и видит два білы чудища —
одно до мене, а друге до тебе пі-
шло.

ДАНИЛО: То може были дві
мачкы.

МАРИЯ: Я ище не виділа білу
мачку.

ОЛЕНА: Бо білых мачок неє на
світі.

МАРИЯ: Коли приде Прокоп?

ОЛЕНА: Може завтра або в не-
ділю, бо мусит зілья накопати,
без зілья не може ничего зоби-
ти.

ДАНИЛО: И с тым зільом не
зробит нич.

МАРИЯ: Чому?

ДАНИЛО: Бо он туманит вам
голову. Я не одну книгу прочитал,
но за босоркы ничего не нашол.
И в святых книгах не найдете нич

за босоркы. Вы обі мні не вірите, а пастухови гей.

ОЛЕНА: Ты послухай старших людей, што они говорят.

ДАНИЛО: Та што стары люде можут знати, як нигде из села не были? В церковных книгах не ворится за босоркы.

ОЛЕНА: Бо то был бы гріх писати таке в святы книги.

ДАНИЛО: А за дьявола не гріх писати? Доста написано за него в святых книгах.

МАРИЯ: Та вы и до завтра рано не dokonчите тоту зваду. Подь, Олено, бо ище много работы у нас. А с ученым не вартат вадитися, бо то все його правда буде.

ОЛЕНА: О дайте мні покой с тыми учеными... Подьме. (До Данила): И ты идий, премудрый человеиче, бо ідло уж выставило. (Выходят).

ДАНИЛО: Чекай, чекай, увидиме, кто кого переконат.

(Куртина опадат).

АКТ II.

Сцена: В звычайной сельской хижі.

ОЛЕНА: От вечера уже не мам покою, як мі сказал Прокоп тоту новину. Отколи змерклося, то боюся выйти из хижы. Перше то я о півночи могла выйти хоц де, а теперь мам страх... И Прокоп мал придти, та не пришол — може ани зілья не нашол... (Надслухае). Ох, ктоси иде! Аж мороз переходит по хырбеті (Показуе, же перестрашена). Може Прокоп, а може... (Бере палицу).

ХАИМ (Входит): Добрый вечер вам, пани господиня... Ов-ва, як видно, до вас страшно заходити, бо с палицом.

ОЛЕНА: А тебе яка мара носит по ночам?

ХАИМ. Я собі сам иду, никто мене не носит... Яка вам ту ночь: недавно змерклося.

ОЛЕНА: Напугал ты мене, блуде! А што доброго повішь?

ХАИМ: Я нич не хочу, лем доброго, но где взяти стілько доброго, абы было для вшитых?

ОЛЕНА: Та як ты с дачым паскудным пришол, то заберайся мі з хижы.

ХАИМ: Ай-вай, чого вы такы наремны, Олен? Може я с добрым пришол?

ОЛЕНА: Но говори, што тобі треба.

ХАИМ: Та мені нич такого не треба, лем хотіл ем сказати вам яку новину.

ОЛЕНА: Тфу, с твоими новинами! Николи не носил мні новины, лем теперь... А што за новина?

ХАИМ: Я вам хочу повісти, же коли я хочу купувати даяку яливчину, то иду до нашего рабина, а он мні скаже, ци варто купувати.

ОЛЕНА: А нашто мні таке знати за твого рабина?

ХАИМ: Лем послушайте вы мене... Хотіл я купувати файну яливчину и пошол до рабина, а он мні повіл таке, што страх споминати.

ОЛЕНА: Што такого?

ХАИМ: Каже, же в том селі всі коровы показили босоркы, лем у богачкы Оленихы нит.

ОЛЕНА: Так казал, же мою ище нит?

ХАИМ: На мою душу так. И я теперь приходжу до вас купувати. Продайте вашу яливчину.

ОЛЕНА: Нашто бы я продавала свою Красулю, ачей ошаліла-м, ци што?

ХАИМ: Але добре бы теперь продати, бо она ище не показена, то достали бы сте добры грошы.

ОЛЕНА: Ой небоже, моя корова не така, босоркы не годны ей показити, бо против того я маю лікы.

ХАИМ: Ну-ну, я вам добри раджу, бо потом будете жаловати.

ОЛЕНА: не журися ты за мене. Я корову не продам за жадны грошы.

ХАИМ: Нит?

ОЛЕНА: Нит, и не говори за то.

ХАИМ: Ну, трудна справа. Як так, то добру вам ночь.

ОЛЕНА: Иди с Богом. (Хаим выходит. Олена сама).

Не дочекашь ты купити мою корову... Шкода, што нит тут Данилка, абы чул, же Прокоп правду казал за босоркы. И рабин уж знае... Лем не знати, ци минувшой ночи не показала мою?... (Входит Мария).

МАРИЯ: Добрый вечер, любя Оленько.

ОЛЕНА: Доброго здоровья, Марийко.

МАРИЯ: Ты сама? Данилка нее?

ОЛЕНА: Сама, сама. Данилко пішол с попом до Свидника, аж завтра придут.

МАРИЯ: А ци был у тебе Прокоп?

ОЛЕНА: Не был, може аж в неділю приде.

МАРИЯ: Шкода, што не был... Якося корова мі не в порядке, молюка мало дае и помыркуе.

ОЛЕНА: Наистно не знаю, што с мойом буде, ище ничего не видно.

МАРИЯ: Ах голубко моя, ты совсім змінилася.

ОЛЕНА: Знаешь, от мене теперь вышел Хаим.

МАРИЯ: Та то он был. Виділа-м, же ктоси выходил, лем не познала-м в темноті... Што хотіл от тебе?

ОЛЕНА: Не угаднула бы-с... Хотіл мою корову купити.

МАРИЯ: А ты продаешь?

ОЛЕНА: Та где, не продаю.

МАРИЯ: А он што?

ОЛЕНА: Казал, што рабин говорил йому, же в селі всі коровы показены, лем моя нит.

МАРИЯ: А што ты йому казала?

ОЛЕНА: Нагнала його на штыри вітры.

МАРИЯ: Добре-с зробила... Слухай, Оленько, як приде Прокоп, дай мні зараз знати, бо дуже не спокойна-м за корову.

ОЛЕНА: Як приде, то зараз заведу його до тебе.

МАРИЯ: Мушу идти, бо може літина збудится... Бывай здорова.

ОЛЕНА: Та чекай, най тя поцілую.

(Цілуются).

МАРИЯ: Я все кажу, што нит других таких приятельок на світі, як мы с тобом.

ОЛЕНА: От малости жиеме в згоді и приязни, як два ангелы.

Други вадяться, по судах ходят, а нас Бог якось варує от того.

МАРИЯ: Уже ціле село чекає, коли повадимеся.

ОЛЕНА: Знаю, як завидят нам, але того не дочекаються, аби ми повадилися. Правда, голубко моя?

МАРИЯ: О ніколи до того не приде, душко моя... Иду, бо може дітина плаче. Добру ночь.

ОЛЕНА: Добру ночь, иди здоровенька. (Мария виходить. Олена говорить сама). Доправды не знаю, чи любились так даколи сусідки, як мы. Не дармо и священник на казанью брал нас за примір... (Почула когось за дверьми). Ой, хто там? Што за мара! Свят-свят Господь.

(Входить Данило, перебраный за старого діда).

ДАНИЛО: Не бойся, жено. Я крещеный человек, подорожный. Слава Иисусу Христу.

ОЛЕНА: Слава навěки.

ДАНИЛО: Виджу, ты сама дома. Не чудо, што напудилася... Иду, виджу світло и зайшов мало отпочити. Не бійся, я добрый человек.

ОЛЕНА: А вы сдалека, діду?

ДАНИЛО: Сдалека — с цілого світа.

ОЛЕНА: Де так Господь провадит?

ДАНИЛО: Провадит, абы робити людом добре діло.

ОЛЕНА: Добре? Коли так, то прошу ближе, сідайте.

ДАНИЛО: Дякую за ласку, най Господь нагородит. (Сідат). А тепер, як можна, прошу мало молока, бо я лем молоком жию.

ОЛЕНА: Маю, діду, молоко,

але лем студене, може вам загри-ти? Або може сыра?

ДАНИЛО: Дякую за добре сердце, но прошу солодкого, бо иншого не можу пити... Най за-гриєся душа бідного сироты.

ОЛЕНА: Так звык говорити и мой вихованец, братняк, тутеш-ний учитель. (Приносит молоко). Прошу, діду, пийте, ище вам на-лію, крайте хліба.

ДАНИЛО: Дякую за добре сердце. (Позерат на молоко и отпыхат от себе).

ОЛЕНА: Та чому молоко от-пыхате от себе, не пьете?

ДАНИЛО: Такого молока не можу пити, великий гріх бы-м мал.

ОЛЕНА (перестрашена): А што хибує тому молоку?

ДАНИЛО: Йому дуже много хибує, и гріх пити християнам таке молоко от босоркы.

ОЛЕНА: От босоркы?

ДАНИЛО: Так єсть, и за то я того молока пити не можу.

ОЛЕНА: Ах Господи мой мило-сердный, и може то быти правда?

ДАНИЛО: Говорю ти, невісто, святу правду. Я што виджу, то кажу темным людом. Бог по-слал мене показувати добро и зло, и хранити людей от зла.

ОЛЕНА: То вы розумієтесь на босорках?

ДАНИЛО: Так, розуміюся на всяких людских несчасьях.

ОЛЕНА: А не знате, як долго панує она над мойом коровом?

ДАНИЛО: Недавно, день або два. Я познаю то по молоці.

ОЛЕНА: Ах Боже мой, што я чую! Но-но, най Господь зава-рує... Знаете, діду, у мене єсть

вихованок и братняк учитель, он все мі клепле до головы, што босорок нема на світі. А держится за дуже ученого.

ДАНИЛО: А ты вірила йому?

ОЛЕНА: Та трохи вірила, але не цілком. Два дни тому повідал мі тутешний бача, што ходят по селі босоркы... Так тепер вид-но, што ученому не єсть што ві-рити.

ДАНИЛО: Учений має до діла с книжками, а не с босорками.

ОЛЕНА: Так, так. Но вы, діду, розумієтесь до босорок?

ДАНИЛО: Правда, што розу-мію.

ОЛЕНА: То вы мусите знати, ци єсть даякий лік против них?

ДАНИЛО: Ліку нема.

ОЛЕНА (перестрашена): Нема?

ДАНИЛО: Ліку нема, але єсть способ.

ОЛЕНА: Так моя корова уж пропала.

ДАНИЛО: Ніт, кажу вам, што єсть способ.

ОЛЕНА: Способ, як ратовати коровы от босорок?

ДАНИЛО: Так.

ОЛЕНА: Ой голубчику, кебы вы мні прозрадили тот способ, я вам не знати што бы дала.

ДАНИЛО: За то мене Бог во-дит по світу, штобы помагати до-брым людом.

ОЛЕНА: Ах порадте мні, што хочете, то вам дам.

ДАНИЛО: Ничого не хочу, лем отпнийте тоты пацюркы, што ма-те на шыі.

ОЛЕНА: Ци фиглюєте, діду, ци справді вам дати тоты пацюркы?

ДАНИЛО: Я ніколи не фиг-люю.

ОЛЕНА: Натє, діду, майте их.

(Отпинат пацюркы и дає дідові).

ДАНИЛО: Дякую ти красно. А генерь сідай та слухай, што ти скажу.

(Олена сідат коло діда).

ДАНИЛО: Ище той нocy о пів-ночи возми боденку, налій того молока, сяд на столец серед хи-жы и прав масло. Як масло зро-бишь, босорка сама приде.

ОЛЕНА: Ах, але то дуже стра-шно.

ДАНИЛО: Нее чого страхатися, бо босорка, то якась жена из ва-шого села, може быти и твоя найблизша сусідка або камаратка.

ОЛЕНА: Направду?

ДАНИЛО: Як так зробишь, то приде тота босорка, нito коро-ву показила.

ОЛЕНА: А што мам робити с ньом, як приде?

ДАНИЛО: Ніч, лем попозерай добре на ню, и то доста буде, вєце не буде мати власти над ко-ровом. Лем вонка уж не смієшь выйти за ньом.

ОЛЕНА: Добре, добре, діду, красно дякую вам за порадy.

ДАНИЛО: Богу дякуй, а не мні... А тепер я мушу ийти в дальшу дорогу.

ОЛЕНА: А може бы сте пере-кусили дашто, бо сте голодны?

ДАНИЛО: Ой ніт, бо як не маю солодкого молока, то дру-того не хочу. Оставай здорова, най тя Бог благословит. А што єм казал ти, то зроби ище сей но-чы.

ОЛЕНА: Добре, діду, идьте с

Богом, а приходьте ище до нас даколи.

ДАНИЛО: Аж Бог приведе тади. (Данило виходит).

ОЛЕНА: Сам Господь послал мі того діда. Як он красно, побожно говорит, зараз видно, што праведна душа... Але тот способ на босоркы дуже дивный и простый. Треба зараз взятися до роботы. Интересно, ци приде та босорка, и кто то есть. Ой, як ей зачну молотити тай пасати, чым попаду, аж паздирья буде с ней летити. А потом возму за волосья, привяжу до лавкы и так буду показовати людом. Так я зроблю и Марии то пораджу, най и она так зробит на свою... Але треба уж масло правити, бо не одолга північ.

(Бере боденку, наливает молока и начинат правити масло серед хижы).

Йой, так страшно, аж трясуся. О Боже мой, ктоси иде. (Наласлухуе).

(Мария отверат осторожно двери и входит).

ОЛЕНА: Ах Боже мой, што я виджу! Не думала-м за тебе, Марийо! (Лишат роботу и встае до сваркы).

МАРИЯ: Я на тебе тыж не думала.

ОЛЕНА: Шкода, што удавала-с мою камаратку, ты босорко.

МАРИЯ: Позерайте-ле на ню, с мого молока масло робит, а мене босорком называе.

ОЛЕНА: Ой небого, не плет таке, бо я зо свого молока роблю масло, што вчера выдоіла.

МАРИЯ: Но с того ты ся не выкрутишь. Мні говорила за бо-

соркы, абы мене ліпше затуманити, а ту сама босорка. О саму північ масло серед хижы правит, та яка честна газдыня таке робит?

ОЛЕНА: А я нароком так роблю. Тобі не любится, га? Ой небого, завтра уж ціле село буде знати, же ты босорка. А дідови най даст Бог здоровья за пораду.

МАРИЯ: Што за діда говоришь? От гнеска я тебе не хочу знати.

ОЛЕНА: Та кебы-с порядна была, то бы-с о півночи не притяглася ту до мойой хижы. Чому друга не пришла, лем ты, босорко.

МАРИЯ: Бо ты з мого молока правишь масло. Бодай ты смолы наілася.

ОЛЕНА: Ище кламешь мене. Як ты вытну дачым, то без головы підешь.

МАРИЯ: Лем попробуй. За мое молоко ище мі буде грозити така босорка.

ОЛЕНА (дуже зла): Не босоркуй мене, ты сама босорка. Я свое молоко давала дідови пити, але он познал, што молоко скажене, ты го показила.

МАРИЯ: Дідови? Якому дідови?

ОЛЕНА: Тобі што до того?

МАРИЯ: Бо и у мене был якийсь дідо.

ОЛЕНА: Ноле не цигань так.

МАРИЯ: Не циганю, лем правду говорю. Был у мене якийсь дідо и не хотіл молоко пити, бо покажене босорками.

ОЛЕНА: Не цигань, бо то у мене так было. Смотте, ище хоче мі голову крутити!

МАРИЯ: Я ти скажу, же задар-

мо я ту не пришла. Тот дідо до-радил мене, штобы я вышла о півночи, и где буде світитися, там есть босорка, што робит масло из мого молока. Я не вірила. Але иду вон и виджу, у тебе світитися, и ты справді сидишь серед хижы и правишь масло из мого молока. Так чого кричишь, чого таишь?

ОЛЕНА: Брешешь, бо тот дідо у мене был и казал, штобы я робила масло из того молока, што не хотіл пити, же тогди приде босорка... И она ту есть!

МАРИЯ: То неправда, бо дідо у мене был, та не выкручай.

ОЛЕНА: Ой бо ты циганишь! Та дідо у мене был.

(Входит дідо Данило).

ДАНИЛО: Што вы так розскричались, жены, ціле село буде знати? Тихше будьте!

МАРИЯ: Аж теперь выявится правда.

ОЛЕНА: Ци правда, діду, што вы недавно у мене были?

ДАНИЛО: Был.

МАРИЯ: И у мене вы были, ци так?

ДАНИЛО: И у тебе был.

ОЛЕНА: Коли так, то вы нас босорками поробили.

МАРИЯ: А то што за работа! Насмішки робити с нас? Пошли до одной и сказали так, а потом до другой иначе.

ДАНИЛО: Успокойтеса, што в том злого? Ци знаете, кто босорка?

ОЛЕНА: А што, то я босорка?

МАРИЯ: Або я босорка?

ДАНИЛО: Но так всі такы босоркы, як вы. (Скидуе зо себе

дідовскы шаты. Обі познают учителя).

ОЛЕНА: А то што, Данило, по якому то?

МАРИЯ: Та то не дідо!

ДАНИЛО: Теперь уж ніт, як видите.

МАРИЯ: А мы с Оленом так повадилися.

ДАНИЛО: Але теперь уж знаете, як роблятса босоркы... Но чекайте мало. (Иде до двери). Прокоп, ходьте до хижы.

ПРОКОП: Дай Боже.

ДАНИЛО: Теперь скажи, як было с Хаимом вчера, им треба то знати.

ПРОКОП: Иду я селом и встрічам Хаима. Каже, што хотіл бы купити корову от Олены и от Марии, але за половину ціны. Нагварял мене, абы-м сказал вам, што вашы коровы покажены босорками. Мал я вас настрашити, то вы бы продали за таку ціну, яку бы он вам дал. За то діло обіцаł мі по одной стовкі от коровы. Я уж зачал вас страшити, лем ту пан учитель пояснил мні, який гріх роблю.

ОЛЕНА: То зато приходил днеска вечером до мене паскудный Хаимиско.

МАРИЯ: Но видишь, якы злы люде на світі! Выдумают босоркы, штобы собі легко жити на світі.

ПРОКОП: Не гнівайтесь на мене, бо знаете, человек голодовал, то мусіл выслужовати Хаима и туманити людей... Але теперь пан учитель дадут мі заробок. И признаюся вам, што я николи не знал ворожити, лем за то так робил, абы достати на децо палюнкы.

ДАНИЛО: Дякуйте Богу, тетко и Марийо, што так сталося. Та ци будете ище вірити в босоркы? А теперь, тетко, маєте ту вашы пацюркы, што дали сте дідови за пораду.

ОЛЕНА: Ах я и забыла, што дала по мужови таку дорогу памятку.

МАРИЯ: А то вшитко про то-ты босоркы.

ОЛЕНА: Но што ученый, то

ученый, не так, як мы темны — знал отворити нам очы, нашол способ.

МАРИЯ: Слава Богу, што так сталося, теперь уж не будем вірити в босоркы.

ОЛЕНА: И так дальше будеме обі в приятельстві и в дружбі, як Бог приказуе. Уж не розлучит нас нияка сила. (Цілюются).

(Конец).

Заверуха на Лемковині

ДРАМАТИЧНА ШТУКА В 3 ОТСЛОНАХ

Написала МАРИЯ ТЕЛЕХ, Кливланд, О.

Особы: Семан Заруба — газда, літ 50; Крестина — його жена, 46 літ; Ефроска — их дочка, літ 20; пан Цурых — сельский писарь, літ 35; Стефан Сокира — сусід Семана, літ 40; Марина, Євка и Улька — сельскы дівчата, товаришкы Ефроскы; Софрон — паробок, літ 25.

АКТ I.

Сцена: звычайна сельска хата літушньом пором на Лемковині.

(Як заслона двигнесь, то из бочных дверей входит на сцену Крестина, котра тилько што встала из спанья).

КРЕСТИНА: Йой Боже мій любенький, та-ж я днеска так за-спала, што ани ем не чула когута, як співал (Шкробатся по голові). А може го юш и нее, може го лишка зыла... (Иде ку две-

рям, отверат и будит других):

Ей старый, вставай, бо юш солнце высоко, юш роса высохла, то як будешь косив? Барз добрый с тя газда! Нич ти не на мысли, лем читальня... Жебы-с пішол скорше спати, то бы-с и рано скорше встал, але вы обое с дівком кто зна коли приходите?

(Иде до других двери и кричит): Ей дівко, то ты ся не встыдашь так долго спати! Та сусідскы статкы юш коло границі, а нашы коровы ище не доены.

(Выходит по дрова. Семан входит, наливает воды до мисочки и ся мые, в самый тот час крестится и гварит "Отче наш" на голос. Крестина приносит дрова и кладе до пеца).

КРЕСТИНА: Сусідова Пайза юш принесла полный кошик грибів, та то ся зове дівка и буде с ней газдыня, а наша ище спит... А

жебы го ту чорт взял с дзядівскым газдівством.

СЕМАН: Та може бы-с го стулила... Ище ся не перекрестила-с, а юш чорта споминашь. Кричишь, а не знашь што.

КРЕСТИНА: Та не дзядівске тото газдівство? Што мы ся ту доробили?

СЕМАН: Так долго ся не доро-биме ничего, як долго панів будеме ховати.

(Входит Ефроска, бере дійники и иде коровы доити).

КРЕСТИНА: Старый, хоц бы-с на тых панів все не нарікал по даремници, бо они тобі нич не винуваты, же с дзядівской фамилии походишь, але жебы-с был добрый газда, то бы-с хоц своей дівці приказал, жебы паном Цурыхом не горділа. Хоц бы она мала ліпшу долю и я коло ней.

СЕМАН: Я не силую никого, а Ефроска мудра дівка, має голову на карку и двое добрых очей, она знае, як світ иде. Мене мон родиче силували, жебы-м ся с тобом женил, то яки мам роскошы? Сварка ціле мое житья... Тобі лем все панство на мысли, а имено не знашь подписати.

КРЕСТИНА: О стуль го, красото, бо-с го за дуже распустил.

(Семан взял торбу на рамено, плюнул и вышел. Крестина запальное в пецу и кладе горшок).

ЕФРОСКА (входит с молоком, дае мамі): Нате молоко, дост буде про пана Цуруха и про паця, а я иду статок на пасвиско выгнати и піду на Марешку сіно грабати.

КРЕСТИНА: Чекай не, я ти хочу штоси повісти.

ЕФРОСКА: Но повідайте.

КРЕСТИНА: Як приде пан Цурых, то ты отзывайся приемно, не отберай му чести.

ЕФРОСКА: Якв честь, як в нього ей нее? (Заверат на вікно).

Ага, юш пан иде с дзбаночком, юш попахал молоко, як коцур... Така сволоч мазепинска, а вы о чести бесідуєте. Про пана посту нее и пекла нее, а отец пішол косити о голоді, мусит чекати, аж ся капуста и бандуры зварят.

(Пан пукат до двери).

КРЕСТИНА: Прошу.

ПАН ЦУРОХ (с дзбаночком в руках): Дай Боже добре рано, пани Семанихо. (Обертатся до Ефроскы). О витай, панно Фрузко! О яка ты гарненька, як ягідка с молоком.

ЕФРОСКА: Ягідка красша без молока. А молоко мама тримают лем про пана и пацюка. И мое имено Ефроска по нашому, то не перекручуйте на вашу панску Украину... Мамо, я иду грабати сіно под Марешку. (Выходит).

КРЕСТИНА (Проціджуе молоко через мішок, наливает панови до дзбаночка и говорит майже с плачем): Видите, паноньку, яки гнеска дівкы суть! Таке вперте—я свое, а она свое. Што я повідам, она собі смішкы робит. Коли мі моя мама повіла, то так я робила, а гнеска посмотте...

ПАН ЦУРОХ: Пани Семанихо, вы тым не журітьсє, бо я ище ей напавду ани не просил выйти за мене, ани не склонял до того. И она не зо своей головы то говорит, бо ей ктось баламутит. Я бы лишь бажал, штобы

ви ми помогли отнайти тоту причину. бо я за тым сліджу уже другий рік.

КРЕСТИНА: Йой Боже святий, чом бы ніт, кедь бы-м могла! Але я не зауважила нічого такого...

ПАН ЦУРОХ: А чи вы не бачили Фрузку читати даяку газету?

КРЕСТИНА: Но, Боже заваруй. Я читати не знам, ани не уважаю, жебы она дашто таке читала... А што то есть газета, як она виглядат?

ПАН ЦУРОХ: То такий папір, як плахта с великим надписом, зложенный во двое. То приходит з Америки, а называют то "Лемко". Ну пошукайте, може она где сховала ту в хаті.

КРЕСТИНА: Но мы не маме нікого в Америці, жебы то нам присылал. А по друге, як даякий папір має, то бере зо собом до читальни.

ПАН ЦУРОХ: Но пошукати не пошкодит, може всі числа не забрала. Я вам поможу. Вы пошукайте ту в кухні, а я пошукам там, где она спит.

(Пан Цурох выходит до другой комнаты, а Крестина глядат в кухні. За хвилию пан Цурох вертатся).

ПАН ЦУРОХ: Ну, не нашли нічого?

КРЕСТИНА: Ніт, не нашла.

ПАН ЦУРОХ: И я не нашол.

КРЕСТИНА: То вы, пане, думате, што то газета ей так поспула?

ПАН ЦУРОХ: Так, так, пани Семанихо. Той "Лемко" поспул не тилько вашу доньку, но весь молодой народ ту в селі. Я то мушу вынайти. Вы знаєте, што и

польский жонд уже заборонил присылати тоту газету ту до нашого краю, а они и так достають ей тайно через границу з Чехословакии.

КРЕСТИНА (перестрашена): Та за то и до криминалу мож достатися.

ПАН ЦУРОХ: Не лем до криминалу, за то посылають просто до табору, до Березы... Но вы не страхайтесь, я то перенайду и вас перестережу.

(Бере дзбаночок и хоче выйти).

КРЕСТИНА: Зачекайте же, паноньку, дам вам пару яец и масла, жебы сте мали на чім спражити. (Приносит и дає).

ПАН ЦУРОХ: Біг заплять вам.

КРЕСТИНА: Споживайте на здоровье.

ПАН ЦУРОХ (Хотіл выйти, но вертатся ище от дверей): Пани Семанихо, вы думате, што Фрузка направду под Марешку пішла сіно грабати?

КРЕСТИНА: Та не могла инде піти, бо не лишит роботу в такий день.

ПАН ЦУРОХ: Так, так, то дуже добре. Дякую вам, пани Семанихо. Бывайте здоровы. (Выходит).

(Куртина опускается).

АКТ II.

Сцена: открыте поле коло ліса. В заді дерева и крякы.

(Як заслона двигнесь, то с боку входит Ефроска с граблями на рамени).

ЕФРОСКА (роззератся на всі стороны, а потом гівкат три разы): Гу-гу! Гу-гу! Гу-гу!

(Из ліса отзываются голос: "Га-га! Га-га! Га-га!" За хвилию выходит Софрон).

СОФРОН (подає газету Ефроскі): Варуйся, бо за нами слідят.

ЕФРОСКА: Не бійся, товаришу, я знам, кому можно дати. (Ростверт газету, хоче читати).

СОФРОН (поглянул в одну сторону, скоро обернувся к Ефроскі и говорит тихо): Сховай, бо якась чужа людина сюда иде. Будь здорова! (Иде быстро в ліс в противну сторону).

(Ефроска скрыла газету под листья за дерево, потом вертатся на сцену).

ЕФРОСКА (співат):

Горы мон, горы зелены
Прекрасным віночком стелены,
Шолковым травичком покрыты,
Віками, роками забыты.
Горы мон, горы прекрасны,
Як на небі зірочки ясны.
Як в гаю рожы червененькы,
Такы мому сердцу вы миленькы.

(Пан Цурох подходит помаленькы и лапат Ефроску за плечы).

ЕФРОСКА (будто перестрашена): Ой, кто то такий?

ПАН ЦУРОХ: Але ес ся настрашила!

ЕФРОСКА: А тебе який чорт ту принюс?

ПАН ЦУРОХ: О я думал, што тобі самой ту скучно під лісом.

ЕФРОСКА: Вы, паноньку, не старайтесь за мене... Але я думам, што вас ту инша мара принесла?

ПАН ЦУРОХ: О яка ты нечемна... Я пришол трохи побалакати.

ЕФРОСКА: Я не мам часу с вами балакати и не хочу.

ПАН ЦУРОХ: А як бы так было, жебы я тебе поціловал (Иде ближе).

ЕФРОСКА: Ліпше не пробуй, бо пожалуешь.

(Пан Цурох хоче ей обняти. Ефроска як не трісне го в пысок, то пан аж ся скрутил).

ПАН ЦУРОХ (злый): Чекай, я ти того не подарую, ты проклята москвофилько. Скоро война приде, то перша будешь на вербі повішена.

ЕФРОСКА: А ты пущьвірку, та теперь ес любовь показувал и юш ту мя вішашь.

ПАН ЦУРОХ: Я знаю, што отримуешь "Лемка".

ЕФРОСКА: Ага, юш вышла правда наверху, зачым ты шпионуешь... Вступся, огыдо, мі с очей, бо як тя махну граблями, то не увидишь николи свою неньку самостійну.

(Скочила за ним с граблями, але он дал ногам знати. Ефроска нашла камін и побігла в тоту сторону, за Цурохом. С другой стороны из-за крячины выходит Стефан Сокира с косом в руці).

СТЕФАН (смієся): Но але то дівка, дівка! Так замалювала того зайду, што ани не знал де обернутися.

(Чути голос дівчат, як гівкают. Стефан смотрит в тоту сторону. За хвилию прилітуют Євка, Улька и Марина).

МАРИНА: Добре, сусідо, же сме вас нашли.

СТЕФАН: А што, дівчата, може даяка новина.

МАРИНА: Може и новина бу-

де... Мы виділи, як тот пан писарь ишол под Марешку за Ефроском. Он знає, же гнеска газета має надыйти, то певно за тым слідит. А Ефрощина мама ся тішит: она думат, же пан писарь Ефроску любить, то буде мати зятя с панского роду. Я боюся, жебы Ефроска дагде там газету не читала, як он приде.

СТЕФАН: Шкода, дівчата, же сте ту не были перед хвильом, то бы сте виділи, што одна добра лемковска дівка може с паном зробити.

МАРИНА: Кто? Яка дівка.

СТЕФАН: Та Ефроска.

УЛЬКА: А што му зробила?

СТЕФАН: Так лупла по пыску того пана писаря, што аж ся пообертал и ани не знал де втікати, а она за ним с граблями полетіла.

МАРИНА: Добре му зробила, бо то таке говедо, всяди зазерат и шпионує... А де она теперь?

СТЕФАН (показує): В тоту сторону там погнала за ним.

ЄВКА (надслухує): Ей чуєте, што я чую? Ефроска співат там, то ей голос.

УЛЬКА: То она (Всі слухают).

СТЕФАН: Я думам, же пан Цурых николи ся не дознат, як нам газета приходит, лем ся тримайте так надальше. Он ходит по селі и нюхат, кто чым пахне. Но днеска не тот світ, што был даколи. Старых людей страшили москалями, же то такы люде с одним оком, але в тамту войну мы их виділи, бо были ту в наших горах, то теперь никто в такы байкы не повірит.

ДІВЧАТА ВСІ: Ей Ефроска юш иде!

СТЕФАН: Я вам повідал, же ей не буде нич.

ДІВЧАТА: Та як, ище єс жива?

ЕФРОСКА: Та што ся мало стати зо мнов? (Смієся).

МАРИНА: Бо мы виділи того мазепу Цуруха, як ишол за тобом под Марешку...

ЕФРОСКА: И я го виділа, але он юш николи за мнов не піде...

МАРИНА: Стефан нам ту повідали, же-с го вдарила в пысок и граблями хотіла-с го перемалювати.

ЕФРОСКА (до Стефана): О та вы ту были?

СТЕФАН: Я был там за кряками и виділ, лем ем не дочул, што он тобі таке повіл, же так тя назлостило.

ЕФРОСКА: Та с початку ліз нахально ко мні цілуватися, а як ем му дала по гамбі, то грозил, што скоро буде война, я перша буду повішена на вербі.

СТЕФАН: Йой ци го Бог не скаре злодія за наш хліб, што жре! Видите, што они рыхтуют, прокляты зрадники! (До Ефроски): А Софрон ту не был?

ЕФРОСКА: Як бы ніт! Ту єсть газета (Вытігат из-за дерева). Я днеска штоси предчувала, то ани-м ся на ню не посмотрила, лем скрыла в кряках, бо Софрон мя остерегал, же ся барз на нас рыхтуют.

УЛЬКА: Ноле, Стефан, скоро читайте, што там нове.

СТЕФАН: Но посідайте, дівчата, на землю, и дораз ся дознаме, што нове во світі. (Всі сідают,

Стефан читат по тихи, потом толкує).

Гев пише так, што полякы и украинці тішатся, же Гитлер им даст, што они хотят — полякам велику Польшу от моря до моря, а украинцям самостійну Украину с панами. И же москаля розберут. Але то так не буде, як они собі думают, бо Гитлер юш забрал Чехословакию, теперь забере Польшу, а так ся шмарит на Россию и там собі карк зломит, уж ся оттамаль не верне.

МАРИНА: Думате, же Россия буде в силі тоту сволочь перемочи?

ЕФРОСКА: А мы лемкы што? Я сама перша за партизанку иду на русску сторону... Як вмерати, то под русским именем.

СТЕФАН: О но, Ефроска, та-ж я якийси хлоп, то хлопы наперел, а вы дівчата за нами.

МАРИНА (смієся): Стефан, вы мылитесь, бо Ефроска уж днеска войну зачала и одного уж перемогла. (Всі сміються).

СТЕФАН: Но, дівчата, сміх на стороні, бо война што-день то ся начне, так ище напавду придеся нам всім воювати.

Я вам ту повім стару историю. Коли я был ище малым хлопцем, то я барз любил прислухуватися, як стары дідове бесідували за анцихриста, же має придти на світ и буде людей тягати на свою сторону. Має мати 12 меньших голов и дуже дьябліз коло себе. Но и видите, же юш ту суть. Гитлер, то тот анцихрист, за котрого предповідали, а його дьябликы, то суть тоты украинскы голодны панове-неробы, котры ходят по

селах помеж наш народ и тягнут людей на його сторону. А як ся им человек не хоче поддати, то грозят сухом вербом.

УЛЬКА: А тых 12 меньших голов, то кто буде?

СТЕФАН: То певно тоты меньшы краинны, котры идут с Гитлером.

ЕФРОСКА: Но уж сме побесідували, то треба ся розыйти... А на вечер до читальни посходитеся, там ся забавиме, бо може уж остатний раз. И треба "Лемка" передати, бо там хлопці ледво чекают. (Встают и выходят).

(Куртина опускається).

АКТ III.

Сцена под лісом, як и в II акті. Стефан Сокира сидит при огню, пече бандуркы. (Огонь можна зробити так, што дати електричну лампу, закрыту червеным папером, а наверху наложить дрова). Стефан обертат патыком бандуркы, вынимат по одной и іст, притом подспівує не дуже голосно "Ой верше, мой верше", аоо даяку другу співанку.

(Ефроска виходит из ліса. Она в военной формі. Роззератся, увиділа Стефана и подходит ближе. Стефан оглянувся, але не може ей познати).

ЕФРОСКА (подбігат к Стефану): Стефане, та то вы?

СТЕФАН (Встал от огня): А ци то не Ефроска? (Обнимаются и витаются сердечно).

ЕФРОСКА: Як то мило, же мы ся ту зышли ище!

СТЕФАН: Де ты ся ту взяла?

ЕФРОСКА: Та иду додому, бо юш по війні.

СТЕФАН: Сядь собі ту коло огня и отпочний. А може-с голодна?... Берь бандурку, як раз ся впекали. (Достає бандурку и дає ей).

ЕФРОСКА: Стефана, як вы переживали войну, не были сте нигде зо свого села?

СТЕФАН: О и я был, забрали мя на работы, лем вчера пришол ем до села, але ем никого не застал з мойой фамелии, ани хижы нее. Осталось там пару людей, то довідал ем ся, што-м хотіл, и замышліл ем ийти до России за свойом фамелиом.

ЕФРОСКА: А як там наші?

СТЕФАН: Не барз добра новина про тебе... не машь чого ийти до села. Твоя мама не жие — была забита німцами и січовиками, отец пішол в Россию, а с вашой хижы нее ани сліду.

ЕФРОСКА: Так видно, иншого выхода нее, тилько пожегнатися наразі с нашими горами и ийти на восток до нашої прабабкы России...

Тоты анцихристы, як вы их звали, рыхтувалися на мене, але ся им не дало мене знищити, так помстилися на мойой невинной матери. Не звертали увагы на то, же их кормила и вірно им служила.

СТЕФАН: То есть добра наука про оставшийся народ, бо в войні показалося ясно, кто есть вірный наш друг, а кто ворог нашо-го народа.

ЕФРОСКА: А село ціле спалене и розбите?

СТЕФАН: Осталися три хижы,

але и тоты подіравлены кулями, то их кус поправили и жие в них пару молодых людей, котры повернулись з Німеччины.

ЕФРОСКА: А не довідали сте ся дашто за мои товаришкы — Марину, Утьку и Євку?

СТЕФАН: Они юш на всході. Были в Німеччині, але вернулись счастливо и пошли за своими.

ЕФРОСКА: О яка я рада, што и они пережили тоту страшну за-веруху, може ище зыйдемся разом с ними.

СТЕФАН: Ну треба и нам за-браться в дорогу, бо вечер близко. Попрощаймесь с нашом рідном земльом. (Встают обоє лицом до заходу и говорят або співають).

Прощай, прощай, дорога нам Лемковина. Прощай, наша рідна земля. Прощайте, сосны, ядлівці, прощайте, березы, яличкы, де мы выпасали на вовну овечкы. Прощайте, горы, лісы, долины, де сме зберали грибы, малины. Прощайте, быстры річкы, яркы, зимны воды, што сте были нам для здоровья и охолоды. Прощайте, травом зарослы могилы, де почи-вают наші діды, прадіды. Мы вас лишаме, на восток идеме, но вас николи не забудеме.

(Обертаются на восток и так само говорят або співають разом, тримаючи руки догору).

Най жие Русь, наша мати — широка русска земля.

Най жие великий русский народ — най ся новыми побідами прославляє и трудами сбогачає.

Мы к своим братьям идеме, там свое счастье найдем.

Конец.

Стародавны лемковскы обычаи

Никто не може аккуратно по-вісти, коли лемкы поселилися в Карпатских горах. В тоты давны часы не лем же люде не знали письма, але ани никому до мысли не пришло, што початками и житьом того народа будущы покоління будут интересоватися. Та не лем о початках лемков нїт точной истории, бо и много других великих и малых народов и племен не мают точных данных о своих початках, бо их история тратится во мракі далеких віков.

Но што лемкы являются самыми старинными жителями своего лемковского краю, можна с певно-стью утверждати, бо на то указуют незвычайно богаты народны обычаи, в котрых лемкы суть крепко залюблены, а тоты звычаи и обычаи связуют лемков с далеким минувшином. Лем крепко за-сяденный на земли и любовно привязанный до своего краю народ може створити, розвити и глубоко кохатися в своих обы-чаях, котры надают вартость люд-скому житью и подносят його фамелийный и общественный культ.

В лемковских звычаях и обы-чаях, в бесіді, в преданиях и по-вірках, приповідках и погово-рках на каждом кроку встрічае-м сліды далеких часов поганства, або язычества, в яком были на-



Н. Цисляк.

ші предкы перед тысячом ро-ков.

Віра наших предков в тых ча-сах была так простом, як и их тогдашне понятие о природі и ей силі. Язычество, як религий-ный культ, возникло из боязни або почтения перед непонятными явлениями природы и ей силом. Ище днеска, в часах высоко роз-витой науки, люде боятся неосво-енных або непонятных им сил природы, а тогдашний человек, с малым понятием о світі, был пе-

ред ньом просто безрадним. Такі явлення в природі, як приміром: чого сонце сходить и заходить кожного дня, чом в ночи на небі показуєся місяц и звізды, чом літо и зима слідуют едно за другим, откаль берутся вітры, хмары, дощ и громы, — для наших предков были совсім непонятны. Бурю або зимову заверуху они выобразали собі, як зажерту борьбу меже двома богами, добрым и злым. Добрых боггов они любили и славили и дякували им за их доброту. Злых боггов они не любили, але же не мали способу приказати им, старалися залагодити такого бога просьбом або жертвом, подобно як и недоброго человека пробуют задобрити красным словом, просьбом, а часом и остатньом сорочком с плеч.

Штобы отдати честь добрым богам, або ублагати злых, наши предки думали, што для того належится провести торжественно с многими церемониями жертвоприношения богам. Для таких торжеств они сходилися до найкрасшай долины або поляны, и там под проводом начальника, передового человека, отправляли торжество, то поединчо то хором співали поетичны, богам уложены оды, котры тяглися цілыми годинами. Послі або подчас того співу приносили жертвы с урожаю, огородины, птиц и скота, котры звычайно спалювали на огни, а так богато и весело гостилися и бавилися вгры: в вовка и стадо, перерывали мосты, будували живы вежы, выбивали клин-клином, перескакували “жа-



Лемковске дівча.

бы”, потом при співі и музыкѣ заводили веселы танцы и хороводы.

Периодичных праздников, як мы маме днеска каждый семей день неділю, они не знали. Свои праздники они устроювали лемпару раз до рока, найчастійше при переміні рочных сезонов: в зимі, на ярѣ, серед літа, в осени, но зато таке торжество, коли уж началось, тяглося и пару дней.

Уж в той далекой минувшині появлялися способны різьбаре, каменяре и други майстры высокої фантазии, котры из материа-



Иван Прокопчак.

лу почали изображати формы отдільных боггов и богинь, с чого створилося идолопоклонство, люде почали уважати фигуры вмісто невидимых боггов, и кромѣ видимых боггов, як огню, солнцу, звірятам, кланялися и деревляным идолищам. Кромѣ видимых боггов и идолищ, они мали ище домовых и фамелийных боггов и духов, котры, здаєся, укрывалися в каждом куті дома. От духов залежало счастья, здоровля, богатство, добрый урожай, расплод скота и други благоденствия. Тоты божкы и духы были добры або пакостливы, и треба было жити осторожно, абы не образити доброго духа, або не войти в дорогу пакостливому. Тых божков было таке множество, што



Сидор Співак.

здавалося, они укрываються за каждым деревом, за каждым пняком, камнем, а навет за каждым сухом билинком в поли.

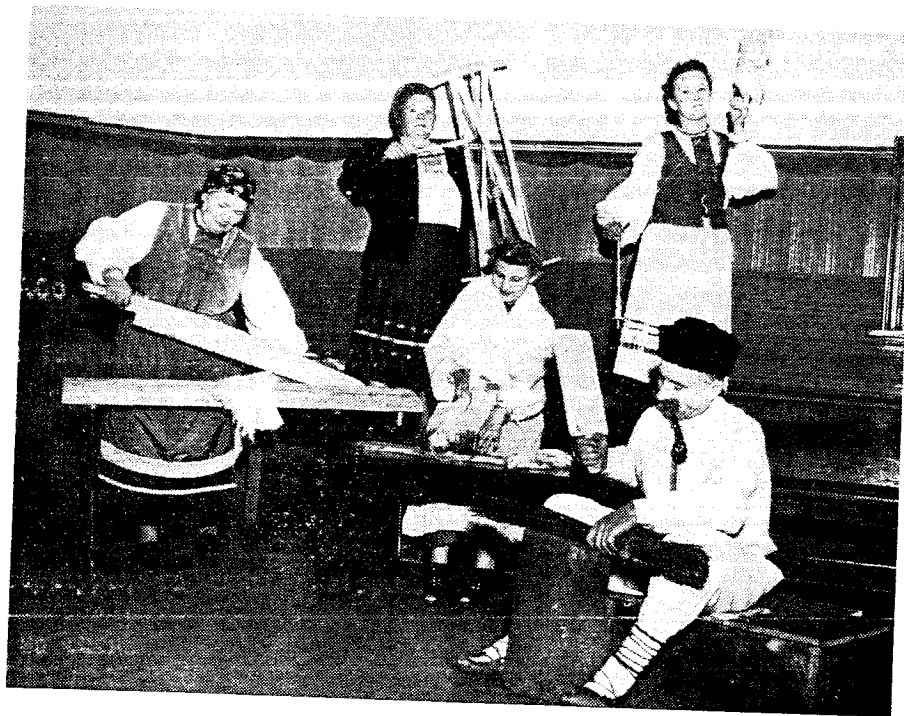
Понеже в тоты часы освоєный скот в каждом господарстві и в каждой громаді являлся найвысшим богатством, то наши предки выобразили собі бога скота Велеса, або Волоса (от слова волос, волосатый скот), котрого дуже высоко уважали и торжества и всякы други обряды йому устроювали в зимі и на ярѣ, при выпуску скота на поле. Повіріє, котре ище до днеска сохранилося меже лемками, што поросший по тілі волосом человек есть або буде богатым, походит с тых далеких часов поганства. Аж дивно, як через ціле тысячелітє

християнської ери того повір'я меже народом сохранилося.

Торжественні церемонії і народні гуляння наших предків-язычників ясно можна поділити на два розряди. Одні, менше-більше регулярні торжества, устроюватися в честь богів, другі торжества в честь людей, при таких випадках, як уродини, женячка і похорони. Торжества в честь людей були так само багаті і величественні, як і торжества в честь богів, однак коли почит богів нашими предками треба признати наївним і отсталым, торжества в честь живих людей, самих себе, треба признати високо культурним явленням в життю наших предків. Отдати честь людям і старатися

зробити їх щасливими, творити уваження друг к другу і днеска являється найвищим идеалом передового людства, котре працює і борється за тоті идеали.

Яким би заотсталым поганство ни было, оно тоже переживало свои реформы в социальном укладі народного життя. В родинно-супружеских отношениях мож за-примітити два порядки. В старшом укладі, на весну, в день так званних "Собіток", всьо население громады собиралось над ріком для торжества. Вечером розкладали огонь, вокруг котрого велися танцы и перескакування молодых пар понад огонь. "Собітка", то был один день в року, назначенный на женячку. При танцах и перескакуванью понад



"Лемковскы Вечиркы" в Кливланді.



"Лемковскы Вечиркы" в Кливланді.

огонь, в присутности родичов, молодежь познавалась и послі церемонии залюбленна пара пропадала. Залюбленный уносил залюбленну до свого дому и с того дня она уважалась його женом. Кто не добрал собі пары на том празднику, або кому бракло пары, тот мусіл ждати на женячку цілий рок, до другого праздника "паленья собітки". Таким системом наши предки, видно, были недоволены, бо доходило до того, што недобравша собі пары группа на своей "собітці" нападала на "собітку" сусідной громады и силом выкрадала молодых дівчиц. То доводило не лем до кровопролития, але вызывало недовольство недобранной пары, тугу за родичами, бігство с дому молодого, недоволення роди-

чов положением своей донькы и так дальше. Яким то способом тот порядок был заміненый новым, где молодых больше не выкрадали, а наперед заключали порозуміние меже родичами и молодыми, и родиче молодой, штобы установить ей на відповідне місце, на яком хотіли ей видіти, посылали за молодым придане, кромі грошей або другого доробку, конечно пару волов и другого скота на "роплодок", яко подставове богатство в каждом господарстві.

Новая система женячки, добровольно и загално перенята нашими предками, показала ся настілько практичною, што сохранилася до нашей памяти. Хоц новый обычай женячки прийнялся, то празднування "собітки" отбы-

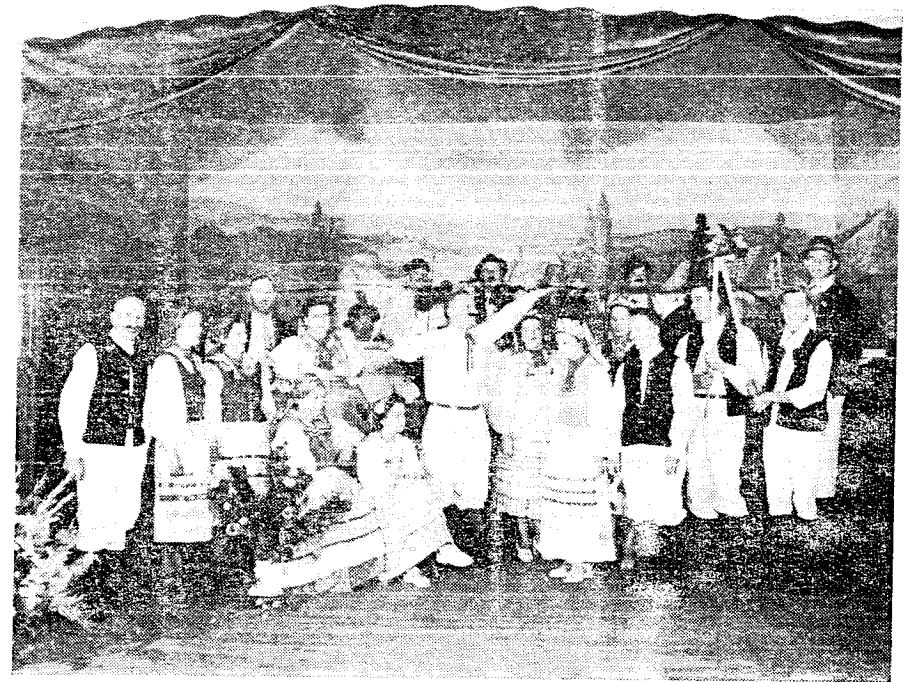
налися дальше в самой середине лемковской территории до наших дней. Такие паленье “собітки” празднуют околичны села Вышовадка на Залісью и Варадки на Маковици, то есть по обох сторонах нынїшньої польско-чехословацкои границы, где доступ коммуникацийный трудный, и чужы впливы, котры выполокують народный характер и обычаи, не мали такой силы. Правда, на тых “собітках” не выкрадають больше дівиц, але роскладають огонь, перескакують, танцують, співають и забавляються коло него. При том сохранилися старого уклада баллады и оды, повольны мелодии, котры переносят ваши чувства и ваши мысли гет в далеке прошле, в примитивне житье наших предков. Под впливом таких праздников паления “собітки” молодой любитель поэзии из Маковицы написал верш, котрый был помещенный в календарі Лемко-Союза на 1933 рок, и видно был составленный под ритм и форму старинных мелодий, якы он чул на той “Собіткі”:

На “Собітку”, на Купала,
Анця кабат залюпала.
Як злюпала, най высушит,
Най ся дакус в дымі сдушит.

С введением христианства на Руси и на землю наших предков в Карпатах была заведена грамотность. Не была то легка работа, бо привязанный к своим богам народ боялся новой віры, штобы не погнївати своих старых богов. Нова віра и грамотность должны были освободити народ от того бесчисленного множества

богов, божков и духов и приношения им жертв, што докучало уж каждому. В частности то удалось досягнути. Но под впливом наивного вірования народа в старых богов, и церковь потягла за собой много поганских обычаев и навыков. Найлучшим приміром може послужити приношение жертв богам. За часов поганства не было священников и не будувалися церкви. Послі принятия христианства, на удержанье священника, будову церкви и прихода была установлена однорочна жертва в праздник Св. Николая. Помимо того, што в позднійших часах, церкви и приходы были наділены державом землями и пенсиями, тот звычай приношения хліба, лєну, полотна, птиц и теляток перед икону Св. Николая остался, изображаючи в цілой полноті приношение жертв богам нашими предками в дохристианских часах. Нова віра все такой была новым порядком, новым системом житья, так што то даже вошло в народну бесіду, приміром: выразы “окрестянитися”, “окрестянити хижу”, котры до днес сохранилися в лемковском языку, означают просто — привести себе до порядку, очистити хижу, умытися и прибратися.

Если уж церковь и ей обряды во многом поддалися навыкам язычества, приміром, обычай выкропляти хижу от злых духов и т. д., то цілком природным есть, што в цивильном житью, поза церковь, осталось множество обычаев, связанных с поганскими забобонами и віщаниями при всяких работах дома, в стайни и



“Лемковске Весіля” в Кливланді.

в полю. При таких родинных церемониях передавалися с рода в род старинны пригваркы, зашепты, або и напівы, котры ясно доказуют свое предвічне походженье. Но наибольшым и найбогатым наслідством, достойным великого уважения и подиву, являеся вічно живой весільный обычай с його обрядами, співами и пригварками. Тот обычай подносил человека и надавал великой вагы и ціны людскому житью.

На супружество и моральне родинне житье наши предки звернули головну увагу уж в далекое прошлое. Супружество уважалось наибольше святым законом и переломовым порогом в житью каждого человека. Тут, як перед высоким порогом, кончилося

свободне житье молодых людей. Двое молодых прирекли собі вірность до гробовой дошки, ставали ответственными за воспитанье своей родины и членами громады. И длятого наши предки час супручества каждой пары старалися як наибольше торжественно отзначити. Таки торжества отбывалися не днями, а цілыми тыжднями. Молодых награждали подарками, укладывали для них пісни, предвіщали им будущность, благословляли, веселили их и продолжали торжество всякими приданами, свациями, поправинами, и расходилися по домам, як уж были певны того, што молода пара надобре до себе привыкла. Велику увагу на себе звертають мелодии то смутны

до разрыву сердца, то веселы до невысказанной радости. В словах співанок порушуються найрізномірніші сторони людського життя. Недармо люде, котры студиюють народны обычаи, лемковске весілля называють красивом народном опером. Тут молоду пару обожають як найдорожший скарб світа. Молоду уберають так, як собі виображають водну богиню Русалку, с барвінковым вінцом на голові. Подобно ей, приберають ей найблишты товаришкы-дружкы. Свашкы преподносят матери коровай (коровяр) украшений барвінком, овочами и печивом в честь Лады, головной богині обильности и щедрот, при чом співають трогательно религийны напівы, якбы молитву, на початок весільного торжества. Выпробовують вірность молодого, ци он знає, котру спросил, представляючи му "матуну", дружкы и т. д. И наконец символично мати выходит витати молоду пару и всю дружину с хлібом, овязанным повісмом лєну, в кожуху, выверненным наверх, в знак благословенства богом Волосом. Таке торжество єсть як бы дивным сном для молодой пары. Она чує обовязок с великим достоинством продолжати житє чело́вічєске на землі.

Тот богатый весільный обряд, як и много других, доказуют бесперерывну связь нашего народа со своими предками, котры не

принесли ани не перебрали от никого тоты звичаи, а сами створили их и охраняли за долги и долги вікы. Як грамотному чело́віку для його прогресса потребна азбука, або рахующому чело́віку потребно знати перших десять цифр, так каждому культурному чело́віку треба знати и шанувати початкы житья своих предков, бо на прошлом, як на азбуки або цифрах, он познає, што добре, а што зле, и на прошлом, як на твердом ґрунті, операт свой прогресс.

За послідных пару літ у нас в Кливланді был поставлений ряд представлений, меже котрыми суть и такы, котры розсказуют нам о прошлом наших предков. Мы гордимся тым, што наши предкы, помимо особенно трудных условий житья, яке они переносили в гористом своем краю, в общественном отношении велись культурно и нам оставили таке богате старинне наслідство, якого мы не запримічаєме меже другими народами. Мы будеме продолжати таку роботу и надале, бо тоты обычаи народны связуют нас не лем с прошлым, але и с нашим любимым лемковским крайом, в котром наши предкы жили, до котрого мы своимєся и николи його не отречемєся, хоч бы яка система житья зашла на світі.

Николай Цисляк.



ИЗ ЛЕМКОВСКИХ НАРОДНЫХ СПІВАНОК

Горы наши милы,
Горы наши славны.
Где вы ся поділи
Мои часы давны?

Як воды до моря
С наших гор поплыли,
Так ся мои часы
Скоренько минули.

Горы положисты,
Поляны зелены,
Выглядате, як бы
Плюшом выстелены.

Добре ся на горах
Поляночки косят,
Кед ладны дівчатка
Добре істи носят.

Заросли мі травом
Уж давны стежечкы.
Кади я преганял
С мом милым увечкы.

Теперь уж не зайду
Ку тому бучкови,

Где ем косу клепад
Своему сыночку.

Янчику златовлас,
Чом не ходишь до нас,
Ци ся мамы боишь,
Ци о мя не стоишь?

Мамы ся не бою,
И о тебе стою,
Лем ся преокруті
Злых языков бою.

Бо тоты языки
Горшы нежли мечы,
Порубле, посече,
А кровь не потече.

Тогда, мой миленький,
Тогда буду твоя,
Як на нашем столі
Выросне тополя.

Тополя выросне,
Маеран завитне,
Тогда мое сердце
До твоего прилипне.



С НОВЫМ ГОДОМ 1952

Привіт Лемко-Союзу
и читателям "К. Руси"

ЮЛИЯ И ПАВЕЛ ШВАК
Box 62
Reinerton, Pa.

Jos. T. Bizub

Funeral Home

295 Third St.
Passaic, N. J.

Добра обслуга
при похоронах.

*Дом Лемко Союза
Кливланд, О*



Витайте в Лемковском Народном Домі

Дом Лемко-Союза в Кливланді есть общественным культурным осередком для лемковской эмиграции и молодых поколений в Америкі.

Дом Лемко-Союза, то выраз сознательности, патриотизма и единства лемков; он есть наша слава и наша гордость. Нигда не оминайте свой Народный Дом.

2337 W. 11th Street
LEMKO HOME
Cleveland 13, Ohio

Tel. PR. 1-9056

Tel. 2332-J

Compliments of

Lemko
STEPHEN
SKIMBO

Meats
and
Groceries



Carpathian-Russian Store

MEATS AND GROCERIES

A good Place To Buy At

*

445 Winters Avenue
West Hazleton, Pa.

СЕРДЕЧНЫ ПОЖЕЛАНИЯ
для всіх славян от членов

НАРОДНОГО ЦЕНТРА

158-160 Мерсер ул.
Джерзи Сити, Н. Дж.

* * *

Если приидете до Джерзи Сити, а не мате адреса от своих крайнов, то приходьте до нас, а мы постара-
меся их найти.

Також маме розмантого рода за-
куску и напитки.

Комитет
Народного Центра.

Compliments of **Fannie Stoppi's Cafe**

Beer, Liquors & Wine

Поздравления всім от крайны:
Фенны Стапей из села Куляшне,
повіт Сянок.

ЗАХОДТЕ ДО НАС!

433 W. Pine St. Frackville, Pa.

Ю. ДУТЧАК

будує новы дома, також поправляє
стары дома.

GEORGE DUTCHAK

536 — 7th Ave.
North Troy, N. Y.

Tel. 6950

Compliments of

Eva DuBovick (formerly Eva Skimbo)

446 Winters Ave.
West Hazleton, Pa.

Russian Ice Cream Parlor
All kinds of magazines, all sorts
of Sunday papers and comic
books of USA

also

Candy—Cigars—Cigarettes
and Soda of all kinds
Ladies cosmetics, lotions and
apparels of all kind to your
needs.

Sales Mgr.
Eva DuBovick.

YONKERS, N. Y.

Tel. YOnkers 9-9160

Woodworth Restaurant & Bar

FINEST FOODS—WINES—LIQUORS

ANTHONY DURKOT, Prop.



Внутренний вид ресторана Антона Дуркота. — На фотографии: властитель Антон Дуркот в своем новопереділанном и модерно зарядженном ресторані.

Дуркот ест наш бизнесиста.
Гей крайне, з дальша — з блиска
Он наш крайн из Ганчовы
Приготовлят смачны стравы.
Всьо ма свіже первокласне,
Што жолудку ест користне.
Таке пиво, як сметана,

66 WOODWORTH AVE.

Ци то в вечер або з рана.
Розкажете, што хочете,
Добре съісте и выпьете.
Як Вас смуток долігае —
Он и на то лікы мае.
Завитайте все до свого,
Он обслужит Вас каждого!

YONKERS, N. Y.

Tel. YOnkers 8-7767

John Malutich
Grocery & Delicatessen
ALSO

ICE CREAM, SODA, CIGARS
and CIGARETTES

Иван Малютич

В шторі Малютича Ивана,
В полудне, в вечер и зрана
Свіжий товар достанете.
Он наш крайн з села Ріпок,
Всьо продае на ужиток!
Николи не пожалуєте!

*

* *

131 Yonkers Ave. Yonkers, N. Y.

YONKERS, N. Y.
Tel. YOnkers 5-5109

N. M. Washienko

Real Estate & General
Insurance

Notary Public — Income Tax
Service
Appraiser & Licensed Real Estate
Broker.

*

* *

Удавайтесь до свого крайна, коли
купуєте або продаєте дом ци бизнес.
Он дорадит и поможе при ассекура-
ции и при уплаті доходного по-
датку.

403 Nepperhan Ave.
Yonkers, N. Y.

Tel. YOnkers 8-0715

ПРИВІТ ВСІМ
КРАЯНАМ,
ПРИЯТЕЛЯМ
И КОСТУМЕРАМ
от крайна

Владимира Гончарик
СВОИ ДО СВОГО!
КРАЯНЕ ДО КРАЯНА!

*

* *

Wladimir Honcharik
GROCERY

ALSO
BOTTLED BEER, SODA
& CIGARETTES

46 Bennett Ave., Yonkers, N. Y.

Tel. YOnkers 3-8233

Ignatius Durniak
GROCERY & DELICATESSEN

*

* *

У Гната Дурняка
Крайна з Ганчовы
Свіжа grosерия
И шинкы готовые.
Знаете: свой до свого,
Заходте до нього.

* * *

ГНАТ ДУРНЯК

17 Garfield St. Yonkers, N. Y.

THIS BANK'S RESOURCES NOW EXCEED 40 MILLION DOLLARS

Greater Than Any Individual Commercial Banking
Institution In Westchester County, Made So
By Its Own Internal Growth.

It Is Patronized By Depositors Having More
Than 57,000 Accounts, Greatest Number
of Any Individual Bank Or Business
In The Territory It Serves.

FIRST NATIONAL BANK IN YONKERS

(Member Federal Deposit Insurance Corporation)

Tel. YOnkers 5-4200

Compliments of Dellwood Dairy Co., Inc.

* *

*

170 Saw Mill River Rd.
Yonkers 2, N. Y.

YOnkers 5-1350

KUBICEK

Pianos & Appliances

Pianos	Refrigerators
Radios	Washing
Television	Machines
Wire Recorders	Ironers-Dryers
Musical	Gas Ranges
Instruments	Combinations
Piano Rentals	Sales and
Tuning & Repairs	Service

* *

*

20 Warburton Ave. Yonkers 2, N. Y.

Tel. YOnkers 9-9236

Nepperhan Valley Restaurant

THEODORE GLUS, Prop.
Добры напитки — Домашня
кухня у края из
Шквирного
ТЕОДОРА ГЛЮЗА
361 Nepperhan Ave.
Yonkers, N. Y.

Fesh and Filak

Wine and Liquor Store

99 Yonkers Ave. Yonkers, N. Y.

*

WHEN LOW IN SPIRITS
Call YOn. 5-5707 Free Delivery

Tel. YOnkers 5-2807

Compliments of Kardash Jewelry

Jewelry and Novelties
Watches and Jewelry repaired
Jewelry made to order
Продаеме и поправляме годинки и
всякого рода ювелирны драгоценны
річы.
93 Elm St. Yonkers, 2, N. Y.

Tel. YOnkers 5-7461

Abbot

Hotel & Restaurant
Supply Co., Inc.

Chinaware—Silverware—Glassware
Paper Goods—Janitorial Supplies
Equipment

Arthur Green 212 Nepperhan Ave.
El. Resnick Yonkers, N. Y.

Tel. YOnkers 3-6727

Harry Gabin

Live Poultry Market

*

57 Riverdale Ave.
Yonkers, N. Y.

YOnkers 3-1338

H. Weiss

Food Service Equipment
Hotel—Clubs—Restaurants
21 Riverdale Ave. Yonkers 2, N. Y.

Tel. YOnkers 5-2979

John Palak

Fine Meats & Groceries
Frozen Foods

*

20 Croton Terr. Yonkers, N. Y.

Phones YOnkers 3-4916-4917

Chachkes Furniture & Carpet Co.

50 MODEL ROOMS

*

74-78 Riverdale Ave. Yonkers, N. Y.

Tel. EVergreen 4-8249

Home Telephone
EVergreen 8-8034
7-7889

Jay's Restaurant and Bar

J. Adamiak-Gulla, Props.

CATERING TO ALL AFFAIRS

С Праздником Рождества Христова
и с Новым Годом шлеме всім
нашим костумерам и друзьям
сердечный привіт и найлучшы
пожелания.

И. АДАМЯК
и
И. ГУЛЛА.

145 Bedford Ave.

Brooklyn 11, N. Y.

(Cor. North 9th Street).

W. HAZLETON, PA.

Tel. 2448

Pecora's Baby Top Milk

*

* * *

for

Mothers who care
PURE—FRESH—WHOLESOME
We produce—distribute
to your home and grocery stores.

Compliments of

Russo-Galician American Friendship Club in Philadelphia

333 FAIRMOUNT AVE.
Philadelphia, Pa.

ПРИВІТ ВСІМ КРАЯНАМ
от членов

**ГАЛИЦКО-РУССКОГО КЛУБА
В ФИЛАДЕЛЬФИИ**

В поміщенні того клубу члени можуть приємно провести
свой свободный час.

В клубі завсе можна получить свіжы, здоровы напитки
и смачны закускы.

Ставайте членами Галицко-Русского Клуба!

FOR SAFETY AND HIGHER EARNINGS
save at

Fourth Federal Savings

AND LOAN ASSOCIATION OF NEW YORK

Вашы ошадности в нашой кассі обеспечены
до суммы \$10.000.00.

1355 First Avenue New York, N. Y.
(between 72 and 73 Streets)
Chartered and Supervised by the U. S. Government.

Compliments of

Frank Krisfalusi

 Grocery & Delicatessen
Store

41 E. 7 St. New York, N. Y.

Butterfield 8-3170

Charles Belsky

FUNERAL DIRECTOR

306 East 72nd Street

New York 21, N. Y.

Tel. REgent 4-1400-1401

Сердечны пожелания

от

Winnies

Wine & Liquor Shoppe

Alfred A. Winograd

361 East 71st Street
at First Ave.

New York 21, N. Y.

BOwling Green 9-0176

Compliments of

Pete's Prime Meat Market

Herko & Son

Jersey Pork, Prime Beef and
Poultry

Boats and Restaurants supplied

121 Washington Street

New York 6, N. Y.

PR. 7-5134

ПЕРВОРЯДНА
БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

Grocery & Meat Market

МИХАИЛА МАСЛЕЯ

Треба, знате, Вам повісти,
Як хочете смачно їсти,
Же в Маслея мясо свіже,
Велький фалат Вам отріже.
Яйка, сыр, масло, колбаса
И свіжа ярина до мяса.
Всього щиро Вам наважит,
А и честно Вас обслужит.

MICHAEL MASLEY

332 Hope Ave., Clifton, N. J.

Tel. SHerywood 2-0387

ПЕРВОРЯДНА
БУЧЕРНЯ, ГРОСЕРНЯ
И ДЕЛИКАТЕССЕН

ПЕТРА ТЕРЕК

До краяна Терека
Ходят люде и с далека,
Терек мяса свіжы мае,
Гросерию тыж продае,
Кенды, айскрим, сигареты,
Всю у него достанете.
Заходте там и Вы часто.
Бо услуга первокласна.

Peter Terek

Grocery & Meat Market

Cigarettes—Ice Cream

160 Lawrence Place, Paterson, N. J.

Phone PRescott 9-3073

JET BLACK PITTSTON
Buy reliable coal from reliable
dealer

**Passaic & Garfield
Supply Coal Co.**

—Incorporated 1908—
Coal—Koppers—Coke
Authorized Dealer

P. Gladis, Pres.

Jos. Kost, Sec.-Treas.

River Drive and Belmont Ave.
Garfield, N. J.

Phone: GR. 3-0610

Andrey Derco

GROCERY & BUTCHER STORE

* * *

Русска Гросерня и Бучерня

193 Ackerman Ave. Clifton, N. J.

Tel. GR. 3-7881

РУССКА ГОСТИНИЦА
ЕЛЕНЬ ВОЛЧКО

Галя на танцы
Где русскы люде ся сходят,
Часом чужых тыж приводят.
В приятельстві поливають,
А по-русски сой співають.

Helen and son John
Wolchko, Prop.

159 Third St., Passaic, N. J.

Tel. PRescot 9-9273

A. Kozay Tavern

Краян Андрей Козай, из Карпатской
Руси, мае Таверн и Гостиницю и
добре людей облугуе. Вси напитки
и закуска. Шофелборд до забавкы.

62 First St.

Passaic, N. J.

Tel. GRegory 3-6363

Michael J. Elias

FUNERAL DIRECTOR

Best service at Reasonable Prices

Первоклассна услуга при похоронах

* * *

167 Third St. Passaic, N. J.

Phone BUtterfield 8-8810
Established 1910

Stein's

Wholesale—Retail

VIENNA BAKERY

Bread and Rolls Specialties

1428 2nd Ave. New York, N. Y.
Between 74th & 75th Sts.

BUtterfield 8-0100
8-0177

Prompt Deliveries

Poust Liquor & Wine Co.

1375 First Avenue
New York 21, N. Y.

*We carry a full line of imported
and domestic Wines and Liquors*

S. S. Peter & Paul's R. O. C. Auditorium

NEW RUSSIAN HOME

175-177 Third St.
Passaic, N. J.

Русский Народный Дом, где ся всі
русскы люде сходят на забавы и
митингы. Кто приде до Пассайку,
най зайде до Народного Дому.

Tel. EVergreen 8-4465

R. Henik & Son

Meats, Poultry and Provisions
Specialty Polish Bologna

191 Bedford Avenue
Bet. N. 6th & N. 7th Sts.
Brooklyn, N. Y.

Tel. EVergreen 8-8116

Mike's Meat Market

Choice Meats

Найдлучшы пожелания всім нашим
костумерам и друзьям.

M. Justin, Prop.

260 Nassau Avenue
Brooklyn 22, N. Y.

Phone: PR. 7-7462

Compliments of

Kovalcik's Market

139 Ray St.
Garfield, N. J.

Free Delivery

Tel. GR. 3-9678

Hudson Tavern

ANDREW FALAT, Prop.

Андрей Фалат есть американский
уроженец. Його родиче из Ве-
ликого Вислока, п. Санок, —
проживают в Диксон, Па.

159 — 4th St. Passaic, N. J.

Tel. Michigan 1-2116

Andrew Michak

Licensed Real Estate Broker
and Insurance:

Fire—Windstorm—Automobile

Accident

Health—Plate Glass—Burglary—

Public Liability and Property

damage

—Fidelity—Surety Bonds.

11205 Revere Ave.
Cleveland 5, Ohio

Tel. 1-7858

Andrew J. Skuba

Grocery and Meat Market

Established in 1922

ПЕРВОРЯДНА БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

Треба вам, знате, повісти,
Як хочете смачно їсти,
Же у Скубы мясо свіже,
Велький фалат вам отріже.
Яйка, сыр, масло, колбаса
И свіжа ярина до мяса.
Всего широко вам наважит.
А чесно вас обслужит.

3264 Scranton Rd.
Cleveland 9, Ohio

ПЕРВОРЯДНА ГОСТИНИЦЯ

Лемка с Полян
МИХАИЛА ШТЕЛЬМЫ

в Кливланді

Каждый, кто жие в Кливланді,
Мусит признати по правді,
В Майка Штельмы—Пырл род улицы
Перворядна гостиниця.
Там выпьете, прекусите,
Музыком ся звеселите,
С Михалом побесідуете,
Все “што нове” — почуете.
А коли уж там будете,
Пословицю сой вспомнете:
“Наіли сме ся и напили,
А дорого не платили.”

STELMA TAVERN
4920 Pearl Rd.
Cleveland 9, Ohio Tel. SH. 1-9855

Tel. SH. 1-9885

Bill Stelma's Cafe

* *

Liquor—Wine—Beer

До каварни Штельмы Василя,
Хоц бы яка была хвиля,
В осени, в зимі и в літі
Каждый зайде сой выпити,
Што лем хоче — закусити
И при том ся забавити.

Його адреса:

3180 W. 25th St. Cleveland, O.

Home Address:

1628 Holmden St. Cleveland 7, Ohio

Rusynyk-Yurch Funeral Homes

CLEVELAND, OHIO

Three convenient Locations to Better Serve You

—East—	—Brooklyn—	—West—
STEVEN RUSYNYK		MICHAEL YURCH
10217 Union Ave.	4491 Broadview	2824 West 14th St.
Diamond 1-3100	(near Natchez Ave.)	PRospect 1-0078
MIchigan 1-6660		PRospect 1-4173

INVALID CAR SERVICE

To relieve you of many details: There are many details that must be attended to when tragedy strikes and many families find themselves overburdened. We stand ready to serve by relieving the family of many of these tasks. Don't hesitate to consult us — we really want to help.

The things people tell us: We are always interested in finding out what people think about the way we conduct our services, because we feel that points the way to improvement. There is no simple formula that applies in all cases — so we are really grateful when someone tells us how some detail can be perfected.

Tel. PR. 1-1429

Cleveland, Ohio

South Side Hardware

2308 PROFESSOR AVE. CLEVELAND, OHIO

* * *

RADIOS—APPLIANCES—TELEVISION
PAINTS—WALL PAPER—PLUMBING SUPPLIES

FRANK SZAFRANSKI — Prop.

В металічному складі Френка Шафранського все знайдете повний вибір домашніх приладів по доступним цінам.
Френк Шафранський добрий приятель Лемко-Клуба в Клівланді.
Всім країнам рекомендуємо його склад.

CLEVELAND, OHIO

Tel. FLorida 1-2205

Tel. CH 1-7560, 1-7561

Night Phone: FL 1-5027

Andy Kasych

Fine Beer & Wine
and Luncheons

Андрей Касич крайн близький.
Родом з Свіржов Русской,
Добрий лемко, добрий бізнесиста.
У него все пона хижка,
Свіжы пива — стары вина.
Из Нью Йорку и с Парижа,
А и такы вам шампаны,
Што лем пили давно паны.
У него сой прекусите
И здоровля підкріпите.
У кого здравля найсильніше,
Тому життя найвесільше.
ЗАХОДТЕ ДО НЕГО

4716 W. 35 St. Cleveland 9, Ohio

C. E. KALETA E. G. BABITS
manager

Lincoln Studio

PHOTOGRAPHERS

Portrait—Wedding—Candid
& Commercial

2399 West 11th St. Cleveland, O.
Tel. TOWer 1-6792

В гостиниці А. Турака получите
всегда-свіжы напитки и смачно
приготовлены закуски.

A. Turak

3146 W. 14th St.
Cleveland, Ohio

The Red Star Sausage Co.

*

Мясны výroby всіх сортів.
Старокрайовы шинки, колбасы
и молочны výroby. Гуртовна
доставка пива.

МИХАИЛ ТАРНАВА
властитель

500-14 Jefferson Ave. Cleveland, O.

Tel. 8-9323

Old Spot Restaurant

DANIEL SENKOWICZ, Prop.

Choice Liquors—Fine Wines
and Beer

New Haven, Conn.
Cor. Pine & Fillmore Sts.

Первоклассный Ресторан

ДАНИИЛА СЕНКОВИЧА

крязяна из Мысцовы,
пов. Красно.

Як переїзжате через Нью Гейвен,
не забудьте вступити до него.

Compliments of

Sheetz Hotel

FRANK EZERSKI, Prop.

1131 Schoonmaker Ave.
Monessen, Penna

Tel. 494 J or 1052

Compliments of

Check's

Home for Funerals
Furniture & Undertaking

Monessen, Pa.

Compliments of

RUSSIAN AMERICAN ASSOCIATION

Monessen, Pa.

Paul Barna — Pres.

John Pacak — F. Sec.

T. Kowalchuk — Treas.

209 Schoonmaker Ave.

Monessen, Pa.

Ambridge Phone: 6-2110

Aliquippa Phone: 9517

Pittsburgh Phone: GRant 1-6315

Поздравления с Новым Годом!

Greetings and Best Wishes

for 1952

from

Ohio River Motor Coach Co.

Coaches are available for special
Trips of Groups and Parties.

Compliments of

Stern's Furniture Co.

* * *

531 Schoonmaker Ave.
Monessen, Pa.

Compliments of

Anna Kuzma's

Beer Garden
BEER-WINES-LIQUORS

ANNA KUZMA, Prop.

275 Schoonmaker Ave. Monessen, Pa

Plumbing-Hardware-Paint

at Sivie's

313 Schoonmaker Ave.
Monessen, Pa.

Tony & Son Hyrchak

Quality Meat & Groceries
Store

15 Schoonmaker Ave.
Monessen, Pa.

Phone 4-0733

Belldown Market

Quality Groceries & Meats

До края Петра Телпа
Ходят люди с далека,
Не лем свои, а и чужы,
Ео он гречно всіх обслужит,
Завсе свіжий товар мае,
Он старого не продае.

*

22 BELLTOWN ROAD
STAMFORD, CONN.

Stamford, Conn.

Tel. 3-9830

Waterside Liquor Store

328 Greenwich Ave.

JOHN KESNICK

Всі напитки на забавы и для домаш-
ньої потреби достанете у доброго
приятеля нашого народа и нашої
організації И. Кесника.

*

Liquors—Wine—Beer
Free Delivery

Tel. 6-4510

F. J. Dudzik

JEWELLER

Watches—Clocks—Radios

Electr. Apl.—Jewelry,

Keep safe Diamond's

Silverware

Expert on jewelry and watch repair
and all make's of clocks.

314 — 6th Street Ambridge, Pa.

Ambridge 6-1306

Heating—Plumbing

Floor Surfacing

Metal Awnings

Beaver Valley Heating

656 Merchant Street
Ambridge, Pennsylvania
Air Cooling—Appliances

STAMFORD, CONN.

Tel. 3-5609

Peter Quality Market

Meats—Groceries—Veg.
Frozen Foods

Free Delivery

726 So. Pacific St. Stamford, Conn.

Phone 3-6274

Compliments of

Imperial Baking Co.

House of Quality

60 Hawthorne St. Stamford, Conn.

Phone 2-2303

National Artesian Well Drilling Co.

J. S. CHURYK, Manager

Repair and Install Pumps

Мы выбиваем студи для индустри-
альных потреб, при домах и на
фармах.

Компания, под зарядом нашего
краяна И. С. Цюрика из Смере-
ковца, даст вам наилучшу
роботу.

444 High Ridge Rd.
Stamford, Conn.

Phone 3-9919

Compliments of

Casino Restaurant and Bar

Beer-Liquors-Wines

511 Atlantic St
Cor. of State St. Stamford, Conn.

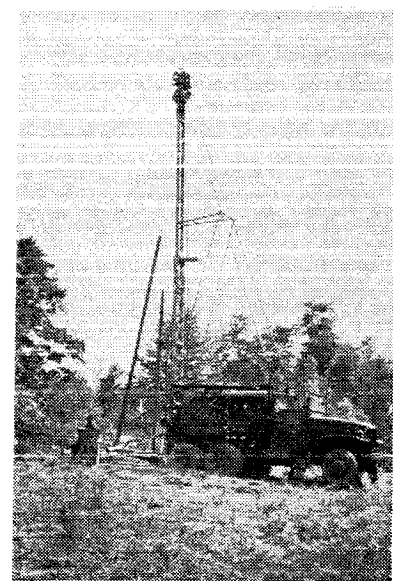
Established in 1919

Bosak Funeral Home

Funeral Directors

В випадку смертельного несчастья
в фамилии удайтеся до нашего
погребника славянского
роду.

641 Atlantic St. Stamford, Conn.



Ph. 3-6521

K. Maciolek

PHOTOGRAPHER

Як бажаєте мати снимку свою
або фамилийну — зайдте до
нашого славянского фотографа.

603 Atlantic St. Stamford, Conn.

Phone 4-6675

Compliments of

Hay Photo Service

HERBERT A. YELIN

Color, Commercial, Estates
Candid Weddings

389 Main St. Stamford, Conn.

КНИЖКИ ИЗДАНИЯ ЛЕМКО-СОЮЗА

МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТИ В РЕДАКЦИИ "КАРПАТСКОЙ РУСИ"

Мапы и книжки до читана

1. Мапа Лемковины на полотні	\$2.00
2. Мапа Лемковины на папери	0.50
3. Карпаторусский Букварь — Ваньо Гунянка	0.15
4. Наша Книжка	1.00
5. Як Гартувалася Сталь — Н. Островский	0.50
6. История Советского Союза и Карпатской Руси	0.40
7. Памятна Книжка	0.25
8. Борьба за Национальные Права и Борьба за Социальну Справедливость — Д-р. С. Пыж	0.10
9. Мысли о Кооперации — Родный Лемко	0.10
10. Збийска Полянка — Родный Лемко	0.10
11. Лемковскы Выродкы — Родный Лемко	0.10
12. Правда о России — Ваньо Гунянка	0.10
13. Лемковскы Народны Співанкы — Сын Лемка	0.20
14. Ноты Лемковскых Мелодий	0.50
15. Календари из минувших роков: 1930, 1933, 1934, 1937, 1938, 1939, 1944, 1945, 1946, 1948, 1949, 1950 и 1951.	0.25

Драматична Библиотека

1. Лемковске Весіля и Співанкы	0.10
2. Спаношене Хлопство	0.10
3. Ицко Сват	0.10
4. Молоды Старых Ошукали	0.15
5. Американе и Клопоты Пана Превелебного	0.15
6. Братья Коллекторы	0.15
7. Муж Умер	0.15
8. Порозуміла	0.15
9. На Чужом Весілю	0.15
10. Женаты Женятся	0.15
11. Лемковскы Вечиркы	0.15
12. На Границы	0.15
13. Просвітители Народа и Просперита	0.15
14. Охотники	0.15
15. Мачоха и Конскрипция	0.15
16. Безработны и Ситизены	0.15
17. Стары Кавалеры и Такы Теперь Дівчата	0.20
18. Куда Сердце Тягне	0.20
19. Весна	0.10
20. Стародавны Лемковскы Вечиркы и Ламанчак	0.15

Представления в Календарях из минувших роков

1. Як Чорты Панов Взяли (1933); 2) Вертеп В Карпатах (1934);
3) Петро Павлик зо Спиша (1938); 4) Заверуха на Лемковині
(1939); 5) Дві Сестры (1949); 6) Нашы Спорты и 7) Так То
Было (1950); 8) Карпаторусскы Партизаны (1951).

Представления в Нашой Книжці

- 1) Вертеп в Карпатах; 2) Шолтыс; 3) Петро Павлик зо Спиша;
4) Дві Натуры; 5) Просперита; 6) Німецка Украина.

LEMKO ASSOCIATION

556 Yonkers Avenue

Yonkers 4, N. Y.